

НФ

КИБЕРПАНК

ХОРОР

ФЭНТЕЗИ

реальность фантастики

№7 2010

Повесть:

Федор Березин
«ЭВОЛЬВЕНТА»

Рассказы:

Алексей Ерошин
«ПОПКОРН»

Алекс Май
«ПЕНТАКЛИ ВТОРОЙ
МИРОВОЙ»

Критика:

Дмитрий Проскуряков
«АЛЬТЕРНАТИВА ИЛИ
ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ?»

Ян Михайловский
«ВОЙНУШКА»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 7 (83) 2010

1. Федор Березин	/ ЭВОЛЬВЕНТА	4
2. Григорий Панченко	/ ПРЕДИСЛОВИЕ	35
3. Алексей Ерошин	/ ПОПКОРН	38
4. Дмитрий Манасыпов	/ ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ НА МАРСЕ?	57
5. Олег Макаровский	/ ЗА ЦАРЯ И ВОЛЮ.	75
6. Алекс Май	/ ПЕНТАКЛИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ.	87
7. Виталий Держапольский	/ ПСАРНЯ	95
8. Алексей Ивакин	/ СБЫЧА МЕЧТ	105
9. Виктор Колюжняк	/ СОЛДАТСКАЯ ВЬЮГА	114
10. Федор Гайворонский	/ ДОЛИНА СМЕРТИ	121
11. Дмитрий Зотиков	/ ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД «КАССИОПЕЯ»	126
12. Олег Матросов	/ ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ	131
13. Алекс Резников	/ МИНИ-АЛЬТЕРНАТИВЫ.	136
14. Дмитрий Никитин	/ ПУСТЬ ВСЕ КРУГОМ ГОРИТ ОГНЕМ.	140
15. Александр Иванов	/ КУДА УХОДЯТ ПИЛОТЫ.	143

Критика

16. В. Окулов	/ ПОЗАВЧЕРА БУДЕТ ВОЙНА.	145
---------------	----------------------------------	-----

Рецензии и отзывы

17. Дмитрий Проскуряков / АЛЬТЕРНАТИВА ИЛИ ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ? 154
18. Ян Михайловский / ВОЙНУШКА 162

Кинопортал

19. Лев Гурский / ВАМ ПОСЫЛОЧКА С МАРСА 164

Репортаж

20. Олег «Mastino» Козловский
/ ТРЕТИЙ ВСЕУКРАИНСКИЙ СЪЕЗД ФАНТЛАБА В ОДЕССЕ 169

Opus mixtum

21. Разные хорошие новости. 173

Этот номер «РФ» необычный. Мы решили провести эксперимент и предоставили большую часть площади журнала прекрасно известному нашим читателям давнему автору «РФ» Григорию Панченко. Он подготовил подборку военно-фантастических рассказов разных авторов.

Появление в этом номере рассказа Федора Березина, известного своей приверженностью военной тематике, представляется вполне закономерным. Но и здесь читателя ожидает сюрприз: «Эвольвента» принадлежит к классической, твердой НФ. Это первая публикация Федора Березина в нашем журнале, и мы надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Редакция

ФЕДОР БЕРЕЗИН

ЭВОЛЬВЕНТА

У них лопнул парус. Громко сказано. Он не побежал разрезами по шву, не прыснул высушенной насквозь соленой ниткой, не затрещал, колотясь, в порывах ветра. И скрип предательницы мачты, освобожденной от надрыва, не обрезал вой урагана. Но миг, когда мономолекула утрачивает структуру и рассыпается в атомную труху, нельзя не заметить: вся Вселенная перед вами сминается, комкается в жмению, звезды, накладываясь, сталкиваясь, давя друг друга, рождают, тут же убивая, безумные сбегаящиеся созвездия, и сразу же торжествующее безмолвие заслоненного сценой мира гасит световую радугу сапогом реальности. И снова впереди немерцающие, игольные проколы млечной бездны, и не сдвинутся миллиметром парсековые дальности. Покойная недвижимость обманной статичности. И еще до механичности взгляда в датчик ускорения, в пурпур аварийной лампы, вы все уже знаете: клочья, скрученные квадраты гектаров, а скорее, пыльца вашего паруса мчится, уносится — уже умчалась, уже унеслась — в пустоту бездны курсовых звезд. Ну, что же, случается, думаете вы, приходя в себя, через длинную-предлинную секунду резонирующей внутри растерянности. Все не вечно, тем более, ангстремная тонкость молекулы-гиганта. Бывает, облегченно вспоминаете вы, вот тогда возле...

— Бывает, — бесшабашно громко, для новорожденной вселенной впереди, говорите вы. — Вот тогда, возле меркурианского перигелия...

— Парус? — спрашивает, фиксируя первичность случившегося в ее жизни Марина. — Надо же? Никогда бы не... — уже притворно весело и тоже громко после исчезновения зеркального переотражения вселенной.

— Да, случается, — растягивая рот в улыбку и пытаясь отвернуть глаза от пурпура панели и проколов звезд впереди, продолжаете вы. — Тогда, возле Меркурия, мы дважды теряли лисель, а Мегрэ, вообще, марсель — четыре раза. Поэтому и не вошел в «десятку».

— Когда это было... — возражает, замолкая, Марина, тоже глядя в пурпурное пятно на пульте. Конечно, дело не в том когда, оба знают, что она имеет в виду под временем: техника солнечных парусников ушла вперед, резко, на два порядка, повысилась надежность; на той старине они бы никак не рискнули забраться сюда. — Даже интересно, правда? — исправляет свою ошибку Марина, показывая ямочку пурпуру и звездам впереди. — Будет что...

Дадди, косясь, отслеживает ее профиль, четкость и неповторимость линий, толкающих его на подвиги. На этот рейс тоже, разумеется, если быть честным. Он, наконец, преодолевает гипноз аварийной лампы, берет Марину в фокус, вновь клеит бесшабашную улыбку уверенности спереди.

— Сейчас милая, — басит Дадди с высот всесильного опыта старого космического волка, которому все эти штучки-дрючки пустоты за силовой защитой, от которых у юнг-курсантов сердце делается спринтером, а в голове толпятся книжно-фильмовые аналогии — скука смертная, суэта детсадовская. — Шас, проверим поле. Чего торопиться? Сделаем все как надо. — Дадди склоняется над пультом, тренированные перчаточные пальцы готовы давить клавиши, вращать кнопочки, а глаза шарят ниже, хотят выйти из зоны аварийной цветовой гаммы. — Аккуратненько свернем рен. Пусть сканер пробежится, даруг клочья там...

Уже загораются впереди новые, оживленные пилотом Дадди огоньки. Хочется зыркнуть на Маринку, узнать каким она его сейчас видит, он сдерживается, следит за индикацией.

— Так, рея в узле, — поясняет космический волк Дадди. Вообще-то есть специальные команды для каждой операции, но он здесь не на стажировке и не на сдаче прав. Понятное дело, сама Марина тоже не лыком шита, пусть не его стаж, но тоже влюблена в солнцелеты по уши — на гонках и познакомились, и ей, разумеется, без доходчивости понятно каждое переключение, но...

— Проверим и кливера заодно? — уважая опыт спутницы и желая приобщить ее к вершащемуся приключению, интересуется Дадди. К тому же, есть повод глянуть на нее в упор. Все в норме: никакой бледности, губы не поджаты, глаза внимательно отслеживают движение рук Дадди. Пульт, конечно, у них анахронизм. Нет, скорее, нечто сотворенное под

анахронизм — стиль ретро. Но, разумеется, в далекую эпоху надуваемых воздухом парусов не было ничего похожего, однако сейчас, на соревнованиях, используется именно такие — спортивная мода. Марина кивает, улыбается уже не натянуто. Эйфория и смехотворность произошедшего умиляет.

— Чего он порвался-то? — спрашивает Марина, хотя ответ ее абсолютно не интересует. Это психотренинг — поддержка Дадди и себя.

— Какой-нибудь метеорит, мелюзга бродячая, — добропорядочно растолковывает Дадди банальщину. — Здесь, вблизи гиганта, они несутся как ошпаренные, хотя, может, и по нормальной, круговой, орбите ходят. — Он жмет плечами. — Правда, на сонаре ничего не мелькало. Ну так, жменя пыли какой-нибудь, мало ли? Бывает. — Он снова шевелит плечами. — Кливера в норме. Стаксели... Они у нас куда не развернуты. Запас! — Дадди поворачивается и подмигивает Марине. Однако, последняя шутка — это некоторый перехлест.

Последовательно, одну за другой, он проводит еще несколько не связанных со случившимся операций. Но все это мелочи, все в полном ажуре, и цикл неумолимо приближается к решающему моменту, когда в свернувшуюся жидкометаллическую рею впрыснется граммулька мономолекулярной взвеси и подогреваемая током рея надуется, утончаясь и растягивая вширь застывающую, но гибкую пленку, мгновенно творящую структуру толщиной с атом, но площадью в десяток километров.

И вот теперь, дойдя до цели, Дадди на мгновение замирает. Он понимает, почему интуитивно оттягивал решительное действие. Толчком, со сбоем сердца, до него докатывается, что и Марина уже поняла. Абсолютно неосознанно, а может, ввиду самостоятельности, мыслящий локоть пытается отгородить от нее знание. Все напрасно. Однако Дадди осознает себя мужчиной — язык его снова оживает и улыбка не отклеивается. К тому же, он сам еще не верит — хочет убедиться и попаниковать в одиночестве еще пару-тройку секунд.

— А как там наши эзелькофты? — спрашивает он сам себя вслух. — Сколько сейчас световое давление? — последнее слово неудачно выбрано, он с ужасом понимает это, поворачивается, и убеждается, что она заглядывает за его по-дурацки приподнятый локоть. — Марин...

— Что будем делать? — спрашивает она, совсем не улыбаясь и глядя прямо в глаза.

— Сколько световой поток? — подправляет он тот же, ничего не значащий, глупый, даже не удающий в сторону, вопрос.

— Дадди, милый, что будем делать? — она отодвигает его локоть, который и не был способен что-то заслонить. — Излучение Арктура в норме, а вот это давление? — можно было и не показывать пальцем, лишнее суточное движение.

— Может, датчик? — говорит себе и Марине Дадди.

Уже через четыре секунды молчаливой кнопочной манипуляции они убеждаются, что это зряшное предположение. Все на пульте правильно и, однако, нереально: давление в баке — хранилище мономолекулярного ингредиента главной мачты — отсутствует. Отсутствует полностью, там не плеснет ни граммульки чудо-жидкости, и не гуляет даже слабый ветерок. Идеальная стерильность, свежесть вакуума, вот что там прозябает.

Дадди начинает перелистывать в голове инструкцию, медленно и не торопясь: он знает, что там нет нужного им сейчас пункта.

***

Нет, почему же, инструкция написана умно, соответствующий случившемуся пункт все-таки имеется: «В случае поломки (аварии), технические последствия которой не поддаются самостоятельному ремонту, участник соревнований обязан сообщить в эфир свои координаты, курс, скорость, и (или) включить радиомаяк. Все члены экипажа должны соблюдать спокойствие, проявлять выдержку и оказывать друг другу посильную поддержку». С последними словами и Дадди и Марина были согласны. Они соблюдали их с перевыполнением. Однако касательно начальных установок о вызове помощи дело совсем дрянь.

Красота и ужас истории, в которую влипли человеческие букашки, оседлавшие парусник, была многогранна. В настоящее время они являлись единственными живыми существами в пределах приблизительно десяти кубических световых лет. Система Арктура не интересовала человечество, возможно, именно потому, что оранжевый гигант, превосходящий диаметр Солнца в двадцать шесть раз, являлся единственным ее составляющим. Только какие-нибудь сумасшедшие астрофизики, внезапно разыскавшие столь же безумного как они сами спонсора, или такие же авантюристы, как теперешний экипаж «Мухометера», изредка забредали в окрестности огромной звезды. Например, Дадди и Марина прибыли сюда упражняться в парусном спорте. И конечно, они не преодолели одиннадцать парсеков, отделяющие Арктур от Земли, своим ходом. Несколько недель назад их выплюнул из подпространства энерговоз компании «Полезные приливы». Выплюнул и ушел далее, к своей Пи Волопаса, решать положенные инструкцией транспортные дела по «воровству» энергии взаимодействия горячих голубых гигантов. В запасе у яхтсменов было ровно три месяца наслаждения. Потом возвращающийся на родину энерговоз добросит их обратно. Если они не успеют, никто не будет искать: Дадди и Марина вовсе не являлись официальными пассажирами на борту «Накачанного исполина», никакая парусная лига не позволила бы одиночное «плавание» вблизи необитаемой и даже не планируемой к обживанию звезды. Но что за интерес носиться по трассам, исхоженным вдоль и поперек другими?

Разумеется, у них на борту имелся передатчик — и дело даже не в том, что никакая космическая верфь не выпустила бы их в рейс без него,

а отвинчивать внешнюю антенну и систему волноводов вручную — извините! Просто Дадди считал, что на палубе нужно иметь все, что присутствует на обычных космических парусниках. Однако передатчик, который значился в снаряжении любого, даже самого маленького, солнцелета был обычным, а вовсе не гиперсветовиком. Почему так? Возможно, потому что гиперпередача требует излишне массивного оборудования. Летательной машине, маневрирующей и берущей разгон только за счет дармового звездного «ветра», таковые излишества снизят все ходовые преимущества.

А простой передатчик? Он вполне надежен в пределах обжитых человеком миров. Сигнал с ближних подступов Солнца, с далеких внутренностей меркурианской орбиты, с тех кипящих энергией и ветром пространств, излюбленных солнцелетами, даже до Земли допрыгивает в пределах десятка минут, но и без того там наличествуют сотни более близких станций слежения. Но сейчас! Через сколько часов, суток или лет пронзят триллионы километров пустоты обычная направленная передача? И дойдет ли вообще? Даже лазерная струна, порожденная ББКО (блоком ближнего корабельного общения), разбежится в полнеба, сводя воспринимаемую кем-то мощность к нулю, а что говорить о радио-эфире?

***

Итак, они попали в сеть. В громадный, расплескавшийся в световых минутах, часах и днях невод. И сплетен он был не из веревок, а из куда более прочных, все пронизывающих жгутов. Он был соткан из гравитационных нитей. И совсем недавно солнцелет скользил по ним играючи, зная, что в этой, собранной из взаимодействия и борьбы Вселенной на каждую силу существует ее антипод, и умеючи, возможно долго-долго искушать судьбу, забирая толику чужой мощи на собственные шалости. Уже много дней солнечный парусник издевался над гигантским шаром огня, пылающим в пустоте посреди лишенного планет и спутников пространства. И если рассматривать все окружающее с точки зрения предназначения, то в чем был смысл этих изрыгаемых вовне, многократно возведенных в степень гигаваттов? Он был бесплоден, этот пышущий мощью звездный Люцифер. Миллионы лет его существования прошли зря: поскольку он не сумел породить планеты, то не создал и жизнь.

Возможно, именно поэтому он был предельно злобен. До поры до времени он скрупулезно скрывал свою неприязнь к разумным припелльцам, резвящимся в его окрестностях. Много дней он очаровывал их красотой протуберанцев, кипящая мощь которых была недостижима для далекого Солнца даже в давние времена его молодости. Часами он послушно растопыривал объятия, мягкими мозолями излучений натягивая мономолекулы парусов. Смирно и ласково он расстилал коврами свои гравитационные пряди, смиренно наблюдая кульбиты, выделяемые распалившимся «Мушкетером». Он стойко терпел, как снайпер, наблюдающий в бинокль приближение цели

с большими гордыми погонами и до срока берегающий надежность винтовки в особом, утепленном чехле. Но когда пришел час, он сумел послать в цель меткий — один из миллиардов в чудовищной степени — протонный ручеек, или скорее, тонкую убийственную струю. Странно, он не поразил людей: в полном неведении секунд, они сохранились до срока. Возможно, это была утонченная жестокость того, кто ожидал миллионы лет?

А протонная пуля, невозможная штука для тех, кто скрыт атмосферой, да и редкость в сфере влияния солнцеподобных звезд, пробил навывлет бак мономолекулярного хранилища, испепелила, испарила и выдула пузырьком всю начинку. Ну, а потом новая протонная пуля, из той же очереди, а может, электронно-позитронный сгусток, нашел парус. И тот, разумеется, лопнул. Такое случается.

В окрестностях населенного мира все бы было нормально. Так, спасательная суета. Затем они и нужны — аварийные службы.

***

В чем замечалась еще одна прискорбная деталь случившегося? Парус лопнул ближе к финалу любимого трюка солнцелетчиков — «нырка в ад». Только наивные думают, что солнцелеты умеют лишь удаляться от светила в лучах попутного «ветра». Для такой операции совсем не требуется мастерство. Кстати, и перспектив у нее мало, уже на рубеже астрономической единицы напор космического «ветра» стихает. Плавность хода с постепенным сведением ускорения на нет — вот что подстерегает таких незадачливых путешественников. Хотя, конечно, при каких-нибудь однонаправленных грузоперевозках операция имеет смысл: в свое время именно так поставлялась десятая доля выпотрошенных из Меркурия тяжелых элементов. Но для истинных яхтсменов, солнцелетчиков, такой метод полета — неприемлемая забава, скука, равная в накале страсти путешествию в домашнем лифте. И не для того изобретались солнцелеты, неродные правнуки планеров и дельтапланов, и истинные наследники сгинувших во времени фрегатов.

Солнцелет может маневрировать. В умелых руках и со смелой головой, он способен валиться на распластавшуюся внизу звезду, используя не только ее гигантскую силу притяжения, но и плещущий навстречу лучевой шквал. Оказывается, прямое падение на солнце не есть самый быстрый способ провала в «преисподнюю»: удачно меняя галсы, можно ускориться намного быстрее.

Именно этим занимались Дадди с Мариной, когда запас мономолекулярной смеси в главной тяговой мачте испарился. Да, пикирование без паруса не самый быстрый способ падения на звезду, однако теперь, продолжая дополучать каждую секунду ускорение, «Мухометер» вместе со своим экипажем понятия не имел, как из него выйти. По расчетам Марины и бортовой электроники, через пятнадцать суток солнцелет должен был воткнуться в фотосферу Арктура со скоростью восемьдесят

девять тысяч километров в секунду. Фотосфера есть просто слой газа толщиной километров триста. Именно с него идет основной шквал видимого глазом млекопитающих излучения. И естественно, это разреженная масса, как и вся звезда в целом. Однако скорость есть скорость. Кроме того, приблизительно за четверть секунды до этого солнцелет, согласно физическим законам этой Вселенной, обязан испариться ввиду перегрева и трения о хромосферу, еще одну арктурианскую оболочку толщиной всего-то в десять тысяч километров.

Понятно, еще за три-четыре дня до того на нем должны свариться, зажариться и исчезнуть любые биологические системы, включая одноклеточные. Дадди с Мариной не относились даже к последним.

***

— Они жили счастливо и умерли в один день, — выдала заключительным аккордом к расчетам Марина.

— И даже в одну секунду, — с мрачным излишеством дополнил Дадди и обнял спутницу за талию: теперь было можно все.

Через некоторое время, после ахов и охов, они вернулись к прерванному разговору.

— Мари, моя единственная любовь... — начал Дадди.

— И однозначно последняя, — с блаженной улыбкой дополнила Марина.

— И однозначно последняя, — согласился космолетчик Дадди, кивая. — И вот, моя единственная и последняя любовь, ты учла снос даваемый стаксельями?

— Смешнись, — почти не хмурясь, продемонстрировала ямочку на щечке яхтсмен Марина. — Даже если сейчас угол смещения несколько нарушится, все равно в корону Арктура мы — точнее не мы, а мертвый «Мушкетер» — войдет вертикально. Есть разница где?

— В солнечном пятне было бы прохладнее.

— А что, — посмотрела напарнику в глаза солнцелетчик Марина, — делать нам нечего, почему не совершить трюк, который еще никто не делал?

— Вполне «за», — кивнул Дадди. — Жалко, не тесно от зрителей.

Затем они одновременно посмотрели в затемненный экран. Без жалости и без смеха на них уставился заслоняющий четверть неба оранжево-вездесущий Арктур.

*

— Между прочим, — убрала руку с пульта Марина, — кливер и стаксель дали гораздо больший снос, чем предполагалось.

— Да, — отряхнулся от полудремы прикемаривший у нее на коленях Дадди. — А почему?

— «Солнечный бриз» сильнее, — пояснила Марина, лаская его волосы.
— Мы продлили свои дни? — спросил с замаскированной надеждой космолетчик Дадди.

— Вряд ли дни, — разочаровала его девушка. — Посчитать?

— Не убивай меня окончательно, милая, — вновь прикрывая веки, взмолился Дадди. — Может, передохнешь?

— Это успеется.

— Стоп! — внезапно очнулся Дадди, и мерно работающее в его груди сердце ускорило подачу крови. — Стоп! Насколько возрос поток?

— Что ты хочешь? — любопытствовала Марина, срезонировав в его волнении.

— Да, нет, ерунда, конечно, — махнул рукой взлетающий к потолку Дадди. Понятное дело, в свободном падении на борту «Мушкетера» царила идеальная невесомость. — Но давай просчитаем вариант с переменной галсов.

— Ты хочешь ускориться? — брови Марины взметнулись.

— Давай просто рассчитаем, а?

***

И они просчитали. И глаза у них округлились, и вспотели виски, а где-то под легкими комбинезонами забухало, ускоряя ход, сердце — наивный, маленький и неутомимый насос. Как просто и уверенно он обманывается, следуя собственной, необъяснимой извилинами логике. Но его нелогичное буханье заставило две пары глаз, замкнутых в притушенном свете нависающего Аркура, сверкнуть навстречу друг другу. И снова колотились сердца, пока сверхскоростная машина перепроверяла расчеты: всего два удара понадобилось, дабы преобразовать цифры в импульсы и обратно в цифры, и начертать в стереополости экрана красивую картинку. И даже Дадди, срочно рыпнувшийся сворачивать стаксели, замер на полпути над кнопками, чтоб наблюдать рождающееся по-новой чудо — тонкую-тонкую линию, чиркающую, нет, все же проскакивающую по краешку ставшей плоской в увеличении поверхности гиганта.

— Да, — хмыкает Дадди, притворно зевая и маскируя сумасшествие сердца. — А что там дальше по графику? Сделай сдвиг.

И Марина сдвигает, понимая, что рано радоваться — там, за краем экрана, этот внезапный подъем должен неминуемо обратиться новым падением. И они смотрят.

— Да уж, — говорит Дадди, не в силах скрыть разочарование. Там, в экране линия, вроде уводящая «Мушкетер» прочь от Аркура, снова загигает книзу.

— А ведь почти получилось, — вздыхает Марина, и рука ее от предательского волнения дергается.

— И все же интересно, — констатирует Дадди, поджимая губу и с обидой сжимая кулаки — так хочется стукнуть по чрезмерно правдивому экрану.

— Интересно? — отзывается Марина, наконец, отворачиваясь от пульта.

— Давай снова посчитаем, — поднимает, с трудом разомкнутую, ладонь Дадди. — Нет, правда, просто посчитаем и все. Так, для интереса. Мы ведь и сейчас так делали? Ну, хочешь, поспи! Я сам.

— Да, нет, давай уж я продолжу. Поспать мы еще успеем.

— Вот и я так думаю.

***

Теперь кривая на экране имела совсем странный вид. Это было похоже на траекторию брошенной поверх волн сплюснутой гальки, только с обращением процесса во времени. Взлетающие дуги все увеличивались и увеличивались, однажды обращаясь разорванной поперек линией, уходящей по касательной прочь.

— Но разве это возможно? — совсем спокойно удивлялась Марина, шурясь в экран.

— Наверное, нет, — размыкал напряженные челюсти Дадди. — У нас ведь нет паруса. Только... Я ведь просто так считаю — занятно.

— Ну да, заняться ведь больше нечем, — стреляла ему в глаза Марина. — И все-таки, что «только»?

— Что «только»? — переспрашивал Дадди, продолжая клацать кнопками: теперь над вычислителем возвышался он, а не Марина.

— «У нас нет паруса, только...». Ты так сказал или мне нужно извлечь и расшифровать запись «черного ящика»? Знать бы, где он прячется?

— Марин! — внезапно поворачивается к ней Дадди. — Мне нужно выйти в открытый космос.

***

— Зачем? — говорит Марина, уже догадываясь о цели, и тут же, спеша опередить правду, пытается остановить другим. — Жесткость наших скафандров недостаточна при такой близости к звезде.

— Глупость! — напущено веселясь, отмахивается Дадди. — Перестраховщики хреновы! Я просто туда и обратно. Делов-то — перецепить баллон.

— Дадди, одному нельзя. Может, я с тобой?

— Оставлять «Мухометер» без присмотра тоже не положено, — космонавт Дадди уже встает, воспаряет к центру кабины. — Я туда и обратно. Что, я сам не понимаю, что такое радиация?

— Тебя зажарит, — она даже пытается перехватить его скользящую мимо ногу. Растягивается эластичная ткань возле колена.

— Не глупи, малышка, — вертится в воздухе Дадди, словно пловец, борющийся с акулой. — Что значит «зажарит»? У нас с тобой не слишком

много альтернатив. Сегодня еще можно, ты прикинь, какой поток будет в короне суток через двое. Тогда точно зажарит, — он, наконец, вырывается и со смехом, толкаясь о подголовник ввинченного в пол кресла, уносится вдоль отсека.

— Ну, не шути, Дадди, — взлетает вслед за ним Марина. — Ты не посмеешь бросить меня здесь одну. Но он уже размыкает ящик. Оттуда пляшется в замкнутый мир «Мушкетера» одноглазые циклопы скафандров.

— Твое дело будет следить за изменением давления, — наставляет ее Дадди, колдуя с застежками. — Не хватало выпуливаться вовне по второму разу.

— Дадди, — говорит она, дергая его за руку. — Опомнись, это чистая теория. На сколько грот-мачте хватит раствора из вспомогательного бака?

— Посчитай, — он уже сует ноги в невесомость внутренней оболочки скафандра. — На полную парусность — не хватит даже на раз. Попробуем работать пятой, а может и шестой частью площади.

— Сумасшедший, — в отчаянии или в восхищении констатирует Марина.

— Это я-то? — удивляется Дадди. — Жалко, ты не успела... Точнее, я тебя познакомлю с Мегрэ, вот он действительно! Однажды ниже меркурианского перигея...

***

После — выход в космос. Короткий, торопливый нырок в вакуумное ничто. Совсем не опасное само по себе, но сейчас, из-за близости арктуринской хромосферы, переставшее быть совсем уж ничем, обратившееся полигоном для сверхбыстрых трековых забегов опаснейших частиц. И потому несдерживаемый, облегченный вздох по закрытии входной створки. Двойной вздох, ибо томящаяся у экрана Марина здесь, в ожидании, обретает новую привычку кусать ногти, пытаясь этим, откусить, конечно, не их — навязчивую медлительность породнившегося с черепахами времени. Иногда это получается — отщипываются, валяются в никуда крохотульки секундной и полусекундной длительности.

Потом люди обнимаются. С таким жаром, будто не виделись годы. Может, и правда, электронный хронометр врет, и из-за близкой массы Аркура время уже приобрело релятивистские качества? Мари смотрит на прищипленный у сердца индивидуальный дозиметр. Ничего особенного, но точно ли он не снимался при путешествии вовне? Дадди конечно не фокусник, однако мало ли? Тем не менее, она ведь сама помогала ему облачаться в скафандр, так что дозиметр в космосе, конечно же, был.

Теперь они снова у пульта. Не дышат, как будто регенераторы кислорода сдохли, и воздуха у них теперь в обрез, а не на сто и более оставшихся крохотулек жизни. Происходит контролируемое излияние содержимого привинченного Дадди баллона в открытый космос. Все очень аккуратно,

предельно автоматизировано на уровне химии. Но и не медленно. Вакуум — штука пустая, но энергично он отсасывает будь здоров. И потому стремительное надувание паруса. Мономолекула должна растянуться в аккуратную однослойную структуру, без всяких ватных сгустков. На что это похоже извне, через обзорный экран? На распаивание перед кораблем жидкого зеркала.

Эффект, конечно, не полон. Ведь это обрзок, осколочек возможной в максимуме площади. Разница стократна. Но глаза солнцелетчиков вспыхивают, они тоже меняют альбедо.

***

Ну, а потом приходит время прощаться. Ибо негоже подвергаться равной опасности вдвоем, когда имеется способ хотя бы одному избежать пусть не гибели, если уж она неминуема, так хотя бы мучений. На борту наличествует компактный витрификатор. Нет, он стоит тут не для того, чтобы хоронить людей в столетиях ледяного плена. С некоторых пор этой штучкой снабжаются все солнцелеты — все та же обязательная оснастка спортивных яхт. Видите ли, даже в ближних окрестностях родной звезды человечества не все природные процессы удастся предвидеть. Иногда Солнце вспыхивает, и отнюдь не всегда это совпадает с известными циклами. И тогда...

— Да не поспею я туда, — непримиримо говорит Марина. — Почему я?

— Потому что ты женщина! И моя любовь! — отвечаете вы и смотрите на нее взглядом, наглядно демонстрирующим последнее утверждение.

— Но ведь, если... — Марина делает паузу, ибо нельзя, не положено говорить следующее слово всуе, дабы не накликасть беду. — Если все-таки погибать, так какая разница, Дадди? Там, замороженной насквозь, даже хуже. Так и сварись, ничего не узнав. И вообще, если уж погибать, так почему не провести это время вместе?

— Мари! — надо говорить убежденно, ибо проявление мягкотелости ведет к неумолимому поражению. — Сейчас впереди не более чем двое-трое суток. Здесь, на борту, станет жарко. Будет не до любви. Аппаратура перегреется и надежность уменьшится. Делать маневры парусом придется чуть ли не вручную. А тут нужно будет отрываться на приведения тебя в сознание из-за тепловых ударов.

— Значит, по-твоему, я балласт? — солнцелетчик Марина начинает закипать, и это, наверное, к лучшему. — Да у меня спортивный стаж...

— Я знаю, знаю, девочка. Но сейчас не тот случай. У нас экстравагантная ситуация. Не до женских истерик, — намеренное, больно колющее словцо.

— Истерик? — переспрашивает Марина не веря. — Я, по-твоему...

— Конечно, нет, Мари. Но сейчас мы судачим из-за двух дней мучений. А ведь если выживем, у нас впереди — целая жизнь.

— Но если мы все равно погибнем, то, значит, сейчас ты просишь меня заранее лечь в гроб. Ведь так?

— Знаешь что, — выкручиваетесь вы во внезапном озарении. — Я обещаю, что если парус снова лопнет, и маневр пойдет прахом, то я тебя разбужу. Разбужу даже в том случае, если здесь, на «Мупкетере», будет полыхать ад.

— Ты даешь честное слово, Дадди? — она смотрит очень внимательно, прочитывая мысли сквозь глаза.

— Честное слово, — киваете вы, и в самом деле веря в правдивость своей клятвы.

— Ну, тогда ладно, — отступает Марина.

Идет подготовка витрификатора к использованию. Вообще-то вы никогда такого не делали. Но мало ли что сейчас происходит впервые.

***

Экраны затемнены, ибо хромосфера Арктура пышет во всей передней полусфере. Возможно, она даже загибается по краям, обволакивая капсулу. Это не просто не исключено — в порядке вещей: под вами не планета с нормальным удалением горизонта, и даже не планета-гигант, хуже — это даже не Солнце, здесь раскинутая вширь звезда-чудовище. Что с того, что вы еще не приземлились? Вообще-то, по сути, такое и невозможно — и вы, и солнцелет испаритесь преждевременно. Но все-таки? Естественно, и твердой поверхности там тоже не наличествует. Так что, если даже капсула сплошь из магнитных силовых полей, а не из плавящихся материалов, то и тогда сесть не на что. Но... Возможно, внизу релятивистские эффекты действительно скрутят горизонт в узел, и там, над вами, не останется даже узенькой днафрагмы пустоты для обратного броска. Однако чистый эксперимент с пространством не получится. Побочные эффекты путают дело. При спуске туда, вниз, не только биологический наблюдатель, но даже яхта-оболочка сплющится в... Нет, не в блин. В металлическую лужу толщиной в микрон. Эдакое подобие растянутого перед «Мупкетером» паруса. Но даже если волшебство магнитных полей сохранит структуру, мощность не рассеянного радиационного потока убьет не только привыкших к атмосферной защите людей, но даже аппаратуру; фотопленки засветятся, а линзы потемнеют.

Однако все эти кошмары дело будущего. Не слишком далекого, но в условиях реализующегося вокруг ада явно недостижимого. И ад на борту проявляется не только фигурально. Один из мифических параметров — жар — уже здесь. Дадди смахивает пот, а кабинный климатизатор впитывает невиданные доселе порции влаги. Дурманящая жара придавливает, заставляет погружаться в противное, полусонное состояние. Дадди выныривает, выгребает в явь. Он хочет делать все по рассчитанному загодя плану. Очень скоро нужно будет аккуратнейшим образом доворачивать парус. Он мало доверяет яхтной автоматике. Дело даже не в грубости техники; невозможно, чтобы на ней уже не сказались

внешние дискомфортные процессы. Малейшая ошибка будет стоить самого паруса, а надуть его снова попросту нечем. И тогда, вместо рассчитанного лавирования галсами и, пусть маловероятного, но выплывания вовне — однозначное единовременное падение.

И очень хорошо, что рядом не присутствует Марина. Ужасно было бы наблюдать, как из уверенного крепкого человека она превращается в неврастеника. В ходячий труп, ибо чем они еще станут после того как в очередном развороте рей парус пойдет по шву? Не в том дело, что у мономолекулы нет швов. Да, вообще-то и нельзя думать о кошмарах, психической настройкой увеличивая возможность их реализации. Она и так велика. Гораздо выше, чем вероятность выхода из этого растянутого в две недели пикирования. Может, даже дольше, ведь ближе к гиганту вполне могут начаться релятивистские эффекты растягивания времени. Правда, и сокращение длины. Интересно, кто кого переборет? Но получится ли все эти казусы наблюдать изнутри ввергнутого в эксперимент корабля? Вообще-то, вряд ли к достижению радиуса релятивизма пространства-времени на «Мушкетере» будет существовать разумный наблюдатель. Разве что как стусок разлагающейся протоплазмы. А может, уже и не разлагающейся. Ведь переваливший за красную отметку поток частиц вполне запросто прикончит и питающиеся падалью бактерии. Итак, эффекты теории относительности без живых участников! Как скучно.

Однако пока еще не слишком скучно. Корабль уже тихонько поджаривает вяло шевелящийся внутри субпродукт, но все-таки еще не обратился в эффективную микроволновую печь.

***

Иногда, сквозь тягостную вялость мысли, проскальзывают тени, припопращенные эмоциями. Остатками эмоций, эдакой пропущенной через мясорубочку и подсушенной оранжевым солнышком приправой. Например, как там поживает замороженная Марина? И куда все-таки девается сознание, когда человек мгновенно высушивается и отбрасывается на сто градусов вниз по шкале Цельсия? Впрочем, наверное, туда же, куда и у вас самих, в период сдачи позиций и погружения в дрему. Хотя в этих странных горячечных полуснах-полуяви что-то от сознания, некие крохи, все же сохраняются. Правда, происходит обрезание большинства нитей, связанных с реальностью, но, может, в мареве грез проступают негативы не замечаемых в обычном бытии связей? И тогда вы просто бессильно ждете, когда сквозь мусорный туман осколочных обрезков мыслей проступит какое-нибудь откровение. Иногда оно принимает вид собеседника.

— Как дела, Дадди? — спрашивает Марина переворачиваясь с боку на бок в своем холодильнике.

— А ты проснулась, Мари? — удивляетесь вы, ибо действительно не помните, когда перевели витрификатор в режим реанимации.

— Не проснешься тут, — ворчит Марина. — Ты что, не чувствуешь жару? Что, кондиционер не хочет нормально работать?

— Да, нет. Вроде, шумит, — оправдываетесь вы и привстаете, чтобы помочь Марине выбраться. Толчок неудачный — невесомость подбрасывает вас вверх, а потолок кабины срабатывает, как теннисная сетка. Вот по такому траекторно усложненному маршруту вы и добираетесь к витрификатору.

Он почему-то закрыт. Ровно сияет зелененький огонек. Вы наклоняетесь, сдвигаете обзорную панель. Там, внутри, под пулестойким стеклом, сплошная белая льдина. Марина не видна и не откликается. Вы смотрите в обзорный экран. Скелет, мышцы, кожный покров — все в норме. Температура «— 70», легкие не шевелятся и человек, понятное дело, не дышит. Вы снова в поту; в страхе проверяете подачу тока, неужто в бреду вы, и правда, отключили питание? Нужно, да просто обязательно требуется заблокировать отключение через какой-нибудь хитрый пароль.

***

«Мушкетер» достиг перигея первой стадии маневра. Дадди с трудом заставил себя выбросить мысли о слежении за витрификатором, и внутрикабинным термометром. Требовалось орудовать парусом. Сейчас было необходимо заставить солнцелет всего-навсего изменить пикирование на взлет. Усеченный парус в данном случае не служил для замедления скорости, он был обязан сработать как катализатор процесса. Он просто менял вектор движения космической яхты. Теперь полученное от гравитации ускорение начинало использоваться для взлета, а не для падения. Корабль, словно столкнувшийся с морской волной камешек, уходил по дуге. С этого момента гравитация гиганта действовала против него, но зато излучение подталкивало вверх. В рассчитанной точке гравитация должна, так или иначе, победить, ибо площадь паруса оказывалась много меньше требуемой, но еще до этой роковой точки план требовал нового изменения галса. И тогда все обязано было повториться, только теперь — если все правильно — с увеличением амплитуды. Так, все более и более длинными бросками, Дадди и рассчитывал, в конце концов, вырваться из гравитационной ловушки. Конечно, для этого требовалось не ошибиться в расчетах, ну и, разумеется, чтобы эти самые умственно выведенные цифры и графики имели достаточно большое отношение к реальной вселенной.

Да, очень требовался еще один фактор — везение. Например, он был просто необходим для того, чтобы единственный парус «Мушкетера» не лопнул при очередной смене галса, или же за просто так, от чрезмерно сильного натяжения звездным «ветром». Ведь космические яхты вовсе не предназначались для столь глубоких нырков в солнечную корону. А ведь с каждым очередным «погружением» сработанный в далекой лунной

верфи кораблик «нырял» глубже и глубже. Следовательно, напор «ветра» возрастал. Пропорционально кубу мощности, понятное дело.

Ах да, еще нужно было умудриться не угодить в какой-нибудь протуберанец. А ведь, как известно, взлететь на сотню тысяч километров над фотосферой для звездных вихрей пустяк.

Но все эти напасти грозили только в одной из вариаций будущего, той где «Мушкетер» успешно выходил из первоначального пикирования. Вот этим и следовало заниматься солнцелетчику Дадди.

***

Он в ужасе осознал, что берегущая его от жара и холода оболочка «Мушкетера» рассыпалась. Какая должна быть температура, чтобы металл и кристаллизированный пластик обратились в порошок? Он не знал этого, да вообще-то никогда и не слышал о таком. Однако теперь не оставалось времени на теоретические размышления. Он остался один на один с приближающейся хромосферой Арктура. Успеет ли он до нее долететь? Наверное, с секунды на секунду вакуум выжмет из него воздух, а излучение высушит в мумию. Нужно было успеть сделать самое главное. Он оглянулся, разыскивая парящий в пространстве витрификатор. Тот падал параллельным курсом, однако уменьшался в размерах: возможно, сказывалась разница в весе — падал он быстрее. Опыты Галилея не являлись тут указкой: в искаженном релятивистскими эффектами мире соотношение масс влияло на результат. Сейчас требовалось сделать бросок, идентичный применяемому парашютистами-акробатами в момент свободного падения. Он напрягся, не отрываясь отслеживая кувыркающуюся гробницу Марины. Сделал сильный толчок ногами...

Мягкие ремни остановили его бросок. Он, не понимая, уставился на приборную панель. Сбросил со лба капли пота: созданный кондиционером ветряной поток унес их куда-то в сторону.

Дадди мотнул головой. Витрификатор поконился в положенном месте и подсвечивал зеленой лампочкой. А сам «Мушкетер» совершал восходящую стадию маневра.

***

Но галлюцинации — хитрые штуки: они разнообразны.

Однажды появились голоса. Хотя вполне возможно, что они существовали всегда, просто сейчас он, наконец, настроился в резонанс, и услышал. Это случилось после удачного выхода из первого пикирования, на долгом, тормозящемся Арктуром, подскоке вверх.

— Эх, Дадди, Дадди, — шептали голоса, — как же ты попал в эдакий переплет?

— Ну, так... — хотел оправдаться Дадди и замолкал. С какой стати он должен оправдываться перед галлюцинациями?

— Эх, Дадди, Дадди, — бубнили голоса. — Надо же было забираться в такие дали, имея столь хрупкую структуру организма.

— Хрупкую? — удивлялся Дадди. — Смотрите, на градуснике уже пятьдесят два, а я все еще держусь.

— Ну-ну, — смеялись голоса. — Герой! Кто ж с этим спорит? Однако ты выбрал весьма сложный способ самоубийства.

— Какой есть, — хорохорился Дадди.

— Не пристало разумной материи делать такие глупости, — осуждающе констатировали голоса. — Не для того предыдущие виды продвигались по эволюционной лестнице.

— Причем здесь другие виды? — возмущался Дадди. — Это мое собственное решение!

— Это ты думаешь, что собственное, — возражали голоса. — На самом деле, и ты, и Марина песчинки больших процессов. Это внешняя экспансия вида. Молодое поколение разведчиков. Но здесь, сейчас, ты перехлестнул, Дадди. Не стоило так рисковать. Да и не оценят ваш подвиг. Хотя причину гибели вполне поймут. Глупая мальчуковая выходка! Много ли ума надо, дабы «пикирнуть» в звезду-гигант? Совсем даже не надо. Да и солнцелет мог быть гораздо примитивней.

— Много вы понимаете, — бурчал Дадди.

— А что тут особо понимать? — грубили голоса.

Дадди молчал. Обиженно тыкал пальцами в уши.

И голоса стихали.

***

Он боролся с галлюцинациями как мог. Лучший метод сражения с выпешшим из-под контроля сознанием — медикаментозный. Однако ему следовало не восседать посреди отсека заторможенной куклой, а активно следить за изменяющейся обстановкой. То есть, как бы нести боевое дежурство. Это когда вроде бы ничего не делаешь, и, тем не менее, в любой момент готов совершать подвиг. Достаточно утомительное состояние, если относиться к нему серьезно. Ну, а когда галлюцинации уже атакуют, бессмысленное напряжение нервов им только на руку. И значит, сознание требуется отвлекать, держать его нить, наведенной на что-нибудь умное. Например, с периодичностью раз в час делать перепроверку расчетов. Но существует еще и подсознание. А вот его следует загружать по-своему. И поскольку оно заведует всякими простыми вещами, то тут самый удачный метод — тяжелая физическая работа. И лучше не слишком монотонная.

Однако и с тем и с другим планом на «Мухометере» не разгуляешься. После первичных расчетов, проверка и перепроверка с внесением новых данных об ускорениях и «ветровых» потоках производятся автоматическими. «Желаете взглянуть, шеф? Вот, пожалуйста». Любуемся в экран. «Вот

вам двумерный, а вот и трехмерный график скольжения, после изменения ракурса паруса. Вот приращение скорости, а вот добавочка за счет гравитационного ускорения». Все красиво, наглядно и траекторно выверено. Да хоть в замедленной мультипликации — все равно минуты на изучение. Чем занимать сознание в остальное время? Зубрежкой эсперанто «шестнадцать»?

На счет занятости подсознания — не лучше. «Мушкетер» летит не на дровах, так что рубить-колоть ничего не требуется. Можно, конечно, увлечься гимнастикой. Но, во-первых, сколько раз нужно присесть в невесомости, пока устанешь? А во-вторых, когда валишься в бесконечный охват хромосферы, и вероятность удачного завершения спасительного маневра высвечивается цифрой с двумя нулями после запятой, как-то не слишком тянет укреплять голени. Однако у моторных функций организма имеется добавочная нагрузка, в виде сражения с перегревом, смахивания со лба пота и размежевания век в борьбе с сонливостью.

Тем не менее, этого недостаточно. Где-то там, под черепной крышкой, происходят замыкания.

***

— Да кто вы такие, черт побери? — сказал им однажды выведенный из себя недосыпанием и жарой Дадди.

— Арктурианцы, понятное дело. Кто же еще? — ответили ему голоса, и даже чуть слышно хохотнули при этом.

— Арктурианцы? — повторил, а может быть, переспросил Дадди.

— Ну да, не с Веге же мы явились, чтобы с тобой поболтать.

— Наверное, не с Веге. Правда, я подозреваю, откуда, но...

— Снова думаешь, что из твоей головы?

— Ах да, вы читаете мысли. Я как-то запомнил.

— Естественно, читаем. Хотя вначале это была просто забава — дешифровка.

— Странно, зачем нужна дешифровка? — критиковал Дадди неразумное подсознание. — Мои собственные «галюники», вроде бы, обязаны понимать мои же мысли без всякой раскодировки.

— Ну, а нас это заинтересовало, как видишь.

— Да ничего я не вижу!

— Тебе что, Дадди, еще и видеообразы создать, да?

— А что, создайте!

— Можно, но тут есть трудности в их усвоении. Видишь ли, нам довольно непривычно воспринять окружающий тебя мир на твой манер. Скорее всего, рассогласование будет очень большим. Твой молекулярный мыслительный инструмент может не выдержать дополнительной нагрузки, он и так в режиме стресса.

— Но голоса-то получились?

— С голосами проще. Ведь слова — это как бы значки, и на основе них ты создаешь собственные образы. К тому же, у нас тут не лучшие условия для связи.

— Арктур мешает?

— Да нет. У нас ведь не радиосвязь — звездная корона ни при чем. Как раз внутри Арктура было бы лучше.

— Ага, предлагаете нырнуть? — наконец-то раскусывал Дадди хитрость подсознания. — Не надейтесь.

— Ни в коем случае, — возражали голоса. — В той среде ты не сможешь существовать.

— Ух ты, какое открытие? А я-то думал, — издевался далее торжествующий космический волк Дадди.

— Мы поняли, ты сейчас не расположен общаться. Тогда отдыхай. Мы подождем, — стихали голоса.

— И не надейтесь! — кричал вслед голосам Дадди. — Я в клуб самоубийц не записывался!

Но его невидимые собеседники таяли.

***

А Марина все настойчивее требует освобождения.

— Что тебе стоит? — спрашивает она посмеиваясь. — Боишься, что ли?

— Чего? — интересуется Дадди, холодея и уже догадываясь.

— А вот того, — хитро прищуривается она через лед. — Того, что реанимационный режим невозможен.

— Глупости, — достаточно убежденно парирует Дадди. — Лампочка горит — аппаратура исправна.

— Лампочка! — глухо хохочет Марина, ибо лед все-таки мешает нормальному звукопрохождению. — Напел аргумент. Может, она замкнута в цепь просто так. А на самом деле я уже не совсем жива.

— Успокойся, Мари, — убежденность Дадди куда-то проваливается. — Конечно, ты не совсем жива — ты же в морозильнике. Потом, когда оттаешь...

— Вот и включи! — командует Марина все еще узнаваемым голосом.

— Нет, нельзя, — Дадди машет головой и проверяет застёжки кресельного ремня. — Пока еще нельзя.

— Ты что, меня не любишь? — женский голос странно вибрирует.

— Нет, правда, не могу, отключение поставлено на закодированный запор, — выныривает из памяти неотразимый аргумент.

— И что? Разве кодировку делал не ты? — ледяной параллелепипед начинает трескаться от истерического хохота.

— Нет, не могу! — Дадди затыкает уши и прикрывает веки — там внутри хохочет что-то незнакомое, может, даже нечеловеческое. Солнцелет начинает раскачиваться в такт этому хохоту. Надо держаться руками

за подлокотники — помогать ремням, однако ведь и уши требуется затыкать постоянно. Это дилемма.

Надо было загодя облачиться в скафандр, догадывается Дадди. Может, еще не поздно? Он начинает судорожно отстегивать ремни. Испуганно замечает, что ужасный смех становится тише.

Он вдруг спохватывается. Мысль с надеванием скафандра — это просто трюк. Повод, дабы заставить его отстегнуть страхующие от ошибки привязи.

И тогда корабль опрокидывается. Ледяная глыба срывается с креплений и трескается. Оттуда выдавливаются холодные, беловатые пальцы. Они напрягаются...

***

Иногда ему снова казалось, что он беседует. Точнее, слушает, лишь по мере надобности задавая вопросы. На них отвечали, или не отвечали. А может быть, всегда и чистосердечно поясняли что-то в ответ, да только он не мог уловить смысл. Ведь это немудрено, если только он действительно общался со столь экзотической формой разумного существования.

— Но разве в природе может появиться звездная форма жизни? — спрашивал Дадди, сразу ощущая, что уж этим вопросом попал в точку.

— Скорее всего, нет, — отвечали уже знакомые голоса. — Ведь здесь, в звездах, все так ненадежно, так быстротечно. По крайней мере, по мнению вашей цивилизации. Хотя, если разобраться, то в каких-нибудь нейтронных все относительно стойко. Живут они невероятно долго, плотное распределение материи там стабильно. Так что даже теоретически все допустимо. Однако вероятность реализации не укладывается во время существования обычной вселенной.

— Разве есть другие варианты вселенных? — искренне интересуется Дадди, но на этот раз не угадывает.

— Ну, вы же не космофизик, а у нас нет времени начинать с азов. Очень скоро вам снова делать маневр.

— Ага, значит, мы ведем беседу только в тех пределах, что я могу понять и воспринять, так?

— Естественно. Разве есть смысл в других?

— В таком случае, это ничем не отличается от галлюцинации, правильно?

— Разве вы специалист по галлюцинациям, Дадди? — смеются, а может, уже явно издеваются голоса.

Потом они стихают. И вовремя. Очень скоро «Мушкетеру» действительно требуется делать маневр.

***

Скорее всего, это самообман, но ощущение такое, что на борту прохладнее. Хотя, может, так и есть? Здесь, в пространстве, стыкующемся

с хромосферой, способно происходить все что угодно. Кто здесь когда-либо бывал? Тем более, «Мушкетер» находится ближе к апогею дуги. Очень скоро потребуются делать очередную смену галса.

Никаких голосов и галлюцинаций тоже нет. Однако вы все-таки отстегиваетесь и проверяете крепление верификатора. Он вделан в корпус так, что оторваться попросту неспособен. Разве что весь солнцелет развалится на куски от столкновения с метеором. Могут ли в ближайших окрестностях Арктура встретиться метеориты? Почему, собственно, нет? С его массой, он может притянуть их бог знает откуда. Понятно, следов падения — в плане, кратеров — не останется никаких. Даже если на Арктур свалится Луна, он заглотнет ее без всяких охов-ахов. Да, кстати, может, поэтому у него отсутствуют планеты? Поглотал всю семейку, и не икнулось! Бывают же существа, пожирающие своих детей. Почему бы не предположить существование аналогичных звезд? Разумеется, звезда-гигант — штука неживая, хотя... Как быть в отношении тех самых интеллектуально подкованных голосов? И вот еще: может, сейчас они пропали не в связи с тем, что на борту стало несколько прохладнее и голова подостыла, избавившись от галлюцинаций, а потому что «Мушкетер» действительно поднялся в более холодные области, и здесь им достаточно некомфортно существовать. Ведь птицы, например, не залетают в стратосферу, так?

В общем, сейчас было о чем подумать, да и чем заняться тоже. Предварительный расчет — это хорошо, но следовало ввести его в соответствии с истинными параметрами движения, дабы развернуть парус на правильный угол. Почему бы для верности не провести вычисления в параллель с машиной?

Так что работа имелась не только для белковых, но и для кремниевых мозгов.

***

— Представьте, — говорили ему голоса. — Представьте, что в этой вселенной вы познали уже почти все. Невозможно? Вполне возможно. Вы — в плане, вся ваша цивилизация в целом — верно, не догадываетесь, как близки эти конечные рубежи познания. Нет, не как все и вся до мельчайшего предела. Но все основные законы, все основные взаимосвязи. Нет, это не значит, что, когда рубежи достигнуты, становится скучно. Ведь остаются задачи освоения, так сказать, переработки «всего этого» и «вся этого» в, так сказать, составляющие ноосферы. Да, жизнь появляется, как обычно, в архейских морях, от взаимных действий атмосферного электричества и химии, однако, познав пути своего собственного становления, научившись копировать, а затем на основе синтеза невозможных в естественном мире сочетаний превзойдя оригинал, жизнь совершает рывок. Теперь получается освоить и неорганику недоступных жизни планет. Да, сначала, планет. Да и то не всех. Сперва, снова по закону подобия,

— сходных по массе, наличию атмосферы и прочее. Затем все подряд, и сразу во всех направлениях, то есть, от газовых гигантов, с силой тяжести пять-десять «G», до безатмосферной мелочи лун, включая астероиды и планетарные кольца. Жизнь становится направленно агрессивной. Со временем, как не странно, совершенно несравнимым с геологическими сроками по длительности, но весьма сопоставимым по результатам, все вокруг уже приспособлено для жизни. Нет, имеется в виду не подстройка под стоящую в детонаторе процесса исходную форму разумного носителя — однозначно случайную по происхождению. Хотя теперь весьма запросто можно было бы произвести и такое. Однако та исходная форма уже преобразовалась, то есть самостоятельно переработалась в нечто гораздо более универсальное. Форма: мощь скелета, состав исходной органики, размеры, масса, — все это так запросто преобразовывается по мере надобности. Все это мелочь. Теперь удастся, и чем дальше, тем быстрее и глобальнее перестраивать саму суть.

Мозг. Устройство для познания мира. Теперь его можно делать любым: в пределах законов Вселенной, разумеется, но, уже не ограничиваясь естественными границами. Удастся делать специализированный — для определенных задач и функций, а можно перестраиваемый — конструктор-универсал. Можно просто — меньше-больше, к тому же из наличных материалов. Например, на планетах-чудовищах удобен небольшой и, следовательно, легкий. Однако дабы втиснуть в муравья несколько миллиардов нейронов, надо переделать сами нейроны. Это вполне получается. Более того, это что-то из области первоначальной эквилибристики. Ведь можно попробовать изобрести даже иные принципы. И это выходит. Но теперь уже трудно сориентироваться, что лучше, а что хуже. Тут уж смотря для чего. Для приспособления, для преобразования, для пассивного познания, или для погружения в виртуальность. Кстати, в последнем варианте, количество путей следования скачком разветвляется в еще одну бесконечность. Здесь уже не просто новые пути древа эволюции. Тут уже древо эволюции эволюций. Однако не забудем, что поворот в любое из ответвлений, это обычно уже невозможность попасть в другие. По крайней мере, так было ранее, в доноосферном прошлом. Теперь...

Впрочем, после нескольких, сделанных последовательно развилок, и теперь тоже. Хотя, кто мешает в разных местах идти разными путями и обмениваться опытом? Затем, в случае чего, скакать по ветвям обратно, или протягивать паутину напрямик? По крайней мере, такое получается задумать. Осуществить... Может, на некоторых этапах, у кого-то такое и получается.

Но ведь нас сейчас не интересуют все возможности. Остановимся на наблюдаемой конкретике. Планеты-гиганты — тут действительно первый этап. Ведь цель всей этой экспансии жизни и разума, или разума и жизни, в самосохранении. По крайней мере, это одна из главных целей,

помимо чистого познания. Правда, и само познание в большой мере служит последней. Ладно, не о философии речь. Дело о конкретике. Итак, что грозит разуму и жизни? Ну, выбросив из рассмотрения внутренние противоречия самого разума, для простоты.

Столкновение с кометой? Детский вопрос, решен на первоначальном этапе космической эры.

Вспышка светила-мамы? При расселении на ближайшие солнца — не смертельно для популяции. Да и вообще, внутренние процессы в звезде можно взять под контроль. Нет принципиальных сложностей.

Столкновение галактик? Процесс экзотичен, масштабен, но предсказуем за миллиарды лет. Можно произвести уклонение. Возможно, даже галактикой в целом.

Что еще?

Есть еще более масштабные процессы. Мега-мега процессы!

***

Конечно, можно, например, разобрать какой-нибудь из не самых важных в работе блоков. С целью профилактики и регламента. Протереть пыль, подпаять контакты, сверить порядок выходных импульсов, подкрутить осциллограмму туда-сюда, имитируя настройку. Столь удачно выбранная работа займет и сознание и подсознание одновременно. Однако попробуйте найти на максимально облегченном типе корабля — солнцелете — не слишком нужный узел, которым можно рискнуть. Ведь кто знает, сможете ли вы его после удачной разборки столь же выверено собрать. Да и какая пыль в запаянных наглухо модульных блоках? Какая пайка? Если последняя и имеется, то это микропайка, может и подходящая работа для часовщиков прошлого, но в нынешнее время, только для специального автомата. Такового на борту «Мухометера» не наличествует. Вероятно, к счастью, ибо неизвестно на что вы можете решиться, борясь с навязчивостью галлюцинаций. Кстати, по последней причине, слишком частые проверки расчетов нежелательны. Вдруг вы не сможете отличить явь от вытесненной на волю мозговой эманации. Смещение лишь одного цифрового соотношения в сторону от реальности дернет вас разворачивать мачту. К чему это приведет?

И значит, летим бездельничая, хотя и не в комфорте. А ведь галлюцинации затаились и ждут.

***

— Что же это за процессы, — поясняли голоса, внезапно усиливаясь в тональности.

— Действительно, что? — переспрашивал Дадди, как-то уже не слишком удивляясь внезапному появлению этих самых голосов. Тут имелось сходство с помехами в радиосвязи. Вы ведете переговоры, и вдруг — раз,

некие ионосферные выверты оборвали вам канал. Теперь он восстановлен, и можно продолжать деловое общение.

— Сама Вселенная конечна, так?

— Ах, да, — соглашался Дадди.

— Как избежать этого?

— Ну?

— Точнее, как разуму избежать данного катаклизма?

— Но ведь это нескоро, так что...

— Чем развитей разум, тем далее он смотрит вперед. Итак, существует несколько путей. Первый, преобразовать саму Вселенную. Второй, создать некий кокон, дабы пересидеть катаклизм. Если он, конечно, преобразуется в нечто новое. Допустим, в варианте пульсирующей вселенной, где вместо сжавшегося в сингулярной мира, возникнет новый, такой же, или сходный. Но ведь этот мир совсем не обязательно возникнет вновь, правильно? И значит, можно попробовать, еще один метод. Найти пути перехода в иные вселенные.

— Если они есть, — уже попривыкнув к дискуссиям, паясничает Дадди.

— Естественно, если есть. Но здесь путь исследования сам по себе смыкается с поиском входа-выхода. И застопоримся тут. Поговорим именно об этом пути.

— Поговорим, — спокойно кивает космолетчик Дадди.

— Предположим, что «черные дыры» — это входы куда-то туда.

— Не новая мысль, — комментирует Дадди.

— Естественно, — соглашаются голоса. — Но как проникнуть внутрь? Как минимум, нам требуется разумный естествоиспытатель способный выдержать состояние сингулярности, так?

— Наверное, — кивает Дадди.

— Конечно, так. Вопрос можно решать последовательно, а можно прямо в лоб. Одно из древ новой, искусственной эволюции. Вот мы и являемся попыткой сделать все по первому варианту.

— Как? — переспрашивает оторопевший от столь быстрого прекращения диспута Дадди. Но голоса уже уплывают, растворяются в пространстве, а может быть, в мозгу.

— Ну, ладно. До свидания, мои странные «галюники», — как-то подытоживает разговор Дадди.

***

И внезапно, несмотря на окружающий жар и не справляющийся с работой климатизатор, из-за которого вы и так постоянно в испарине, вы снова потеете, как бы возводя свою потливость в квадрат. Ибо с гораздо более глубоких слоев головы, чем потовые железы, вас неожиданно опарашивает, убивает наповал выскочившая из подсознания мысль-прозрение. И ведь она столь банальна, что просто невероятно как она могла

до сего мига прятаться в завихрениях прочих мыслей. Или наш, естественным образом сформированный разум не есть самый оптимальный инструмент познания, в отличие от искусственно эволюционирующих жителей Арктура, или он столь хитер, что запросто обводит вокруг пальца своего хозяина — сознание. Ведь как, еще в первоначальных расчетах этой удивляющей прочь от звезды-гиганта эвольвенты, можно было не принять в рассмотрение обрушивающиеся на корабль ускорения? Неужели для поворота нужных для догадки шестеренок требовалось ошарашивать тело третьей по счету перегрузкой? Вершина идиотизма! Людам со столь примитивной «соображалкой» никак нельзя было не только выдавать права на вождение солнцелета, но и вообще подпускать к космоверфям ближе, чем на километр.

Конечно, у них с Мариной есть оправдание. Как настоящие солнцелетки, а не ракетчики, они привыкли к медлительному набору скорости. Только за счет корпускулярной натяжки паруса «Мушкетер» никак не способен «поддать газу» даже усилием в один «G». Однако сейчас, из-за маневра в невероятной близости от оранжевого гиганта, простое изменение вектора движения давало огромную прибавку нагрузки. Например, то открытие, что на выходе из последнего «нырка», космическая яхта испытает на себе шестьдесят семь «G», причем не считанные секунды, а двенадцать минут подряд, с медленным падением до десяти, для существа, родившегося на Земле и имевшего полное генетическое древо только этой планеты, — смертный приговор.

И потому после такого откровения вы долго размышляете на заданную тему. Например о том, что, возможно, космонавты древности, с их воинственную «инквизиторской» подготовкой, может, и выжили бы после такого «аттракциона», однако даже они бы не испытали большой радости, и наверняка бы обзавелись группой инвалидности на постоянной основе. И поразмыслить время есть, и к тому же не только в жанре чистой теории. Ведь вы еще сидите припильленным к пилотскому креслу и медленно акклиматизируетесь после перенесенной только что перегрузки всего лишь в пять «G». Только намереди вы осуществили выход всего лишь из третьего «нырка». То-то еще будет.

Конечно, есть одна возможность (чисто умозрительная!). К примеру, находящаяся в витрификаторе Марина не испытает абсолютно ничего мучительного. Ее даже можно будет после оживить абсолютно здоровой. По крайней мере, так следует из инструкции. И значит...

Однако если оба члена экипажа залягут в анабиоз, кто же будет осуществлять маневры парусом?

Вам есть о чем подумать.

***

И снова «Мушкетер» ныряет на границу хромосферных выбросов. И возникают и крепнут бестелесные, призрачные голоса.

— Итак, муравьиные разумные обитатели планет-гигантов — это детские забавы. Даже не первый этап. Ведь что такое сила тяжести пять-десять «G»? — разлагольствуют голоса. — Значит, настоящей проверкой станут искусственные обитатели звезд.

— Искусственные? — переспрашиваете вы.

— Разумеется, — невидимо кивают голоса, — ведь естественных не существует, правильно? Ну что значит искусственные на этом этапе? На этапе, когда возможности эволюции, да даже не возможности, а сама искусственная эволюция превзошла естественную? Грани не просто стерты — они перейдены, перепрыгнуты и оставлены в пыли, далеко позади. И значит, создаются существа, могущие комфортно мыслить и существовать в силе тяжести тысяча, или десять тысяч, и даже сто тысяч «G». А еще есть температуры. Те, в которых не могут существовать никакие связанные структуры из привычных материалов. И значит...

— Магнитные поля! — во внезапном озарении высказываетесь вы.

— Это возможный, но тупиковый путь. Там, впереди, в разветвлении этой разновидности эволюции, неизбежно только существование через усиление силовых функций, то есть сопротивление внешним, убийственным гравитационным и магнитным моментам через усиление собственного силового каркаса. В данном случае, он из полей. Это путь звездных динозавров. Может быть даже, в одном из вариантов, он приводит к созданию разумных звезд, как целого. Понятно, что не гигантов, они слишком велики: в столь изменчивой среде, как светило, не успеть держать под контролем все процессы. В связи с конечностью скорости передачи сигналов, понятное дело. Но вдруг удастся найти какую-то комбинацию контроля в чем-то малом. Допустим, в нейтронных звездах. Разумный пульсар? А почему нет?

— И это удалось?

— Мы не знаем, мы продукт другой ветви. Ведь создание разумных звезд-малюток — это хорошо. Но они не смогут пролезть в замочную скважину вселенных — «черную дыру».

— А вы?

— Мы? Тоже нет.

— Но тогда...

— Процесс не имеет цели?

— Вот именно.

— Однако кто сказал, что искусственные разумные обитатели обязаны преследовать заданную первоначально цель? Ведь, как и любая жизнь, они жаждут, прежде всего, просто-напросто существовать. И значит, они вольны остановиться на любом этапе. По крайней мере, на пути преобразования самих себя в нечто новое. Можно, ведь просто идти по дороге эволюции приспособления. Цели, как у всех, — счастье и радость жизни.

— Ну, а как же...

— Гибель Вселенной, да? Но ведь она еще далеко. Ведь вы же, например, не занимаетесь этой проблемой. К тому же, мы, точнее, наши предки, сослужили свою службу. Мы ведь были первым этапом, и он показал свою осуществимость. Вполне может быть, и даже, скорее всего, правда, что наши создатели пошли в своих опытах дальше. Быть может, они даже добились окончательного успеха. Или вдруг какая-то из ветвей вообще нашла способ спасти Вселенную целиком. Кто против?

— А вы, значит...

— Как и вы, как и великое множество всех остальных, занимаемся своими собственными проблемами. Вероятно, они не столь глобальны, но они есть.

— А если ваш Арктур...

— Взорвется? Это еще не очень скоро. Но нам тут хорошо, и быть может, к тому времени мы изобретем какой-то способ спасения. Себя или Арктура, будет видно.

— У вас цивилизация?

— В какой-то мере. Нет слов, понятий, дабы растолковать. В нашем распоряжении поверхность жизни площадью в четыре квадриллиона квадратных километров. А ведь есть еще внутренние области.

— И вы распространились до самого дна?

— Нет, жизнь нашего вида не способна существовать при тех температурах и давлениях. Но есть другие.

— Другие?!

— Да, другие. У нас общие предки. То есть, скорее всего, общие.

— Вы не знаете точно?

— А вы храните память о том, что было десять-двадцать миллионов лет назад?

— Мы, нет. Но ведь мы — земляне — столько и не существуем.

— А если бы существовали, то?

— Не могу знать.

— В принципе, если не помним только мы — жители локальной области звезды, то это не значит, что никто не помнит вообще. Может, кто-то и помнит. Даже как индивидуумы мы существуем достаточно большие сроки. Но искать сейчас ответ? Стоит ли?

И вы хотите ответить, что стоит, но внезапно жар и усталость берут вас в оборот, и вы отпльваете.

— Ну, поспи, землянин, — нашептывают голоса.

***

Даже Вселенная в этом мире имела начало и будет иметь конец, а уж тем паче какой-то маленький локальный процесс. И потому однажды, глядя в монитор, с недавних пор начавший барахлить из-за шалостей короны, вы вдруг замечаете, что график предполагаемого движения очень сильно

укоротился. Нет, все в расчетах оказалось верно, и они воплотились в жизнь — вы просто прошли более половины намеченной дистанции. И ладно, что сложного сидеть в горячей сауне, да помаргивать в экран, периодически впадая в дрему и беседуя с собственными видениями. Главное, эту дистанцию, три последовательных нырка в предтечу хромосферы, выдержал парус. Не подвела грот-мачта «Мушкетера» — аккуратнейшим образом разворачивала мономолекулярное полотнище, куда надо и когда требуется. Если бы хоть один раз... Не стоит об этом думать, впереди еще два погружения, так что всему плохому еще есть где разгуляться. Не нужно кликать несчастья. В лежащем вокруг аду диаметром тридцать шесть миллионов километров есть, где спрятаться бедам.

Однако после достигнутого успеха — оставленных позади отрезков гармонических колебаний маршрута — хочется верить в лучшее. Будем надеяться, что нам повезет, и «Мушкетер» избежит нырка в четыре тысячи градусов теплоты по Цельсию. Туда, в фотосферу, в светлое жите-бытие таинственных голосов. Вряд ли нам удастся с ними обняться. Хотя если они все-таки порождения собственной головы, то нам уже никогда не расстаться даже в случае удачного завершения рейда. Будем навеки вместе! Правда, рассказывают — современная земная психология находится в пике своего развития.

Вот и проверим. Клиент готов. Жалко, медики не в курсе, а то бы организовали спасательный рейд.

***

Иногда Дадди мечтал. Мечтал о том, как по выходу из последнего маневра, он вздохнет с облегчением от прохлады, и установит витрификатор в режим реанимации. И как, помывшийся и чистый, будет ждать пробуждения Марины. Потом он подаст ей кофе и с трепетом досидит до момента, когда она окончательно придет в себя.

— Что ты делал все это время? — спросит она на каком-то этапе общения.

— Ты не поверишь, Мари, — ответит он ей с улыбкой. — Я общался с арктурианцами.

— Ну, это еще полбеды, — засмеется шутке Марина. — Главное, чтобы не с арктурианками.

И тогда он тоже засмеется и поцелует ее в губы. Ведь пока еще будет не время для диспутов. Хотя, может быть, она сама скажет, например, так:

— Знаешь, Дадди, в этом ледяном саркофаге мне снились странные сны.

— Интересные? — поинтересуется он.

— Еще какие! Мне снилось, что звезда Арктур заселена и на ней живут маленькие-маленькие существа, гораздо меньше не только вируса, но даже атома. Их там, внизу, под фотосферой, биллионы, а может быть, и больше. Там, в конвекционном слое, они строят туннели в другие вселенные, и когда-нибудь надеются их завершить.

И перед взором Дадди возникали радужные картины бесконечных, опоясывающих Арктур хороводов малюсеньких человекообразных существ держащих друг дружку за руки; они выплясывали вокруг сияющих, раскинутых в солнечных пятнах городов. Возможно, это уже снова начинались галлюцинации, или просто красивые сны. Дадди не сопротивлялся, и его уносило прочь из здешней обреченности.

— Послушайте, — обращался Дадди к голосам, — а какого вы размера?

Но почему-то маленькие человечки сразу куда-то прятались, и он представлял себе толстые, нейтронные звезды, ленивыми китами плавающие в океане хромосферы, и даже ныряющие за добычей, на пару-тройку десятков миллионов километров вглубь конвекционной зоны оранжевого гиганта, до той точки, где внешнее давление еще позволяет им сохранять единую структуру.

— Красиво, но неправильно, — комментировали читающие мысли голоса. — Хотя где-то может случиться и такое. А нырять мы можем хоть до гелиевого ядра. Да и только что «изобретенные» тобой нейтронные звезды смогли бы без помех. А размеры... Если взять бесконечность масштабной шкалы вверх и такую же вниз, нахождение в любой точке этой бесконечности практически ничего не меняет, но... Вселенная, как известно, или вот-вот станет известно даже вам, устроена несколько по-другому. Шкала не упирается в бесконечность, все там несколько не так. Однако она и не закликивающееся кольцо тоже. В плане размеров мы от вас столь далеко, что смысла в определении «больше-меньше» нет. Это как другое измерение. Вот вы построены из молекул, так? Но сложные молекулярные цепочки распадутся не то что внутри, а даже на поверхности звезд. А машина для работы с моделями вселенной — мозг — нуждается в сложном устройстве. И ведь есть еще один ограничитель, кроме температуры — сила тяготения. Там, в глубине звезды, она весьма и весьма значительна. Большие объекты мало того, что начинают чрезмерно много весить, они еще не могут быть уязвимы по целому букету других причин, включая силы Кориолиса.

— И значит? — говорит Дадди.

— И значит, те, кто создавал первых арктурянцев, ну, или вообще, жителей звезд, был обязан сразу же перешагнуть эти пределы. Тем более, как уже рассказывалось, это являлось только первым этапом к созданию жизни, способной преодолеть «игольное ушко» «соединительной пуповины» других вселенных. И тогда появились искусственные структуры, построенные на основании частиц меньших, чем атомное ядро.

— Элементарных? — уточняет землянин.

— Трудно сказать, как это по-вашему, ведь вы же не физик, Дадди? Правильно? Так что нечто в этом роде. Эффект в том, что теперь живое и разумное ушло на уровень, не подвластный воздействию разрушительных факторов космических термоядерных топков.

— Значит, вам все равно, что и как вокруг? — участвует в дискуссии солнцелетчик.

— Не совсем так. Очень даже не совсем. Иначе нам бы стало все едино, где жить-поживать — здесь или в вакууме. Мы приспособлены для этой жизни, и именно здесь нам хорошо. Кроме того, ведь надо же откуда-то черпать энергию для существования? Потому Арктур заселен не просто одним видом существ. Есть гораздо более примитивные формы. Существует своя иерархическая пирамида жизни. И что с того, что она искусственно изобретена? Ведь после «запуска», здесь начали действовать нормальные — разве что чуточку специфические — законы эволюции. Мы и их продукт тоже.

— Забавно, — кивает, покачиваясь в креслице, Дадди. — А вот скажите, пожалуйста, интересует ли вас окружающая Арктур бесконечность под названием Космос?

— В нашем распоряжении годная для обитания звезда массой в двадцать шесть ваших солнц? Ну, а если вспомнить о наших собственных размерах, то...

— Да, пожалуй, тут у вас свой собственный космос, — догадывается человек. — Может быть, поэтому вам очень мало дела до остального мира?

— Может быть, — соглашаются голоса.

***

Все процессы в мире конечны, но на счастье, флюктуация везения-невежения накладывается сверху и вносит в их длительность свои коррективы. Вот, например, как-то не получилось в отношении героической смерти. Не лопнули легкие, придавленные шестидесятикратно потяжелевшими ребрами; не треснула черепная коробка, разваленная собственной толщиной; не вывернулись навыворот коленные чашечки, не сплюснулся желудок, и глазные яблоки не провалились внутрь, вытесняя вытекающий через уши студень мозга. Как-то все странно обошлось. Эдаким чудесным образом. Конечно, когда-нибудь, рассказывая дружину Мегрэ, можно будет подтянуть за уши наукообразное пояснение. Ибо, видите ли, вначале, у «Мушкетера» все-таки оторвало и выбросило куда-то на окраину звездной короны парус. Тогда он, естественно, перестал получать дополнительное и тщательно просчитанное когда-то ускорение. В конце концов, солнцелет обязан был замедлиться в своем взлете и войти в новую, незапланированную ранее дугу. Разумеется, окончательно последнюю.

Между прочим, Дадди даже не взвыл от отчаянья, ибо уже просто не имел сил на столь важные эмоции. Правда, он не впал и в другую крайность, присущую настоящему космическому волку. Он не вцепился в клавиатуру, дабы с холодной головой, просчитать последствия очередной катастрофы, то есть с какой скоростью и через сколько километров отклонения «Мушкетер» врежется в оранжевый лепесток хромосферы. И все это не только потому, что его вжало в кресло предусмотренное ранее

ускорение. Если честно, то после этой аварии-эпилога, солнцелетчику Даади все стало окончательно «до лампочки».

Ну, а научнообразное объяснение заключалось в том, что сразу после разрыва мономолекулы корабль угодил в силовые линии выталкивающего магнитного поля. Эти сверхмощные, порожденные звездой-гигантом, силовые линии распорядились «Мушкетером» как песчинкой, а может быть, молекулой. Они вытолкнули его прочь, сработав, словно гигантская электромагнитная пушка. Между прочим, эта «пушка» действовала по не совсем понятным законам. Она почему-то не перегрела корпус, хотя, по теории, обязана была его не просто нагреть, а попросту испарить. Ну, а кроме того, предположительно (ибо вся фиксирующая аппаратура вышла из строя), она почему-то не прибавила ему новых тысяч километров в секунду скачком — превратив биологические объекты внутри в кашу, а сделала это плавно. Возможно, это произошло за счет обращения поступательного момента в круговой. Теперь такое не получалось ни подтвердить, ни опровергнуть, но для научнообразной гипотезы-объяснения это годилось.

Если же говорить о другом... Например, имелся ли намеренный смысл в стирании записей происходящего на борту? (Кстати, можно не сомневаться: то, что случилось с контролируемой экипажем записью, произошло и с архивом «черного ящика»). Очень возможно, что смысл был. Если представить, что арктурианцы действительно существуют. Ну, зачем им документально зафиксированные «разговоры» Даади? Да, вроде бы они были телепатическими, но кто знает, вдруг какие-нибудь психологи придут к выводу, что подобное поведение при галлюцинациях не характерно? Что если этому поверят? Нужны ли жителям гиганта станции-исследователи, зависающие над хромосферой и просвечивающие глубины звезды разными типами излучений, а может быть, и какими-то научно-исследовательскими бомбами? Конечно, располагая искусственными магнитными вихрями, а может, и прирученными протуберанцами, можно запросто слизнуть с короны любой спутник-шпион. Но ведь два-три подобных случая подряд убедят даже самых заядлых скептиков, что здесь действительно происходит нечто из ряда вон. И тогда этих станций-сателлитов станет в десять раз больше. Но не принуждать же арктурианцев к контакту силой? Да и хватит ли тех сил? О какой площади заселения упоминали голоса? Четыре квадриллиона квадратных километров? Впрочем, звездная война — это глупость.

Ну не интересны истинно звездным жителям люди, за исключением одного случая с «Мушкетером» — что же поделаешь? Это их право, вступать или не вступать в контакт. Если они прервали его, не начиная, опять же, не наши это дела. На сегодня о том, существуют ли арктурианцы, знает только Даади, да и он не до конца уверен в произошедшем. Необъяснимые пируэты солнцелета? Кто их видел со стороны? А то, что показалось изнутри утомленному жарой, одиночеством и недосыпанием

мозгу? Уж извините! Никто по этому поводу к Арктуру станцию-исследователь не пошлет. И значит...

И значит, скоро нам будить из ледяного сна Марину. И когда она выйдет из реанимационной фазы, обрадовать, что радиомаяк уже задействован и теперь остается только ждать, когда возвращающийся со своей Пи Волопаса «Накачанный исполин» зафиксирует их вызов, а затем втянет на борт.

— У нас были некоторые неприятности, — скажет капитану транспорта Дадди, — но «Мупскетер» показал удивительную живучесть в кризисных условиях.

— Завидую вам, романтикам, — вздохнет ему в ответ капитан энерговоза. — А тут води и води эту громадину по заданному графику до самой пенсии. Как бы хотелось лететь под солнечными парусами, меняя галсы по воле души.

...Почти не было у нас военной фантастики. Почему? Потому что войну мы считаем трагедией, описываем всерьез, тут выдумки неуместны. Придавать врагу небывалое оружие? Зачем же преувеличивать его силы. Описывать небывалое оружие у нашей армии? Зачем же преуменьшать военные трудности. О войне надо рассказывать точно. Трудные у нас были победы, кровью достались.

*Георгий Гуревич,
Беседы о научной фантастике, 1983*

Эпиграф, конечно, несет на себе печать времени, и даже для 80-х он не был так уж безупречно точен. Но в одном с автором согласиться можно: слово «война» для нас по умолчанию означает *ту самую* войну. До сих пор. И слово «Победа» (да, с заглавной буквы!) — тоже имя собственное. В этом году ему как раз исполнилось 65 лет: очередной юбилей. Вот уже который по счету, но тех немногих, по обыденным меркам человеческой жизни, лет хватило на эти десятилетия, хватит и на века...

Правда, ситуация с тем, что Гуревич назвал «военной фантастикой», в последние годы заметно изменилась (может быть, даже слишком). А вот отношение к ней осталось чуть ли не прежним (опять-таки слишком) — во всяком случае, если речь идет о кругах, претендующих быть «боллитрой». Совсем недавно автор этих строк, будучи назван в жюри на юбилейный конкурс «Великая Отечественная» (http://zhurnal.lib.ru/k/konkurs_w_o/), проходивший под патронажем Союза писателей России, без особого удивления обнаружил в правилах, что организаторам «не хотелось бы видеть» среди поданных произведений фантастику. Никакую. Собственно, там *не хотелось бы видеть* много чего еще (мистику, порнографию, плагиат, произведения клеветнические, проповедующие насилие, призывающие к национальной или религиозной ненависти, содержащие большое количество нецензурной лексики... В хорошую же компанию фантастика попала!), но лишь применительно к фантастике это нежелание обрело полную силу де-факто. Даже мистические мотивы реально не подвергались ostracism: ряд авторов, конечно, тут же поспешил этим воспользоваться, введя в текст столь уважаемую и легитимную ныне реалистическую линию, как услышанная молитва, ментальный контакт с погибшими родственниками или предсказание цыганки.

Как известно, избирательное применение закона — хуже беззакония. Не говоря уж о том, что мало останется от военной литературы без Твардовского — а у него ведь есть не только отдельная поэма «Геркин на том свете», но и в первом «Геркине» присутствует глава «Смерть и воин», причем старуха с косой там отнюдь не порождена сознанием тяжелораненого солдата: она, как сказали бы материалисты, существует вне и независимо от него. И в некоторых военных песнях Высоцкого открывается «фантастическое измерение». И в чонкинском цикле Войновича, который фантастикой как бы не считается. И оба фильма «Мы из будущего» легитимно вписались в жанр.

Кстати, если говорить о степени фантастических допущений, которые имеют место в «Повести о настоящем человеке», или, обращаясь к кинематографу, в недавнем михалковском порносмертопозорище (не к 9-мая будь помянуто!), — то среднестатистическим фантастам до такого и в прыжке не дотянуться...

Впрочем, признаемся: писать фантастику о Войне (той самой, которая «по умолчанию»), конечно, трудно. Особенно сейчас, нам, этой Войны не видевшим. Но ведь это вообще — трудно, в рамках любого литературного направления, жанра или метода.

Лично меня не всегда впечатляют частые ссылки на «реальность событий», будто бы поведенных автору старшими родичами (даже если в этом не сомневаться... а ведь иногда приходится!); более того, я такие методы порой считаю не совсем достойными: это как бы «выключивание дополнительных бонусов», которые в любом случае будут получены не поколением фронтовиков, но нынешними писателями. Плюс, конечно, коробит элементарное незнание. Как «техническое», так и психологическое: сплошь и рядом персонажи «нажимают на курок», сбивают мессеры чуть ли не из рогатки (или вообще при помощи крестного знамения), используют в 1941 (а хоть бы и в 1945-м!) приемы «русского (а хоть бы и немецкого!) ниндзюцу» или предаются длинным философским рассуждениям в момент подъема в атаку. Но это еще цветочки. Некоторые литераторы подчеркнуто избегают затрагивать острые, болезненные, нестандартные темы — зато другие погружаются в них даже слишком охотно, со злорадством и некрофильским смакованием подробностей. Бывает и наоборот: в особую ярость приводит бодряческая тональность (чувствуется, что для длинного ряда современных авторов Великая Отечественная — это крутое, классное, интересное мероприятие вроде сафари-тура). А многие из наших современников торопятся использовать Великую Отечественную как рупор своих сегодняшних политических чувств, прикрыться ее авторитетом в злободневных целях, превратить ее участников в выразителей собственных симпатий или антипатий.

Да, все это так. Да, если кто-то скажет, что для фантастов эти грехи менее характерны, чем для (а, собственно, для кого? Реалистов? Но это течение,

без «социалистической» приставки, уже не считается единственно правильным!)... то он либо лжет, либо заблуждается.

Но, во всяком случае, на страницах этого номера вы подобных текстов не увидите. А вот хорошую фантастику — гарантируем. И надеемся, что при взгляде на линию фронта сквозь амбразуру фантастики можно увидеть такие детали, которые через бруствер реализма остаются незамеченными...

Григорий Панченко

АЛЕКСЕЙ ЕРОШИН

ПОПКОРН

Время Серж всегда ассоциировал со жвачкой. А что, даже очень похоже. Казалось бы, только что была полная упаковка — и на тебе, последняя затертая пластинка в кармане осталась. Опять же, новизна любого события превращается в рутину так же быстро, как сладость и свежесть новой порции лакомства — в безвкусную массу. Время от времени вялываешься, да так, что шиш ототрешь. А еще — время то спрессовывается в маленький твердый комок, то тянется почти бесконечно. Прямо как сегодня. До открытия ночного клуба еще бог знает сколько ждать, и заняться ну совершенно нечем.

В теплую погоду Серж любил прогулянуться с приятелями по Мамаеву кургану, поглазеть на Волгу, приглаженную утюгами судов, на город-муравейник, и поржать над туристами, методично фоткающими друг друга на фоне каждого монумента. Попутно продать пару-тройку сувениров: изъеденные временем зеленые автоматные гильзы и осколки мин. Охотно брали туристы и немецкие каски. Называлось все это — «прошвырнуться по Мамайке». Навара с таких прогулок вполне хватало на ночной клуб или вечер в геймерском пабе, завсегдатаи которого давно знали Сержа под ником «Сержант».

Сегодня денек не задался. Приятели были в разгоне до самого вечера, и о прогулке по кургану даже думать не хотелось: дул промозглый ветер, сея мелкой моросью вперемишку с белыми мухами. Тучи обложили вершину, как старые размокшие перины. Казалось, что пятидесятиметровое творение Вучетича на вершине вспарывает их своим четырнадцатитонным мечом, осыпая пухом из прорех продрогший октябрьский город. От всего этого хотелось куда-нибудь скрыться, в какое-нибудь теплое место, туда, где не хлупает под ногами омерзительная ледяная каша, и где подают хотя бы джин-тоник.

Промчавшееся мимо авто беспардонно хлестануло по тротуару ледяной мути из лужи. Серж выругался и мысленно пожелал водиле поймать по гвоздю в каждое колесо. В заляпанной витрине прикид его выглядел теперь жалковато. Так до вечера можно не дотянуть. Тащись потом домой переодеваться. Опять начнутся дурацкие допросы: «Когда ты возьмешься за ум? Во сколько придешь? Почему так поздно? Ты отдаешь себе отчет?» А тут еще немец этот бабкин вообще не в тему. Шаркает по квартире,

везде свой нос ястребиный сует. Фотографии разглядывает, вазочки из мин и снарядных гильз в Сергиной комнате бесцеремонно лапает, бормочет что-то. И чего приперся? Ветошь старая, фриц чертов. Как его там... Курт, кажется. Вингерт. Или Виннерт. Профессор, ити его, недобитый... Кто он вообще? Математик, вроде. Сроду не любил математику... Может, они с бабкой снова на курган подались? Таскаются туда, как на работу. Да нет, в такую погоду... Рисковать нарваться дома на вечное бабкино брюзжание сейчас хочется меньше всего.

Серж никак не мог понять, что же она от него хочет. Учится же, не шляется по подворотням. С черными копателями не водится, зато в официальных раскопках участвует. Чего, чего еще надо-то? И так едва нимб не светится. Даже мать говорит: «Не колетса — и ладно. Что ты от него требуешь?» А бабка свое: «Полагаешь, этого достаточно, чтобы человеком быть?»

Промокшие джинсы неприятно холодили ноги, в кроссовках похлопывало, и Серж завернул в кинотеатр. Взяв чашку эспresso в баре, он пристроился поближе к батарее и принялся попивать напиток мелкими глотками, растягивая удовольствие: до вечера было все еще далеко.

Большой зал кинотеатра был закрыт на реконструкцию, а в малом шла какая-то скучная любовная дребедень, но сохнуть у барной стойки, глаза на слякотную улицу, было еще скучнее. Поэтому Серж, допив кофе, купил «Колу», большое ведро попкорна и билет на сеанс, который уже полчаса, как начался.

Героиня фильма была ужасна. Наверное, потому, что слишком напоминала Сержу его бабку: Ворчливая и принципиальная до фанатизма. Прогнившая идеалистка. Окружающим ее Серж искренне сочувствовал, поскольку сам был объектом нападок такой же старой мегеры. Но именно поэтому смотреть картину вскоре стало невыносимо: он слышал эти тирады о долге и совести ежедневно. Бабка выдавала их прямо-таки профессионально, как по писаному: «Я в твои годы, я в твои годы...» Да ей в сорок втором всего девять было. Чего там она защищала, соплюха малолетняя? Какой долг отдавала? А все туда же...

Вообще, Сержу казалось, что не только его бабка, но весь этот город живет нескончаемыми долгами. Сначала защитники города исполняли тут свой долг. Теперь, отвоеванный, он отдает вечный долг своим защитникам. Живые отдают долг павшим. А с ними — каждое следующее поколение, которое морально должно еще и строителям. Это, не учитывая долгов гражданских, сыновних, дочерних и прочих. Все в этом городе были друг другу должны, словно это сидело у них в генах, в самой крови. И только у Сержа в крови уже ничего не сидело, и у его приятелей тоже. Выветрилось, наверное, и выдохлось. Видно, в этом была вся загвоздка. Но ведь надо же когда-нибудь ставить точку в той войне. Наверное, сама природа это понимает. Было — и прошло. Настали другие времена, с другими проблемами, с другими приоритетами. С геймерскими клубами, 3D-фильмами,

попкорном и шаурмой на каждом углу. Времена с другим ритмом и мышлением. Прошлое ушло в какие-то туманные легенды, оставшись только в телесериалах ко Дню Победы, где гламурные звезды экрана крутили любовь на фоне компьютерной войнушки, да в абстрактных ветшающих монументах напшигованного металлом кургана.

Серж никак не мог уловить суть сюжета фильма. Наверное, пропустил что-то главное, и теперь вся эта болтовня на экране совершенно его не трогала. Когда ему стало совсем скучно, поднялся с места и стал пробираться к выходу, не забыв прихватить ведерко с попкорном. Выбравшись наружу, он приморгался к яркому свету вестибюля и увидел двух монтажников, таскавших в закрытый большой зал какие-то тяжеленные ящики. Створку двери они подперли одним из ящиков, который загораживал проход и этим страшно мешал. Работяга постарше, обернувшись, позвал натужно:

— Эй, парень, будь другом, придержи дверь!

Серж не то, чтобы с готовностью, но помог: нетрудно, в конце концов, потянуть на себя холодную потертую медную ручку и подставить кроссовок, чтобы придержать пружину. Потом даже угостил запыхавшихся «Колой». Так, безо всякого долга, добровольно.

— Спасибо, друг! — сказал, отдуваясь, тот, что постарше. — Заходи на открытие, я тебе билетик без очереди обеспечу.

— А что вы тут монтируете-то? — без особого любопытства спросил Серж.

Второй, отхлебнув из бутылки, вытер взмокший лоб и заметил:

— О, брат! Это чисто фантастика. Такая штука, что вряд ли поверишь. Ну, бывай, спасибо за помощь.

Монтажники скрылись за дверью. Некоторое время было слышно, как они, кряхтя, перекаладывают свой груз, но вскоре все стихло. Бармен возился в своих склянках, повернувшись спиной. Гардеробщица сидела где-то в глубине своего пыльного департамента, шурша журналом. Билетерша в зале досматривала мелодраму. Никто не видел, как Серж тихонько проскользнул в проем и осторожно прикрыл за собой дверь.

Выпутавшись из черного бархата занавески, он очутился в полутемном зале и первое время ничего интересного не видел. Потом, когда глаза привыкли, он понял, где находится. В самой банальной диораме. И никакой тебе фантастики. Разве что — странноватые мягкие кресла. Но на кой черт в диораме кресла — было совершенно непонятно. Кто станет в них сидеть и смотреть на жалкие руины города впереди?

Серж опустился в ближайшее из кресел, и материал послушно принял его в себя, как пуховая перина. В таком неплохо бы смотреть какую-нибудь забойную зубодробильную киношку. Но впереди, на месте экрана, теперь расположилась диорама. Приглядевшись, Серж узнал вдалеке виденные тысячу раз на фотографиях развалины тракторного завода. Над ними как будто даже ползали клочья дыма. Выглядело все вполне натурально.

Почувствовался даже запах пороховой гари и послышалась отдаленная трескотня перестрелки. Даже пол, вроде бы, подрагивал от канонады.

Серж решил проверить, какие еще сюрпризы преподнесет ему этот аттракцион. Он стянул влажные кроссовки вместе с носками, задвинув их под кресло. Потом, рассудив, что вряд ли попадет здесь в щекотливое положение, стянул влажные джинсы и повесил их на спинку. Закинул ноги на соседнее кресло и принялся с комфортом похрустывать попкорном, размышляя об этой диораме, как об очередной разновидности оплаты морального долга. Совсем вскоре по ногам вдруг потянуло сквозняком, в лицо дохнуло промозглой осенней сыростью. «Ну, это уж слишком, — решил Серж, поеживаясь, — так и простыть можно. С эффектами явно перестарались. Хотя и с ними скучновато, если больше ничего не происходит».

Впереди внезапно замерел по полу брошенный камешек. А может, и не камешек — звук больше походил на металлический. Серж поставил попкорн рядом и слегка привстал, вглядевшись в сырой сумрак. И тут руку его пронзила острая боль, потому что кто-то резко заломил ее за спину. Серж хотел от боли и неожиданности заорать, но на рот его легла чья-то ладонь. Мокрая, жесткая и шершавая, как нестроганная деревяшка. Напавший был не один. Еще чьи-то руки шарили по бокам и карманам рубашки, заталкивали в рот кляп, а потом туго стягивали запястья за спиной чем-то, по ощущениям похожим на кожаный ремень. От этих людей нестерпимо несло потом, дымом и каким-то ядреным табаком.

— Пусто, — сказали сзади слабым простуженным и прокуренным голосом.

Серж возмущенно замычал, за что немедленно и очень чувствительно получил по затылку. Его подняли, как мешок с тряпьем, и приперли к стене.

— Слухай меня, фриц, — прошептал кто-то, дыша ему в лицо невообразимым табачно-зловонным смрадом, — ежли пикнешь — муттер позвать не успеешь. Ферпштейн или не ферштейн?

Серж кивнул, скосив глаза на блеснувшее у носа лезвие финки. Происходящее казалось ему каким-то нелепым сном, кошмаром, но боль почему-то никак не могла его разбудить. Если это был спектакль — он явно затянулся, да и вообще переходил всякие границы разумного.

В лицо ему посветили карманным фонарем. Пришлось зажмуриться.

— Опять малахольный, — сказали сбоку, — тьфу ты! На кой нам такой? Один есть уже. Тащить его... Лучше сразу в расход.

— Ничо, — ответил первый, — все не с пустыми руками.

— Да он того... Чокнутый, похоже. Смотри, что жрал.

— Ну и пакость! — сплюнул первый. — Вата и вата. Видать, у фрицев со жратвой тоже хреново, раз жрут это дерьмо. Поташим. Авось, чего знает. Расскажет, как у них со снабжением, хотя бы.

— Не дойдет: босой, в одном исподнем...

Серж только сейчас почувствовал, как сильно замерз. Ноги просто-таки ломило от ледяного пола.

— Ладно, найди ему сапоги с шинелкой. Только быстро.

Второй ушел в темноту, тихонько ворча, что «не стоит этот фриц такой возни». Первый тем временем на ощупь свернул самокрутку и закурил, пряча огонек в снятой шапке. Серж, наконец-то, смог его немного разглядеть — острые скулы, заросшие щетиной, короткие усы и нос картошкой. Совсем не похож ни на кого из тех монтажников.

— Че пялишься? — хмуро спросил сторож. — Поди, курнуть хочешь? Хрен тебе, все одно подохнешь. На сегодня тебе прикурить уже дали, а до завтра вряд ли доживешь. Так-то вот.

Наконец, явился второй, с шинелью и сапогами. Шинель, как и сапоги, была холодной, а местами вовсе застывшей и негнущейся.

— Подыми ногу, фриц, — приказал второй, ударив Сержа под коленку.

Сержу пришлось поднять ногу, и на нее напялили короткий ледяной сапог, в котором что-то неприятно липло к босым ногам. Тем же макарком обули вторую ногу.

— Пшел! — сказал первый, ткнув пленного под ребра дулом автомата. — Шнель, фриц, шнель!

Пришлось подчиниться. У Сержа все же была твердая уверенность, что дурацкое представление закончится, когда они упрутся в полотно диорамы. Но никакой задней стены у кинотеатра не существовало вовсе. Вернее, от нее остались лишь раздробленные куски.

В небе над развалинами вспыхнула осветительная ракета, и рука конвоира немедленно пригнула голову пленного к земле. Серж растянулся на куче щебня, преоболю зашибив ребро. Где-то впереди, захлебываясь торопливыми короткими очередями, застучал пулемет. Боец постарше, который грозил ему финкой, осторожно выглянул из-за обломка, выставив перед собой ствол автомата. Из его разодранной телогрейки торчала клочьями грязная вата. Ракета опускалась невыносимо медленно, разливая мертвенно-белый свет на руины впереди, разбитый паровоз и сошедшие с рельс платформы. Полосы света ползли по напряженным лицам и спинам конвоиров, словно на шаривая их в горах битого кирпича и перекрученной арматуры, чтобы пулеметчику было сподручнее хлестнуть сверху потоком горячего свинца. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем свет, наконец, погас.

— Поднимайся, фриц! — приказал старший. — Шнель, шнель ерхибен! Вперед!

Пленного снова вздернули кверху, как мешок с тряпьем, поставили на ноги и придали нужное направление стволом автомата. Серж торопливо шел, оступаясь, и никак не мог отделаться от ощущения нелепости своего положения. Скулы ныли от кляпа, зато руки он почти перестал чувствовать — так сильно их стянули ремни. Все это было ужасно глупо и неприятно.

Ему хотелось, чтобы это дурацкое унижительное представление наконец-то закончилось. Мысль о том, что все это не игра, он не рассматривал, как совершенно нелепую. И на кой черт он поперся в этот зал? Поглазеть на обещанную фантастику? Вот и поглазел. Но не машину времени же они тут монтируют, в самом деле. Бред какой-то.

Среди обломков то там, то тут виднелись какие-то серые мешки. Заметив у ближайшего торчащую руку со скрюченными обгорелыми пальцами, Серж понял, что это трупы. Ситуация становилась все глупее и неприятнее, потому что никак не кончалась, как и эта чертова диорама. Откуда тут, в самом деле, такой огромный павильон? По ощущениям Сержа, они пробирались через развалины минут сорок, а то и больше. Но, поди разбери, как растягиваются время и пространство в таких местах.

У развалин завода их окликнули паролем:

— Волга!

— Днепр! — отозвался старший.

— Дзыбин, ты? С уловом, что ли, старшина?

— Какое там, — отмахнулся тот.

— Да-а, мелковат фриц пошел, — усмехнулся часовой, разглядывая добычу, — видать, всех крупных-то уж повыбили.

— Хватит еще на твою долю, балаболка, — проворчал старшина.

Сержа отвели в подвал конторы какого-то цеха, где резко и омерзительно воняло больницей — спиртом, йодом и тяжелым духом гнилых бинтов: тут расположился полевой лазарет. Раненые лежали вповалку, прикрывшись шинелями. Которые не спали — проводили пленного злыми взглядами.

Старшина остановился у обитой железом двери с зарешеченным окошечком и треснувшей табличкой «касса», развернул пленного лицом к стене и распутал ремни на запястьях. Потом бесцеремонно выдернул кляп. Серж хотел было сказать все, что он думает о дурацких розыгрышах, но скулы свело так, что вместо членораздельных звуков он выдавил из себя одно невнятное мычание. Так и не успев ничего сказать, он мигом оказался за железной дверью.

Внутри царил полумрак. Серж пошарил затекшими руками в пространстве и наткнулся на письменный стол, и на нем — на чью-то коленку. Владелец этой коленки что-то сказал по-немецки. Серж отпрянул, отошел к противоположной стене и сел там на корточки. Немец еще что-то спросил, но не получил ответа и замолк. Затекшие запястья, отходя, пульсировали ноющей болью, как воспаленный зуб. Оттаявшая шинель стала влажной, а местами — откровенно мокрой, и отвратительно липла к рубашке. Чтобы хоть немного согреться, Серж накрылся ей с головой. Он бы ни за что не поверил, скажи ему кто-нибудь, что можно заснуть в такой позе и в такой ситуации. Но усталость и стресс взяли свое, и кошмар наяву сменился не то, чтобы сном, а каким-то болезненным полубредом.

* * *

Ночью обстреливали дважды. Насколько Серж мог судить, из пушек и минометов одновременно. Снаряды летели с протяжным присвистом, а мины — с каким-то хриплым мяуканьем. Все, как рассказывала бабка. Стены кассы-кутузки вздрагивали от каждого разрыва, и было слышно, как вдоль них осыпается известковая пыль. А на рассвете началась бомбежка, и продолжалась не меньше сорока минут. Закрывшись шинелью от пыли и падающей штукатурки, Серж каждую секунду ждал, что либо потолок, либо стены рухнут на него, расплющив, как мураша. Потом фрицы пошли в атаку.

Серж открыл глаза и увидел сквозь дырку в шинели спящего немца, на лицо которого падал теперь свет из окошка, забранного решеткой. Проспав и артобстрел, и бомбежку, он дрых и теперь, под щелканье винтовочных выстрелов, гранатные разрывы и треск пулеметных очередей. Серж никак не мог взять в толк, как такое возможно. Тем не менее, немец все-таки спал. Несмотря на то, что его товарищей сейчас косили пулеметы, несмотря на то, что сюда в любую минуту могла попасть авиабомба. Лежал на суконном столе, как покойник. И только влажные дорожки на пыльных щеках выказывали, что все-таки он спит, а не умер. «Вот хлюпик, — подумал Серж, — точно, малахольный».

Дырка в шинели была странной крестообразной формы. Серж вдруг понял, что такую может проделать только штык, четырехгранный штык трехлинейки. А значит, засохшая бурая корка вокруг, липшая вчера к рубашке, — вовсе не грязь. Но на общем фоне происходящего это казалось такой мелочью, что Серж больше испугался своего равнодушия к этой крови, чем самой крови. И продолжал, оценивая это новое ощущение, равнодушно разглядывать и окровавленную дыру, и лицо спящего немца в нее.

Наконец атака немцев захлебнулась, и выстрелы притихли. И тотчас, как по команде, пленный открыл глаза. Серж вначале не понял, почему его сокамерник проснулся именно сейчас, но вскоре сообразил: все это время у начальства до них не доходили руки. А теперь следовало ждать допроса.

Ноги Сержа за ночь, проведенную на корточках, затекли почти до бесчувственности, и теперь он их выпрямил, чтобы немного отошли. Немец, увидев это, негромко позвал:

— Kamerad!.. Kamerad, es gibt nicht eine zigarette?

— Тамбовский волк тебе камрад! — недружелюбно буркнул Серж.

Немец заткнулся и принялся шарить по карманам, выковыривая крошки табака. Был он чуть постарше Сержа, от силы года на два. А может, это война его малость состарила, и на самом деле было ему не больше восемнадцати. Был он сух, мальчишески костляв — длиннополая шинель болталась на нем, как мешок на колу. Такой же белобрысый, как Серж, только уши неслепые — лопушистые, и нос не прямой, а с горбинкой, какой-то ястребиный.

Как только подумал Серж про этот ястребиный нос, так и оторопь его взяла. Не бывает, не может быть таких совпадений. Это уже совсем из ряда вон. Неужели вот это лопухастое носатое существо, и тот, вытертый, сморщенный, с шаркающей старческой походкой, математический профессор — одно и то же лицо? Курт Вингерт... или Виннерт. Кажется, все-таки, Виннерт. Только бабки не хватает до полного комплекта.

За дверью послышался шорох. Серж вздрогнул. Проем окошка закрыла чья-то маленькая голова. Лица против света видно не было, но по торчащим длинным патлам угадывалась девчонка.

— Курт! — позвала девчонка, положив на кассовую полочку пару папирос и спички. — Эй, Курт!

— Danke schön, fräulein Valen, — поблагодарил немец и протянул одну Сержу, — kamerad, ist zu rauchen?

— Отвали! — огрызнулся Серж.

Он подумал, что ничто в жизни, наверное, не сможет удивить его больше, чем это нагромождение невероятных совпадений. Из нескольких сотен тысяч людей, сошедшихся в бою за этот город, Сержу выпало пересечься именно с этими двумя. Даже ежу стало бы понятно, что это неспроста. Но что крылось за этой шуткой судьбы, пока было неясно.

Немец пожал плечами, заложил одну папиросу за ухо, про запас, а вторую закурил.

— Эй, — позвала девчонка, — а тебя за что сюда?

Серж нахохлился под колючей шинелью, исподлобья поглядывая на непрошеную гостью.

— За глупость.

— Дезертир, что ли?

— Сама ты... — Разговаривать в таком тоне с бабушкой, хоть и с девятилетней, было слишком, и Серж умерил тон: — Зачем ты ему помогаешь? Он же фриц.

— Nicht Fritz, — ответил немец.

— Его зовут Курт, — пояснила девчонка. — Он хороший, помогал нам с мамой, консервы давал и хлеб. А когда мама все равно умерла, похоронить помогал. Я ему листовку принесла, и он пришел в плен.

— Какую листовку?

Девчонка порылась в карманах и подала Сержу бумажку, отпечатанную с двух сторон, с одной стороны по-немецки, по-итальянски и еще — Серж предположил — по-румынски — видимо, предложение о сдаче в плен. С другой — по-русски:

«Удостоверение для перехода в плен.

Предъявители сего, офицеры и солдаты немецкой армии, в количестве..... чел. во главе с..... убедившись в бессмысленности дальнейшего сопротивления, сложили оружие и поставили себя под защиту законов Советской России. В соответствии с приказом наркома обороны

СССР Сталина N 55 и согласно законам Советской страны им обеспечиваются: теплое помещение; шестьсот граммов хлеба в день и три раза в день горячая пища; лечение раненым и больным; переписка с родными.

Настоящее удостоверение действительно не только для группы, но и для отдельного немецкого солдата и офицера.

Командование Красной Армии»

— Немцы за это, наверное, могут расстрелять? — спросил Серж.

Прочитав о еде, он почувствовал, как засосало под ложечкой. Обедать ему довелось только этим проклятым попкорном, и довольно давно.

— За это не расстреливают, — сказала девчонка, — за это вешают.

— Страшно?

— Немножко. Одного мальчишку повесили за то, что на стене написал «Сталинград не сдастся!»

За дверью послышались тяжелые шаги. Курт погасил окурок и встал. Серж тоже почел за лучшее встать.

— Что, Валюха-муха, снова своего фрица балуешь? — спросили сна-ружи. — Ничего, недолго вражине дармовую пайку жрать. Замполит ему какое-то задание придумал.

Дверной заплот лязгнул, заскрипели ржавые петли. Вокруг фигуры вошедшего закалубились облака пыли. Он ткнул пальцем в сторону Сержа:

— Ты! Фриц, ком! На выход. Ком-ком, ерхибен.

***

В подвале было душно, сыро, накурено, и, несмотря на раскаленную буржуйку под окном, совсем нежарко.

— А, привел? — сказал комбат.

Он, отряхнув с рукавов кирпичную пыль, присел на снарядный ящик, разгладил положенную на табурет мятую тетрадь и положил рядом тонкую книжицу карманного формата. Серж видел такие в музее, это был краткий русско-немецкий военный разговорник. Приготовив карандаш, комбат приказал:

— Заги зи... э-э-э... ди... нумэр йрэс рэгиментс.

Серж покосился на сидящего рядом человека в буденовке и офицерской шинели, бинтовавшего свою раненую кисть, и сказал:

— Я по-немецки не ферштею.

Комбат поднял глаза.

— Та-ак. Это становится любопытным. А, замполит?

Замполит зубами затянул узел бинта и сказал:

— Да чего там любопытного. К стенке надо таких любопытных, без разговоров.

— Ладно, разберемся, — нахмурился комбат. — Ну что же, давай по-русски, если по-немецки не ферштеешь. Имя, фамилия, звание.

— Родин. Сергей.

- Дальше. Что из тебя, клещами каждое слово вытаскивать? Звание какое?
- Да я вообще невоеннообязанный.
- Вот как, значит?
- Да, по болезни. У меня это... пиелонефрит. Хронический.
- Чего-чего?
- Ну, почки...

— Почки-цветочки, — комбат с недоверчивой ухмылкой оглядел крепкую фигуру пленного, — об лоб можно поросят бить, а он какие-то почки выдумал.

«Почки», на самом деле, выдумала мама Сержа, когда он в первый год провалил экзамены в институт, и пришла военкоматовская повестка. «Но вряд ли, — подумал Серж, — эти люди, здесь и сейчас, проникнутся положением современной армии».

- Комсомолец? — спросил замполит.
- Нет.
- Почему?

Серж снова оказался на грани пата. Нельзя же, в самом деле, объяснить сейчас, что комсомола давно нет.

- У нас это... не было... — замямлил Серж.
- Ячейки?
- Да.

Комбат подбросил в буржуйку обломки стула, послуныявил химический карандаш, отметил что-то в тетради и спросил:

- Когда и при каких обстоятельствах перешел на сторону противника?
- «Влип, точно», — подумал Серж, и ответил:
- Никуда я не переходил.

— Угу, — кивнул замполит, — а форма немецкая на тебя сама наделась.

— Так меня ваши же одели, — огрызнулся Серж, — разведчики. С убитого фрица сняли. Спросите у них. И дырка вот...

— Что за вздор? — удивился комбат. — На кой черт им понадобилось бы тебя переодевать?

— Дзыбин что-то докладывал про это, — вспомнил замполит. — Сидел будто в исподнем и жрал какое-то... — он приподнял шинель, брошенную на снарядные ящики, и достал из-под нее немецкую каску, наполненную дочерна пропыленным попкорном.

- Ты это ел? — спросил комбат.
- Серж пожал плечами и кивнул:
- Ну да.
- Зачем?
- Хотел — вот и ел.

Комбат покосился на грязные комки в каске, похожие на свалевшуюся вату пополам с известковой пылью и песком, и снова перевел взгляд на Сержа.

— Ты, Родин, дурак или контуженный?

— Немного, — Серж ухватился за невольную подсказку, — контуженный слегка.

— Мякишев! — позвал замполит.

Серж вздрогнул, решив, что сейчас его поведут на расстрел. На зов явился высоченный боец в расстегнутой, несмотря на холод, телогрейке. В открытом воротах виднелся полосатый треугольник тельняшки.

— Сверни-ка мне сигарку, Мякишев, — попросил замполит, вынув кисет здоровой рукой.

— Да вот, возьмите трофейных, — предложил матрос, достав мятую пачку. — Цивильные. И вы берите, товарищ комбат. Побудем сегодня у фрицев на довольствии.

— Ну что же, — кивнул комбат, — побудем.

— Как там, на Тихоокеанском флоте? Порядок?

— Полный порядок, товарищ комбат.

— А как Дзыбин? — осведомился замполит. — Он, вроде, вчера этого фрукта нашел?

— Связного прислал. Говорит, что до вечера дотянет. Если патронов хватит — подстанцию не сдаст. Просил гранат подбросить. А лучше миномет.

— Миномет... Где я ему возьму миномет? А связной где?

— В подвал унесли: ранило его. Снайпер подстрелил.

— Ясно. Можешь идти. Спасибо за сигарку.

Комбат закурил и снова повернулся к Сержу.

— Родители-то есть у тебя?

— Да. Мама и бабушка.

— Бабушка... Что же мне делать с тобой, Сергей Родин?

Серж опустил глаза.

— А нельзя мне... с вами...

— С нами-то? Это запросто. Нам хорошие бойцы во как нужны. А ты явно хлопец геройский. Жаль только, военный билет где-то посеял. И мундир. И оружие, которое тебе Родина доверила, чтобы ты ее защищал.

Серж промолчал, глядя в кирпичное крошево под ногами. Комбат затянулся и сказал:

— Молчишь? С нами... А ты о приказе номер двести двадцать семь слышал, боец Родин?

— Это который «ни шагу назад»?

— Слышал, значит, — заключил комбат. — А если подзабыл — могу напомнить: «Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять свою Родину... Паникеры и трусы должны истребляться на месте». Так вот, боец. На месте.

Последние иллюзии покинули голову Сержа еще при бомбежке. Теперь он безо всяких сомнений допускал, что находится в сорок втором, где

ему могут совершенно запросто пустить пулю в затылок по обвинению в трусости.

— Ну, хоть в штрафную... — попросил он тихо.

— Нет у нас в батальоне штрафников, — отрезал комбат. — И трусов нет. А тащить каждого в полковой штаб нет возможности. Еще хороших бойцов из-за тебя положим. Вот и выходит, что возиться с тобой некому.

— Ладно, не горячись, — вдруг сказал замполит, кивнув на каску с попкорном, — может, и впрямь контузило его. Не станет же человек в здравом уме эдакую дрянь в себя пихать.

Комбат затянулся в последний раз и затушил окурок о подошву сапога.

— Только под твою ответственность, — предложил он.

— Мякишев! — снова позвал замполит.

***

— Родина зовет! — продолжала будить бабка. — Слышь? Просыпайся! Родина...

Давным-давно пора было оторвать голову от подушки, чтобы не опоздать на лекцию. Только почему так холодно? Опять одеяло сползло... Серж с трудом приподнял голову. Затекающую щеку саднило: поперек ее пересек рубец от котелка.

— Родин! А? — звала Валюха. — Проснись! Главстаршина сказал — на пост пора.

— Не сплю я...

— Ага, это я тут сплю. Иди давай.

— Не гони, пугалица.

Он заглянул в котелок и с трудом оторвал примерзшую к остаткам каши ложку. Доесть не хватило сил, сморило. Хотя есть хотелось смертельно. Но еще сильнее хотелось спать. В несколько прошедших суток из головы Сержа выдуло и выбило всю прежнюю жизнь, словно ее никогда и не было. Ни клубешников, ни геймерских турниров, ни института — ничего. Он бесчисленное множество раз проваливался в краткое и холодное бредовое беспамятство в редких промежутках между атаками, обстрелами и бомбежками.

Сон стал для Сержа чем-то более драгоценным, чем жизнь. И даже более ценным, чем еда, хотя ее доставляли далеко не каждую ночь. Сперва еда ему снилась. Бабкины блинчики, тефтели с рисом, пирожки. Он ел их во сне, и никак не мог насытиться. Потом просыпался, когда главстаршина Мякишев совал ему в руки котелок с полуостывшей гречкой. Каша была чертовски вкусной. Серж ел ее, однако совершенно механически, и тоже никак не мог наесться. То ли от холода, то ли от постоянного желания свернуться калачиком в промерзшей щели и выключиться хоть ненадолго из этой войны. Но снова начиналась стрельба, и Мякишев командовал: «Огонь!» Серж механически поднимался и механически передергивал затвор трехлинейки,

и механически нажимал спуск. «Выше бери, холера!» — кричал Мякишев, и Серж механически брал выше. А потом еда перестала сниться. Да и снов-то никаких не было. Словно кто-то извне просто периодически выключал сознание клавишей «Escape», и почти сразу жал «Enter».

— Родин! Да проснись ты! — снова позвала Валюха.

Оказывается, незаметно для себя Серж снова отключился.

— Иду-иду...

Он оставил котелок, подхватил промерзшее оружие, царапнув шттыком по уцелевшей штукатурке, и побрел к посту. Дойдя, привалился боком к стене, передернул затвор, положил винтовку на колени и упрятал нос за ворот телогрейки, чтобы подышать хоть немного теплым духом. От стеганки чудовищно несло гарью, потом и ядреной махрой. Это хоть немного взбадривало.

— Ты не спи, — предупредила Валюха, — немцы обойти могут.

«Вот привязалась, — подумал Серж, — как банный лист».

— И чего ты за мной ходишь, как хвостик? — спросил он.

— Фамилия у тебя забавная, — сказала Валюха, показав по-детски щербатую улыбку. — Вот бы у меня была такая! Представляешь? Наши кричат «Ура! За Родину!», а я бы думала, что это как будто за меня воюют.

— Они и так за тебя воюют. Эх ты, пигалица.

— Сам ты «эх ты».

Серж нашарил в кармане ложку и попытался отколушнуть кусочек примерзшей кашки. С тем же успехом можно было отколушивать кусок кирпича. Погрев ложку рукой, чтобы не примерзла к губам, он сунул шершавую ледышку в рот.

— Родин! — позвала девчонка. — Ты любишь конфеты — длинные такие тянучки?

— Не-а, — ответил Серж.

— Эх ты. А я очень люблю. Они еще завернуты в такую хрустящую бумажку... Ее разворачиваешь и облизываешь... А конфету можно согнуть, как тросточку. Вку-усно-о... Я бы сейчас все на свете отдала за такую конфету.

— А я — за подушку с одеялом.

— Тебе нельзя спать — ты на посту.

— Знаю.

Серж сунул облизанную ложку за голенище валенка, осторожно выглянул из оконного проема наружу, и не заметил никакого движения.

— Родин! — снова позвала Валюха. — Чего ты больше всего боишься?

Определенно эта девчонка не могла молчать больше минуты.

— Немцев проспять, — ответил Серж. — Главстаршина с меня тогда голову снимет. Если жив останусь.

— А я, знаешь, чего боюсь? Что убьют, и тянучек больше не попробую.

Сзади под чьими-то шагами закрипела мерзлая щебенка. Серж повернулся. Замполит снова привел своего немца. В руке у него был помятый

«матюгальник» — жестяной рупор. Под ложечкой тоскливо заныло: в прошлый раз, в ответ на пропаганду, немцы устроили шквальный минометный обстрел, и едва не накрыли роту вместе с агитаторами. Хотя какая, к черту, рота — осталось их тут от силы человек двадцать. А тут еще пристроились они с «матюгальником» своим в соседней комнате. Курт через пролом кинул Сержу с Валухой и улыбнулся. Узнал, значит. Нос ястребиный свой потер, шапку на уши натянул — и за работу. Зовет в рупор своих по именам, садясь приглашает.

— Шла бы ты отсюда, — сказал Серж, — сейчас обстреливать начнут.

— Не, — ответила девчонка, — здесь не так страшно.

Первый снаряд с протяжным свистом вцепился в стену третьего этажа минут через пять, разбросав по сторонам облака дыма и пыли. Осколки бетона защелкали по стенам.

— В подвал! — крикнул замполит. — Эй, контуженый! Как тебя... Жить надоело?

Серж забросил девчонку на плечо, прихватил винтовку и кинулся к лестнице. Тридцатисемимиллиметровые уже вовсю рвались на уцелевших верхних этажах, осыпая все вокруг дождем щебня и мусора. Недалеко рухнула наружу кусок стены, и пространство исчезло в облаке пыли. По лестнице они скатились на ощупь.

— Вот черти! — осклабился замполит, отряхивая рукава полушубка. — Не нравится наша пропаганда. Ишь, как озлобились. Давно ли сами кричали: «Рус, Вольга буль-буль». Вот тебе и «буль-буль».

Курт грустно усмехнулся. Замполит вытащил пачку «Казбека» и угостил немца. Они закурили, прикрыв огонек от сыплющейся пыли.

— Пусти! — пискнула девчонка.

Серж заметил, что все еще крепко держит ее за руку, и отпустил. Замполит порылся в кармане и выудил оттуда кусочек сахара, облепленный крошками табака.

— Держи-ка, Валуха-муха, для тебя берег, — сказал он.

Девчонка немедленно положила сахар в рот и зажмурилась от удовольствия. Снаряды продолжали рваться, сотрясая подвальные перекрытия и вышибая из щелей мелкую сухую пыль, которая осыпалась, тихо шелестя, как иней.

— А тебе не знаю, что и дать, боец Родин, — подмигнул замполит, — курить ты не куришь, а сахару больше нет. Как, обвыкся уже?

— Почти, — ответил Серж.

— А главстаршина говорит — обвыкся. Даже предложил тебя в комсомол принять. А я думаю — рановато пока. Приглядеться надо поприспальней, как покажешься. С виду-то хлопец геройский, а нутро — оно и подвеси-ти может. Как сам-то думаешь?

Серж пожал плечами.

— Не знаю.

— Вот-вот. Решительности в тебе не хватает. Огонька. Задора боевого. Понимаешь? Молодой вроде, а как столетний старик. Скучно тебе жить, Родин, как будто все перевидал уже и все знаешь.

— А вдруг, правда, знаю?

— Чего знаешь?

— Да чего... Все наперед. Скажем, когда война кончится.

Замполит рассмеялся:

— Удивил! Это даже Валюха знает. Знаешь, Валюх?

— А то! — ответила девчонка.

— Ну, и когда? Когда?

— Такой большой, а не знаешь, эх ты! Когда всех фашистов побьем в Берлине!

Серж снова пожал плечами. Очередной снаряд не ахнул наверху, и неожиданно наступила тишина. Где-то трещало пламя, пожирая уцелевшее дерево. Замполит затушил окурки.

— Не дадут заскучать, гады. Сейчас полезут. Очень мы их допекли своим рупором. И контора эта заводская им хуже кости в горле. Давай-ка наружу. А ты, Курт, сиди тут. Ферштеен? Хальт, хальт. Валюха, присмотри за ним.

Прежнюю позицию было не узнать: на нее рухнул кусок стены, похоронив под грудой щебня гранаты, сидор и котелок. Попытаться их откопать было некогда: в проломах заводской стены замелькали серые шинели, со второго этажа по ним ударил пулемет, вокруг защелкали хлесткие винтовочные выстрелы, торопливо затрепцали ПППШ и трофейные МП-40. Серж пристроился за выступом разбитого окна и тоже принялся стрелять.

В горячке боя было почти невозможно понять, попадает он в кого-то или нет. Выстрелы сливались в сплошной треск. Серые фигуры падали, поднимались и снова падали, и снова поднимались. Некоторые оставались лежать. Серж передергивал тугий затвор, нажимал спуск, и снова все повторялось, только с тем, что враги подкатывались ближе. Серж совсем не был уверен, что продержится, если дело дойдет до рукопашной — колоть штыком ему не приходилось. И тут в его коленку ткнулось что-то тяжелое. Это Валюха вывалила к его ногам три гранаты — принесла их в охалке, как дрова.

— Ты зачем здесь?! — заорал Серж. — А ну, вниз! Живо!

Немцы, несмотря на потери, подобрались уже совсем близко. Можно было без труда разглядеть лица. Тогда из окон здания в наступающих полетели гранаты. Серж тоже бросил подряд все три. Волной разрывов первые ряды атакующих расшвыряло по сторонам, как тряпье. Остальные не выдержали и побежали назад. Серж устало привалился спиной к стене и вытер шапкой со лба испарину, слушая, как кричат раненные, и немцы, и свои.

Из пролома в соседнюю комнату вылезли замполит и Мякишев.

— Эй, Родин! — позвал главстаршина.

Серж поднялся на подгибающихся ногах.

— Слушай, боец Родин, — сказал Мякишев, — у нас пропала связь

со штабом батальона, и патронов осталось вообще ничего. Сейчас немцы очухаются и полезут опять, а нам и отвечать нечем. Понимаешь?

— Да.

— Не «да», а «так точно», — поправил замполит. — Ничего ты не понял, боец. Забирай сейчас Валюху и немца, и мотайте отсюда.

— Доставишь их в батальон, и передай, что нам нужны боеприпасы. Как можно больше и как можно скорее. Понял?

— Да. Так точно.

— Гранат побольше.

— Так точно.

— И аккуратней, чтоб не засекали минометчики.

— Понял.

— Выполняй.

* * *

Когда миновали разбитый паровоз, снег почти перестал. Серж умотался больше всех: не привык ползать. А тут еще впереди окликнули:

— Стой! Кто идет?

— Свои! — крикнул Серж. — Не стреляйте!

— Дзыбин! — узнала Валюха. — Дзыбин! Это мы!

Они сползли в соседнюю воронку от полутонной авиабомбы, и свалились прямо на старшину.

— Вот черти! — крикнул он. — Цигарку затушили. Глядеть же надо.

— Здрасьте, товарищ старшина! — сказал Серж.

— А, крестник! — узнал Дзыбин. — Оклемался? Куда это вы немца тащите?

— В штаб батальона, замполит приказал. А вы куда?

— А мы вам патроны несли, только вот один я остался — товарища моего снайпер подстрелил. Теперь тяжело тащить, запарился. Отдышался чуток, теперь поползу напрямик, так скорее. Ну, прощай, Валюха-муха.

Дзыбин порылся в карманах и выудил половинку сухаря.

— На вот, муха.

— Спасибо, дяденька старшина. А табачку не будет у вас для Курта?

— Это фашисту-то?

— Ich nicht faschist, — сердито заявил Курт, — nicht nazi, nicht «SS»! Ich genau derselbe als du! Der mann!

— Ишь ты, — усмехнулся старшина, — дер манн. По-ихнему — человек, значит. Ладно, шут с тобой, человек. Кури, не поперхнись.

Дзыбин выдал немцу кусок бумажки и табаку, и даже поднес прикурить самодельную зажигалку. Потом кивнул и поволок ползком тяжеленные ящики напрямую через пустырь.

— Обиделся твой Курт, — усмехнулся Серж, глядя, как немец нервно попыхивает самокруткой, шмыгая острым ястребиным носом.

— Конечно, обиделся, — сказала Валюха. — А ему, думаешь, приятно? Для своих — предатель, для наших — тоже. А он просто понимает, на чьей стороне правда. Верно, Курт?

И тут позади грянул взрыв. На стену воронки шлепнулся и с грохотом съехал вниз разбитый круглый магазин ППП. Курт от неожиданности выронил самокровку в снег.

— Дзыбин! — крикнула Валюха и рванулась к старшине.

Серж едва успел схватить ее за ногу и вернуть в воронку. Приподняв голову, он увидел шагах в двадцати, на белом полотнище пустоши, грязно-бурое пятно с опметками тряпья.

— Мины, — сказал он. — Там были мины.

— Пусти! — пищала Валюха. — Пусти!

— Не надо тебе туда. Понимаешь? Видеть этого тебе не надо.

Девчонка затихла, тихонько всхлипывая.

— Вот что, — сказал Серж, — слушай сюда. Вы с Куртом пойдете в батальон, а я вернусь и доставлю патроны.

— Я с тобой, — заявила Валюха. — Я тоже могу нести. Я сильная.

— Ты с Куртом пойдешь в батальон, и точка. Этих патронов надолго не хватит. Передашь приказ. Поняла?

Девчонка, набычившись, молча всхлипывала.

— Курт! — позвал Серж. — Курт, отвечаешь за нее головой, понял? Ферштейн? Ты и фройлен Вален — назад, цюрук ту батальон. Ферштейн?

— Ja, — кивнул немец.

— Не хнычь, Валюха, мы еще увидимся, это я точно знаю, — сказал Серж.

— Я все равно с тобой! — рванулась Валюха.

— Да господи боже мой! Курт! Держи ты ее!

Немец послушно перехватил маленькую фигурку поперек.

— Пусти! — шипела Валюха, пытаясь кусаться. — Пусти, фашист проклятый!

— Nicht faschist, — терпеливо уговаривал Курт.

Перевалившись через край воронки, Серж пополз по следу старшины, стараясь попадать локтями в те же углубления в грязном снегу.

Один ящик остался цел, содержимое другого было разбросано взрывом вокруг. Тут же лежали и гранаты. Серж набил ими свой вещмешок и противогазную сумку, потом снял каску и принялся собирать в нее рассыпанные патроны, стараясь не глядеть в сторону дымящегося тряпья. Патроны были все в снегу, а порой рука натывалась на мягкое и липкое. Серж сдерживал спазмы и продолжал набивать каску и карманы.

Протяжное завывание первой мины он услышал, привалившись к паровозу. Неподалеку вырос черный сноп разрыва, и по холодному металлу чиркнули осколки. Серж перехватил поудобней каску и патронный ящик и бросился бежать.

Вторая мина упала позади, подтолкнув его в спину взрывной волной.

Серж приостановился у воронки, но понял, что если спрыгнет в нее, то сил вытащить боеприпасы у него уже не хватит. Поэтому он только подкинул повыше вещмешок, чтобы лямки не так врезались в плечи, и побежал дальше. Впрочем, бегом это было назвать сложно: тяжесть подгибала колени, пот заливал глаза, приклад винтовки нещадно колотил по ногам. Двигаться было тяжело, как в толще воды.

Мины продолжали падать по сторонам, но до конторы оставалось недалеко. Уже были слышны крики из окон: «Эй, парень! Эй! С ума сошел, что ли? Эй!». Серж сжал зубы и пошел из последних сил — бежать он уже не мог. Сердце рвалось из горла, вещмешок пригибал к земле, ремень винтовки резал шею. Каска, казалось, весила не меньше полутоны. «Эй, парень!» — продолжали ему кричать. Он никак не мог понять, что они хотят, пока не услышал какой-то особый, с шорохом, треском и присвистом, вой.

Мина ахнула прямо под ним, и Серж полетел в пустоту, судорожно вцепившись в набитую патронами каску.

* * *

Сержа крутило и выворачивало наизнанку, переворачивало вверх ногами, и все никак не убивало. «Жив, жив, жив, — билась в голове единственная мысль, — неужели жив?» Пустота втягивала его в себя, как черная дыра, и единственным, что как-то связывало его с реальностью, была зажатая в руках каска. Он стремительно летел навстречу ослепительному свету, или свет летел навстречу ему — не понять. И вдруг свет и звук нахлынули разом, оглушили и ослепили, и швырнули на дощатый крашеный пол днорамы. Тяжесть, наконец, вырвалась из рук и рассыпалась по полу грудой белых невесомых хлопьев.

— Ну ты, парень, совсем без головы, — воскликнул старший монтажник, — разве ж так можно — в ненастроенный аппарат?

— Да он замерз, как цуцик, — заметил второй.

Сержа колотила крупная дрожь, и не только от холода. Голод превратился в почти звериное чувство.

— Тащи плед и термос, — приказал старший, и второй умчался в сторону киноаппаратной.

Плюща сапогами рассыпанный попкорн, монтажник усадил Сержа обратно в кресло.

— К-как вы меня оттуда вытащили? — спросил Серж, недоуменно ощупывая непросохшие джинсы.

— Откуда? — не понял монтажник.

— Н-ну... оттуда... Из сорок второго...

Спаситель похлопал его по плечу:

— Эх ты, паря! Начитался фантастики. Это ж тебе не машина времени. Это гипнорамы. Понимаешь? Гипноз. Модулированное излучение на альфа-частоте, усиливает воображение и восприятие, и больше ничего.

Второй монтажник, вернувшись, набросил на Сержа колючий потертый плед и плеснул из термоса в чашку горячий кофе.

— Н-ничего?.. Ничего н-не было?.. — переспросил Серж, стуча зубами о пластмассовый край чашки.

— Ну... — монтажник помоложе неопределенно развел руками, — как «не было»... Ведь было же когда-то...

— А бабка? Моя бабка? Я ее видел. Только маленькую совсем...

— Э-э, брат. Нечего бездумно в не отрегулированный аттракцион лезть. При такой силе излучения не то, что бабку — Рюрика увидеть можно. Генетическая память пробуждаться начинает.

— Генетическая?

— Именно, паря. Кровь — она все помнит.

Техник рассказывал еще что-то, постепенно расходясь и размахивая руками, но Серж уже не слышал его. Зажав горячую чашку в ладонях, он отрешенно смотрел и смотрел на освещенную надпись у края диорамы — «Никто не забыт, ничто не забыто», словно только сейчас постиг ее истинный смысл.

* * *

Снег утих, и на улице царило вполне обычное вечернее оживление. Машины резали сумрак желтыми фарами, на перекрестках перемигивались светофоры. Народ нырял в магазины и выплывал обратно с обновами или набитыми продуктовыми пакетами. Мамаши влекли коляски по слякотному тротуару, младенцы в них бессмысленно глазели на чернеющее небо и уличные фонари. Жизнь, стремительная и яркая, пронеслась мимо, с гудками, смехом и трамвайным звоном. Сержа задевали кто сумкой, кто плечом, но он почти никак на это не реагировал. Из оцепенения его вывел только телефонный звонок.

— Ты где? — осведомились на другом конце. — Тусняк в разгаре, а тебя никто выпепить не может. Че, трубу опять разрядил?

— Ты не знаешь, где тянучки купить? — негромко спросил Серж. — Такие конфеты, длинные, в бумажке?..

На том конце гоготнули:

— Ты че, обкурился, что ль? Во дает! Але! Слышь...

Серж нажал кнопку отбоя и закрыл глаза. Город гудел, гремел, дышал. Город жил. Как огромный организм — ломанный, калеченный, но выживший. Серж слышал, как бился его неровный пульс. Этот город родной по крови, и если есть в нем где-то эти треклятые тянучки, он их отыщет. В лепешку расшибется, но отыщет.

ДМИТРИЙ МАНАСЫПОВ

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ НА МАРСЕ?

1

Макар стоял на улице, с удовольствием вдыхая свежий, морозный воздух. Падающие снежинки лениво кружились в воздухе, медленно оседая на воротнике и плечах нового теплого драпового пальто.

Он покрутил по сторонам головой, наслаждаясь тем, что видел. Неширокая улочка, с низкими, в три окна домами и невысокими, выкрашенными в зеленый или голубой цвет, заборами. Вдали виднелись дымящие заводские трубы, где-то слышался звук моторов грузовиков, едущих в Москву. Их водители торопились попасть туда до того, как улицы заполнят ее жители, спешащие на работу.

Да, здесь не было и малого куска той красоты, которую он видел в Польше, Венгрии, Румынии или Германии. И даже его родная станица, стоящая на берегу Абинки там, на далекой Кубани, была куда как красивее. Но он понимал, что все равно эта рабочая окраина Москвы прекрасна.

Чудесна той красотой, которую создала сейчас зима, мягкая и добрая зима нового, одна тысяча девятьсот сорок шестого года. И этого ее нетронутого великолепия больше не нарушат никакие, кроме фабричных, дымы: ни непроглядно-темные и ядовито воняющие от жирно чадающей техники, ни деловито-серые и грустно-кислые от горящих хат и несколькоэтажных домов, ни густо-черные и смердящие тлеющими остатками тел...

Макар достал из кармана трофейный серебряный портсигар, постучал папиросиной о крышку с хищным орлом, щелкнул колесиком самодельной зажигалки-патрона и вкусно затянулся, выпустив сизые кольца. Помахал рукой соседу Ивану Силантычу и, поскрипывая новенькими, начищенными до глянцевого блеска американскими ботинками, пошел в сторону железнодорожной платформы.

— Здорово, пластун! — шедший с дежурства милиционер Егоров, живший через два дома, устало улыбнулся. — Ты в Москву никак?

— Здорово. — Макар пожал ему руку. — Как дежурство?

— Спокойно вроде. — Несмотря на усталость, Егорова явно тянуло потрепаться с соседом-фронтовиком, которого он крепко уважал. — Хотя автоматы так и не сдаем. Все этих ловим, которые из «Черного пса». Совсем

распоясались паскуды, что хотят, то и творят. Эх, говорят, что вот в Одессе это дело повернули быстро...

— Гхм... — Макар кашлянул.

Одесса... Лабиринты ее узких брусчатых улиц, которые тогда были густо политы темно-багровой кровью. Вспышки пистолетных выстрелов и отблески фонарей на лезвиях хищных финок.

— Ты чего?! — Лицо Егорова вытянулось.

— Хороший ты мужик, милиционер. — Макар бросил окуроч в невысокий сутроб. — Только болтай поменьше, а? Не было ничего в Одессе, ты разве не знаешь?

— Ну да... — До Егорова медленно и верно стал доходить весь смысл того, что он только что ляпнул незнакомому, в сущности, человеку. — Ты это, кубанец...

— Да все нормально. — Макар похлопал его по плечу. — Не переживай, и не вздумай чего придумать. Я там был, в Одессе... Ты лучше скажи, здесь-то, в Перловке, этих ваших псов точно не было? А то мне сегодня, возможно, задержаться в городе придется, а за Машу я переживаю. Одна баба останется, а от ее Мухтара толку-то против ножа...

— Да нет. — Егоров облегченно вздохнул. — Крутилась правда какая-то «эмка» вроде бы вечером. Но вообще тихо было. Да ты не переживай, я ж охотник, автомат-то сдал, а ружье есть дома. В случае чего присмотрю, не переживай...

— Ладно. — Макар усмехнулся. — Хозяйке своей скажи, чтобы с утра приходила. Я для них с Машей торг прихвачу. Ну, бывай, служба.

Макар быстро шел в сторону железнодорожной ветки, спеша на ближайшую электричку. Разговор с соседом задержал его вроде бы и ненадолго, а время поджимало. Стрелки часов уверенно ползли к тому времени, из-за которого он мог и не успеть дойти до платформы. Сидеть еще час в станционном «чипке» ему не хотелось, домой возвращаться смысла тоже не было. Так что приходилось поторапливаться.

Небольшой пятак, находившийся перед желтым зданием станции, заставленный железными прилавками с козырьками, уже занятыми местными торговками, виднелся в конце очередной небольшой улицы. Макар ускорил шаг и неожиданно почувствовал уже ставшую забываться дрожь от предчувствия опасности.

На перекрестке, который остался позади, тихо зафырчал мотор машины. Быстро глянув через плечо, он увидел темную «эмку», неторопливо перегородившую улицу. А со стороны привокзального рынка, уверенно идя в его сторону, двигались двое в коротких куртках и низко надвинутых кепках. Сзади тихо хлопнула закрывающаяся дверь и послышался четкий хруст приближающихся шагов.

Макар остановился. Не спеша, видя, как руки двух шедших навстречу сразу метнулись в карманы, достал папиросу и закурил.

-1

ПАМЯТКА КОМАНДИРАМ СПЕЦИАЛЬНЫХ
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННЫХ ГРУПП (РАД) РККА
И НКВД. МОСКВА, ТИПОГРАФИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ СССР, 1936 ГОД. ТИРАЖ
1 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ. СЕКРЕТНО.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ
ЧТО ДОЛЖЕН УМЕТЬ РАЗВЕДЧИК

Разведчик должен уметь:

- совершать прыжки с парашютом, десантироваться по канату с борта судна, управлять аэропланом, катамараном, моторной лодкой;
- в совершенстве знать военную топографию, уметь ориентироваться на любой местности по компасу и карте, по местным предметам, быстро и правильно засекать нужные объекты, указывать координаты разведанного объекта по радио;
- определять по внешнему виду любое оружие вероятного противника, знать его тактико-технические данные, уметь своевременно определять подготовку противника к применению ОМП;
- определять принадлежность личного состава противника по форме одежды и знакам различия, а техники — по опознавательным знакам и внешнему виду, по звукам определять местонахождение, численность и характер действий противника;
- знать тактику действий подразделений вероятного противника, уметь пользоваться его оружием и техникой;
- отлично владеть техникой маскировки и способами бесшумного передвижения на любой местности;
- владеть всеми способами ведения разведки: наблюдением, подслушиванием, засадами, налетами, разведкой боем, умело действовать в дозоре и в охране;
- скрытно и бесшумно преодолевать инженерные заграждения полевого и городского типа, вброд или на подручных средствах преодолевать водные преграды, хорошо плавать;
- совершать длительные марш-броски пешим порядком и на лыжах, метко стрелять, далеко и точно метать гранату и нож, искусно действовать прикладом и ножом;
- знать военную терминологию на языке противника, иметь навыки перевода документов, допроса военнопленных;
- в совершенстве владеть и применять навыки и приемы систем рукопашного боя, обеспечивая тем самым максимальный урон противнику;
- знать и умело применять ВВ и СВ, штатные мины и заряды, находящиеся на вооружении как своих войск, так и противника, уметь изготавливать ВВ из подручных материалов;
- знать и умело применять приборы оптической, радиолокационной, инженерной и химической разведки;
- владеть «военной альпинистикой»;
- владеть умениями и навыками обеспечения жизнедеятельности и выживания в естественно-природных условиях;

— уметь работать на переносной радиостанции в телефонном и в телеграфном режиме;

— уметь водить колесную и гусеничную технику как свою, так и противника;

— уметь наводить авиацию на стационарные и движущие объекты противника, устанавливать радиомаяки;

— знать систему охраны и обороны объектов противника, контрразведывательные меры, применяемые противником, способы обмана противника для сохранения боеспособности...

Это лишь основные знания, умения и навыки. На практике перечисленные знания, умения и навыки распределяются между всеми бойцами РДГ, но в идеале ими должен владеть каждый боец, независимо от того, кто он по своей штатной специальности: подрывник, снайпер и т. п.

2

— Герон, мать вашу... — Протянул крепко сложенный, похожий на медведя мужчина, обтянутый сукном оливкового френча полувоенного покроя, сидевший под портретом Вождя. — Решили, значит, все-таки по-своему поступить. Я вам говорил, что никакого силового варианта не нужно? Говорил ведь вам, обалдуям... Как оно так вышло, а?

— Товарищ пол...

— Что товарищ полковник? — Кулак оливкового глухо бухнул по крышке стола, обтянутого зеленым бархатом, заставив подпрыгнуть настольную лампу и ручку в письменном приборе. — Ну и сколько ваших людей выбыло из строя, а, товарищ лейтенант госбезопасности?

— Двое надолго... — Вытянувшийся в струнку худощавый офицер виновато смотрел на говорившего командира. — У Петрова двойной открытый перелом руки. Васечкину он сломал бедро, шейку. Третьему, Баранкину, свернул переносицу, и сотворил сотрясение мозга...

— Отстранить тебя лейтенант, что ли? — Оливковый задумчиво почесал подбородок. — И ведь сами, дураки, виноваты! Ну, как можно было не только проигнорировать мой приказ, но и нацепить на человека наручники? А потом тащить его сюда и так расслабиться, а?! Это как в отчетах ты напишешь, лейтенант: сотрудники НКГБ получили травмы при соприкосновении с дверной коробкой при конвоировании задержанного, при этом допустив грубое нарушение инструкций, полученных от старшего по званию? Чего молчишь? Переведу ведь. В КунгурЛАГ отправлю, на должность «кума»... Ладно, иди пока. Немальцева ко мне доставить, немедленно.

Лейтенант развернулся и, уставно печатая шаг, напряженно отправился в коридор. Мужчина во френче неодобрительно посмотрел ему вслед, дернул шеей и сел в кресло, скрипнувшее под его весом.

— Вот с такими кадрами работать приходится, представляешь? — Он обратился в сторону темного угла комнаты, где, плотно втиснувшись

между боковинами немалой тахты, сидел кто-то, чуть отблескивающий голой кожей головы в приглушаемом абажуром свете лампы.

— Представляю. — Глухой голос, заставив хозяина кабинета поежиться, заполнил кабинет. — Вполне понимаю. У меня после войны тоже нехватка грамотных людей. Эх, война-война... Таких ребят лишился... А разведчик-то молодец, молодец. Как ты там сказал, от столкновения с дверной коробкой?! Учиться твоим олухам и учиться еще. А к нему и не придерешься.

Разговор прервал громкий стук в дверь. Дождавшись разрешения, тот, кто находился в коридоре, открыл ее, и пропустил перед собой Макара.

— Свободен. — Оливковый с интересом взглянул на вошедшего. — Проходите, Немальцев, присаживайтесь. Чаю пока не предлагаю, и неизвестно, предложу его вам вообще, или нет...

Он помолчал, внимательно разглядывая Макара. Тот спокойно сидел на стуле, смотря на хозяина кабинета своими спокойными серыми глазами.

А что можно в нем, Макаре Дмитриевиче Немальцеве, высмотреть-то? Ну, двадцати семи лет, так это так сразу и не разглядишь. Русые, кудрявые волосы, успевшие отрасти и зачесанные «под-политику». Обычное славянское, благодаря приобретенной в армии привычке, каждодневно гладко выбритое лицо. Небольшой, рваный шрам на левой скуле. Ну, мало ли у кого какие шрамы. Это Макару известно, что он от осколка мины, выпущенной из «восемьдесятдвойки» каким-то наводчиком Гансом в сторону наших позиций под Ржевом. А у некоторых такие же от полученного в пьяной драке удара «розочкой» от водочной бутылки. Да и какая разница хозяину кабинета до внешности бывшего войскового разведчика, оказавшегося у него в качестве задержанного?!

Намного больше Макара занимала причина, по которой он оказался здесь, и то, что за человек сидит в дальнем углу. То, что он находится в немалом звании, было очень ясно. Но зачем тогда он здесь и какое дело ему до капитана Немальцева? Ведь если предположить, что хозяин кабинета как минимум, а так оно наверняка и есть, полковник, то в каком звании та громада, что высится в углу?

— Так, гражданин Немальцев... — Оливковый раскрыл картонный скоспшиватель, лежавший перед ним на столе. — В связи с чем вы оказывали сопротивление сотрудникам госбезопасности?

Макар ухмыльнулся и честно округлил глаза:

— Это где и как, товарищ...

— Полковник, товарищ капитан. Полковник госбезопасности Хорунжин. А как же они себе руки-ноги попереломали, а?

— Не знаю. В Москве бандитизм процветает, товарищ Хорунжин. Всякие там черные кошки, да псы хозяйничают. Что я должен был думать, когда на меня посреди бела дня три архаровца накидываются? Они ведь даже и не попытались представиться, сразу хватать начали и вязать...

— Ну а вы, конечно, не стерпели?

— Как это не стерпел? А если они у вас двигаться с задержанным грамотно не обучены... Так то ведь не моя вина. Если бы не тот, который мне «тэтэшку» в затылок ткнул, то ведь просто ушел бы.

Хорунжин засопел, сверля Макара маленькими глазами из-под кустистых бровей.

— А сейчас вам в голову не приходит, по какой причине вас задержали?

Макар покачал головой, понимая, что это не окажет никакого действия. Ведь если этот полковник захочет, то из того самого скоросшивателя сейчас на свет может появиться все, что угодно.

— Ну, хорошо... — Полковник перевернул несколько листов в папке. — Посмотрим, для начала, что указано в вашей характеристике, товарищ капитан. Итак... Немальцев Макар Дмитриевич, одна тысяча девятьсот девятнадцатого года рождения. Появился на свет в станице Ахтырской, что находится под.. тогда еще Екатеринодаром. Православный, из семьи потомственных кулаков-казаков. Отец, как ни странно, поддержал Советское правительство, красный командир, пал героической смертью в неравном бою с бандой махновцев, ага... В тридцать шестом году зачислен в общевоинское училище младших командиров РККА в Ростове-на-Дону. В сороковом году выпущен с отличием и присвоением звания младшего лейтенанта. Командир разведвзвода с апреля сорок первого, Самарская стрелковая дивизия имени товарища Гая. Окончил войну под Бухарестом в июне сорок пятого. Принимал участие в операции по ликвидации бандитского подполья в Одессе, так... Три Красных звезды, орден Красного знамени, медали за... Ранения... Награжден именовым пистолетом системы «Люгер» командующим Вторым Украинским фронтом маршалом... А что же вы, товарищ капитан, оружие-то не применили против наших сотрудников-то?

Сердце глухо бухнуло, когда он представил, что случилось бы с чекистами, если бы «парабеллум» был бы с ним, и то, что могло бы ожидать Машу:

— Дома оставил, товарищ полковник. Говорю же, бандитов много, а у меня Маша одна дома.

Хорунжин посмотрел на него, шевельнув крыльями давно переломанного носа, и перелистнул страницу. Провел пальцем по строкам, остановился:

— Баландина Мария Никитишна, одна тысяча двадцать четвертого года рождения. Врач поселковой больницы, проживает в Подмосковье. Познакомилась с вами в госпитале в сорок третьем, состоит в гражданском браке с вами же. Понятно... Любовь, значит, а, капитан?

Макар не стал отвечать, просто кивнул. Он уже понял, что его привезли сюда, то ли на Лубянку, то ли нет, не зря, а сам его неудавшийся захват был, судя по всему, ошибкой исполнителей. Вот только зачем?

— Зачем я вам, товарищ полковник? — Макар решил не тянуть кота за хвост, сразу задав так волновавший его вопрос. Вряд ли сейчас за это он получит в зубы пресс-папье, стоявшим на широком полковничьем столе. А ясности хотелось.

— Зачем? — Хорунжин внимательно посмотрел на Макара. Открыл дверцу тумбы, находившейся справа от стола, достал портсигар с орлом на крышке и зажигалку, сделанную из патрона. Подвинул к Макару вместе с большой, стеклянной пепельницей, полной окурков из-под «Герцоговины», и посмотрел в дальний угол.

— Я вам скажу зачем, капитан. — Глухо раздалось из угла кабинета. Макар повернул голову в его сторону. Говоривший все так же спокойно сидел, развалившись на тахте и скрываясь в густой, чернильной тени.

— Только скажите мне для начала... — Он наклонился вперед, уставившись на Немальцева внимательными черными глазами. — Когда и как, по вашему мнению, закончилась война?

— 2

Дитрих Нольке, старший техник мехфлоты десантного полка «Бранденбург», внимательно посмотрел на датчик закачки кислорода. Стрелка показывала сто процентов заполнения третьей бортовой камеры.

— Хорошо, парни. Давайте заканчивайте с левым бортом и переходите к запасным воздухохранилищам.

Его подчиненные козырнули, и, развернувшись, отправились к платформе с кислородными баллонами, стоящей на рельсах посередине ангара.

Дитрих отошел в курилку, оборудованную в дальнем углу, достал пачку настоящих, не эрзац сигарет. Закурил, любуясь плавными обводами висевшего перед ним корабля.

Он обожал свою работу. А то, что имея диплом гражданского инженера, ему приходилось носить «фельдграу», Дитриха ни капли не смущало. Какая разница? Служа в рядах вермахта он получил доступ к такому, о чем даже и не мечтал, обучаясь в Нюрнбергском университете.

Да-а-а... Тогда ему и в голову не приходило, что в Германии есть то, с чем сейчас ему приходилось сталкиваться постоянно. Дитрих и сам не заметил, как «заболел» теми механизмами, которые обслуживал.

Если бы машины могли читать и понимать человеческие мысли, то межпланетная ракета-носитель «Фау-Зет», лежащая посередине громады ангара, некогда принадлежавшего графу Цеппелину, была бы очень довольна такой любовью к ней.

— Скоро в путь, моя прелестная фрейляйн. — Нольке улыбнулся олицетворению гения инженеров Великой Арийской расы. — Надеюсь, что я тоже окажусь на твоём борту.

Старт назначен на следующий вторник, вспомнилось ему, через пять дней. Всего ничего, и окутанная языками пламени ракета отправится в путь. Туда, где уже давно оказались несколько ее сестер.

В противоположном углу ангара послышались громкие голоса. Нольке обернулся в ту сторону и невольно поморщился. Дитрих очень не любил тех, кто сейчас направлялся в сторону его «девочки».

Все основные работы, а также охрану проекта «Ковчег» осуществляли, как ни странно, ребята Скорцени. Пусть «Бранденбург» уже давно не был тем специальным

батальонам, которым являлся изначально, но серьезнее, чем его нынешние однополчане, бойцов в Германии не было.

Но люди Гиммлера постоянно крутились вокруг. Парни, затянутые в длинные кожаные плащи, черные мундиры с серебряными вставками и красно-белыми повязками на рукавах, старались все контролировать своими стальными взорами.

Вот и сейчас целая группа офицеров СС, сопровождаемых людьми из роты охраны, двинулась в сторону Дитриха и ракеты. Охрана тщательно окружала три длинных электрокафа, которыми при перевозке тяжестей обычно пользовались техники и рабочие.

Нольке тщательно затушил окурок, придавив его пальцами в обрезанной железной бочке, почти до краев наполненной песком. Если СС-овцы везут какой-то груз для ракеты, то его непосредственная обязанность проверить наличие взрывоопасных веществ, как обычно вступает в силу.

— Хайль! — Дитрих, первым оказавшись у наклонного трапа, ведущего в грузовой отсек, вскинул руку в приветствии.

— Зиг хайль! — Высокий оберштурмбанфюрер, бывший, судя по уверенному поведению, командиром группы, ответил с не меньшим, чем у Дитриха, энтузиазмом. И, конечно, умудрился при этом вложить в само приветствие максимум сарказма и издевки, всегда отличавших отношение ребят Гиммлера ко всем остальным. Включая военных.

— Старший инженер группы подготовки проекта «Ковчег» Дитрих Нольке. Согласно директивам, полученным от моего командования, прошу Вас показать мне груз и предъявить документы, указывающие на его характер и разрешение о доставке на борт «Фау».

— Оберштурмбанфюрер Отто фон Нойстиц. Документы в порядке, герр Нольке. Отойдем на минуту?

Дитрих пожал плечами и отошел в сторону. Нойстиц запустил руку во внутренний карман плаща, достав несколько бланков с красными полосами грифа секретности и печатями обоих ведомств, отвечавших за проект. Протянул их Нольке и, достав из кармана портсигар и не предложив сигарету Дитриху, закурил.

Дитрих, хмыкнув, протянул руку, вырвал сигарету у того изо рта и растоптал ее ботинком. А потом, не дав начинающему багроветь эсесману, даже открыть рот, сказал:

— Правила техники безопасности нужно изучать, герр Нойстиц. Документы у вас в порядке, но мне еще нужно осмотреть груз. Я думаю, что это не вызовет у нас несогласия?

— Нет, — буркнул тот. — Единственное требование — осматриваете только вы. Приказ командования.

— Я уже понял, герр оберштурмбанфюрер. Закатывайте кары в ракету. По одному.

Дитрих неторопливо поднялся на борт «Фау». За ним, позвякивая, в ребристое отверстие распахнутого люка въехал первый кар. Фон Нойстиц, немедленно оказавшийся рядом, сам откинул брезент.

Левый глаз Дитриха чуть заметно дернулся. Такой груз ему уже доводилось видеть, когда со спецопераций привозили лучших ребят «Бранденбурга» и их тела было возможно перевезти только таким образом. Но зачем тут?

Он чуть медленнее, чем делал обычно при осмотре заносимых оборудования и грузов, подошел к массивному металлическому ящику с врезанным в верхнюю крышку стеклянным оконцем и подведенной туда же переплетенной паутине трубок и шлангов, идущих от сложной на вид установки в голове.

Наметанным глазом Нольтке определил баллоны с кислородом и водородом, большую емкость с содержимым явно медицинского назначения. Самый нижний, небольшой баллон зеленоватого цвета с вязью непонятных значков показался ему абсолютно незнакомым. Дитрих наклонился над окошком, подсветив его лучом фонарика, извлеченного из поясной сумки. Вгляделся... и резко отшатнулся:

— О, мой Бог!!! Что это за дерьмо?!!

Фон Нойстиц растянул узкие губы в улыбке:

— А какая вам разница, герр Нольтке? Считайте, что это один из пассажиров нашего ковчега, и всего лишь...

3

Макар сидел на мягком диване с высокой, деревянной, обитой ситцем спинкой. На столе перед ним поднимался пар от крепчайшего чая с лимоном, налитого в стеклянный стакан в подстаканнике с гербом СССР. Открывая пачка «Дуката» была уже наполовину пуста, а в пепельнице окурки превратились в маленький живописный Эверест.

Он смотрел прямо перед собой, в который раз вспоминая то, что сказал ему тот лысый, чьего имени он так и не узнал. Макар прикрыл глаза, возвращаясь к недавно состоявшемуся разговору, результатом которого стало временное оцепенение рассудка.

Сейчас, уже придя в себя, Немальцев постепенно переваривал и осмысливал то, что ему довелось узнать.

Ему было ясно как дважды два, что путей у него теперь всего два: соглашаться на то, что ему предложил в конце разговора полковник или умереть. Сразу либо через весьма короткое время. Во всяком случае, что ему, уже знающему тайну, известную самому узкому кругу людей, спокойно дадут жить дальше, — нет, в это Макару не верилось...

— Только скажите мне для начала... — Лысый наклонился вперед, уставившись на Немальцева внимательными черными глазами. — Когда и как, по вашему мнению, закончилась война?

Макар внимательно смотрел на него, не отвечая и ожидая продолжения вопроса. А тот откинулся назад, чуть помедлил и снова заговорил:

— Начать, товарищ капитан нужно не с того момента, когда никому до этого момента неизвестные сержанты подняли красное знамя над Рейхстагом, а намного, намного ранее...

Исходя из курса по истории развития артиллерии, который читают во всех военных училищах, вы должны знать про исследования калужского ученого Циолковского. О его теории реактивной тяги ракет, которую во время войны блестяще воплотили в гвардейских реактивных минометах БМ-13.

Так вот... Его исследования еще до первой мировой войны привлекали взгляды различных разведывательных служб. И, в частности, внимание генерального штаба армии Германской империи. После того, как к власти в этом государстве пришли фашисты, исследования, начатые еще при дряхлеющем Бисмарке, продолжились. В особенности после того, как Гитлер и его свора начали чистку в самой Германии, уничтожая «ундерменшей», помеченных ими звездой Давида. Тогда в копилку рейха полились все увеличивающиеся изо дня в день золотые ручейки. Ну, а дальше — больше...

Результаты исследований применялись, например, в штатных гранато-метах. Напоминать про фауст-патроны? Появились они именно благодаря той же научной лаборатории, в которой изучали проблемы создания ракет.

В одна тысяча девятьсот тридцать восьмом году, в день рождения Гитлера, были проведены секретные испытания первой ракеты «Фау». Целью послужило старое судно, выведенное на фарватере недалеко от Кеннингсберга. Проведенный запуск не дал положительного результата. Ракета, выпущенная с направляющих, ушла вверх, за пределы стратосферы. Ее остатки обнаружены не были...

А вот теперь, капитан, мы добираемся до самого интересного. Профессор Рольф Аншютц, который руководил проектом «Фау» по программе «Вундер-ваффе» и который должен был быть наказан за столь вопиющий просчет, не был даже смещен со своего поста. Наоборот, он был повышен в должности и получил в полное руководство объект «Зет», находившийся в районе Рура. И с этого момента он практически пропадает из поля зрения нашей агентуры в Германии. Но, тем не менее, практически... Не полностью.

Именно усилия коллектива ученых, подчинявшихся Аншютцу, привели к тому, что вы сейчас находитесь здесь. Да будет вам известно, товарищ капитан Немальцев, что война, которую, напрягая все силы, и физические и моральные, наша страна вела долгие три с половиной года, не закончена. Так как основные ее разжигатели живы и находятся, пока находятся, вне наших возможностей...

Макар достал папиросу, прикурил и отхлебнул остывшего чая, губами отодвинув ломтик лимона. Потом аккуратно поставил тяжелый из-за массивного подстаканника, стакан на стол:

— Как же так? Как они могут быть живы и находиться где-то, если, к примеру, Гитлер покончил с собой самоубийством!!! Или... ложный след? Но смысл?!!

Полковник Хорунжин, все это время молчавший, со стуком выбил трубку, извлеченную им из ящика стола, и принялся набивать ее табаком из пачки «Герцоговины». Раскурил, окутавшись плотными дымными клубами, и после этого прервал молчание, воцарившееся в его кабинете:

— Да вот так, капитан. Смысл, говорите? А как обычно — реванш. Это так в духе немцев, реваншировать. Франция поплатилась за Седан тем, что

была занята полностью. И теперь самый важный вопрос — как не дать возможность фашистам опять взять реванш. Как достать их и уничтожить до конца. Понимаете?

— Так точно, товарищ полковник. — Макар затушил папиросу. — А вот только зачем вы мне все это рассказываете, а?

— А вот это, капитан, очень важно... — Лысый, за время разговора так и не сменивший позы, в которой сидел, рукой отогнал от себя дым. — Вы, полагаю, не будете против, если я продолжу и объясню вам, почему и для чего мы тратим на вас свое время? Нет? Отлично, тогда внимательно слушайте дальше:

— ...Не только мы здесь сразу заподозрили что-то неладное. Из-за войны, конечно, наша агентура по миру работает не так хорошо, как до нее. Но, тем не менее...

То, что экспедиция одного из флотов Соединенных Штатов Америки в Антарктиду будет осуществлена сразу по подписании акта о полной и безоговорочной капитуляции фашистской Германии, мы знали заранее. О ее результатах нам также стало известно очень быстро. Несколько потопленных неизвестного типа летательными аппаратами американских военных судов. Первая неудавшаяся попытка высадки десанта, за которой последовала вторая. Куда как более удачная.

Были захвачены и полностью уничтожены две базы нацистов. Американцам удалось получить в свое пользование те самые аппараты, которые настолько успешно атаковали их суда. Но это не главное.

Все то, что янки обнаружили в Антарктике, не является новостью для нашего руководства. И сами дисколеты фирмы Фокке-Вульфа, и их проекты имеются в Советском Союзе давно. А американцы не поняли, что им скормили заранее подготовленную фальшивку. Сейчас, пыжась от ощущения собственной крутости, они пытаются вытрясти из найденного оборудования максимум, не зная, что наши инженерные «шараги» уже давно это сделали.

Руководство нацистов, большая часть золотого запаса Германии, лучшие умы и научные кадры давно спрятаны так надежно, что янки еще долго не догадаются об этом. И мы должны сделать так, что если они и догадаются, то не смогут никак этим воспользоваться. И самое главное — используя то, что знаем мы, нужно сделать так, чтобы фашисты никогда не смогли вернуться. Чтобы нанести неожиданный и подготовленный удар...

Лысый опять замолчал. Макар сидел, старательно переваривая в голове все, что услышал, все более и более понимая и убеждаясь в том, что мирная жизнь для него закончилась.

— Когда вы, капитан, еще под стол пешком ходили, в Ленинграде, тогда еще Петрограде, кое-что произошло. Гениальный русский инженер, один из учеников великого Циолковского, смог создать летательный аппарат, позволивший ему с напарником, естественно, человеком из тогдашней ВЧК, совершить одну экспедицию.

Пока повторить его успех у нас не получается. Во время возвращения он слегка повредился рассудком и попытался уничтожить свои записи. Ученый-идеалист, не понимающий всего великого смысла своей работы. Чекисту удалось спасти часть записей. К сожалению, ценой жизни этого гениального человека.

Для того чтобы данная история не стала открытой для всех, правительством РСФСР была произведена колоссальная работа. В свет даже вышла книга-сказка, в которой «наш» писатель, из бывших аристократов, рассказал о том, как двое наших с вами сограждан предприняли попытку революции на одной, отдельно взятой планете Солнечной системы. Понимаете, Немальцев?

Макар, внимательно слушающий лысого, согласно кивнул:

— Извините, товарищ, не знаю вашего звания и должности, я прекрасно понял, о какой книге вы говорите. Вот только — не верится мне. И сижу я вроде в очень серьезном учреждении, в компании целого полковника госбезопасности, но тем не менее... Еще раз спрошу о том, какое я имею к этому, если это правда, отношение? И где мне придется работать, раз уж придется?..

Хорунжин, судя по всему, наконец-то решивший тоже заговорить, повернулся к нему:

— Работать вам, Немальцев, придется. Почему? Хм... Помните анализы, которые у вас брали во время последнего медицинского осмотра? Да, да. Именно из-за них. У нас нет того времени, которое было у немцев на подготовку к той экспедиции, в которой именно вы, товарищ капитан, будете командовать десантной группой. У нас с вами будет всего несколько месяцев, и тут нам потребуются те свойства вашего организма, о которых вы сами не имеете пока никакого понятия...

А где именно вам придется работать? Вы мне не поверите, сначала естественно, но потом привыкнете с этим. Работать вам, Макар, придется не где-нибудь, а именно на Марсе... Именно там.

-3

— Говори, живо!!! — Удар по левой щеке привел Дитриха в себя. Он сплюнул красной слюной на пол, пытаясь понять, кто же перед ним.

Высокий офицер СС. Худощавое, чуть вытянутое лицо с породистым, украшенным небольшой горбинкой носом. Тот самый, так нелюбимый Дитрихом Нольтке черный мундир. Внимательные серые глаза. Но где он и как здесь оказался?

Гудевшая голова медленно разворачивала замедленную кинохронику: вот он, Дитрих, сменившись с дежурства, спускается на свой уровень бункера. Открывает дверь, ведущую в «предбанник» между техническим этажом и секциями инженерного состава. И все... Темнота.

— Будешь молчать? — Эсесовец внимательно посмотрел на Дитриха. — Ты меня слышишь?

— *Слышу, герр штурмбанфюрер.* — Нальтке узнал «черного». Он был с тем задавакой-аристократишкой, фон-как-его-там, который вчера поднял на борт его «девочки» три контейнера с той гадостью... — Почему я здесь? Что сделал?! Где мой командир?

Штурмбанфюрер резко прикрыл рот начавшему поднимать голос инженеру и спокойно ткнул того в район левой стороны груди двумя пальцами. Дитриха согнуло пополам от нахлынувшей боли.

— Будешь так громко говорить — сверну шею. — Спокойно проинформировал эсесман. — Ответишь на вопросы, и полностью свободен. Все понял?

— Да, господи, да!!! — Дитрих поднял на него глаза, с навернувшимися после удара слезами. — Но зачем бить?! Что мне вам сказать?

— Когда старт ракеты? Кто основные пассажиры? И что было в качестве груза, который был доставлен фон Нойстицем? — Офицер чуть наклонил голову в сторону, внимательно наблюдая за Дитрихом. — И лучше не ври.

— Старт в... — Дитрих замолчал, наконец-то поняв, где он находится.

Один из переходов между ярусами второго технического этажа. Низкий бетонный потолок. Капли конденсата, бегущие по стенам от труб. Пучки толстых кабелей в изоляционной оплетке. Место, в которое дежурный техник заходит всего два раза за сутки, так как здесь просто не может произойти ничего случайного. Но почему эсэсовец затащил его сюда? А может?! Дитрих уставился на «черного»:

— Кто вы?

— Догадался? — Эсэсовец хмыкнул. — Ну да, шпион. И мне нужны данные, которые есть только у тебя. Извини, но к командиру базы и его заместителю добраться не смогу. Так что у меня есть только ты. Советую ответить. Сам понимаешь, время у меня есть. И ты можешь умереть быстро и безболезненно, а можешь умирать достаточно долго. И страшно.

Дитрих молчал. Он уже понял, что живым ему отсюда не выбраться. Кто такой сидевший перед ним офицер, было уже без разницы. Это не какая-то очередная проверка СД, так как Нальтке прошел все степени посвящения в государственные секреты, связанные с проектом «Ковчег». И сейчас ему самому выбирать, что его ждет впереди. Но...

— Меня будут искать. И выбраться вам отсюда не удачи...

— Ты уверен, Дитрих? — «Штурмбанфюрер» улыбнулся. — Ты ведь оставил своему сменнику записку о том, что тебе просто необходимо выпасться. И ближайшие часов шесть никто к тебе в комнату не сунется. Ведь у тебя, лучшего инженера, все работает как часы, без сбоев и отставаний. К чему тебя кому-то будить? А по поводу того, чтобы выбраться... Я попробую. И тебя это волновать точно не должно. Будешь говорить? Нет? Ну, как хочешь.

Дитриху, лежащему на полу, и связанному по рукам и ногам, было не видно, что тот делает. Что-то звякнуло. Потом раздался хрустящий звук, который бывает когда ломается стекло от ампул. В спертом воздухе помещения разнесся резкий медицинский запах.

Через штанину Дитриха что-то укололо. Через минуту в висках резко застучало, и он с ужасом понял, что «эсэсовец» начинает двоиться, и его галосу, который

*колоколом раздавался в голове Нальтке, нет никакой возможности сопротивляться. Дитрих услышал вопрос, почувствовал, как шевельнулись его собственные, разом пере-
сохшие губы и язык, и он начал говорить...*

*Внедренный советский агент, только что свернувший шею бывшему старшему
технику полка «Бранденбург», бежал по одному из коридоров. Нужно было добрать-
ся до канализационного коллектора, находившегося впереди. Нужно было успеть...
Экономично вдыхая и выдыхая, он стремился вперед, понимая, что не сможет спра-
виться с теми, кто его преследовал.*

*Далеко позади, высекая бетонную крошку с полов, вслед ему неслись массивные,
с красными огоньками глаз, смазанные тени в длинных плащах, с громоздкими, круп-
нокалиберными автоматами в руках. Специальные дыхательные маски на лицах,
с гофрированными хоботами шлангов, тянувшимися откуда-то из-за плеч, не выдава-
ли наружу ничего. Лишь изредка приоткрывался резиновый клапан, выпуская наружу
свистящий клубок зеленоватого газа.*

4

— Ну что, какая готовность? — Полковник Хорунжин торопливо влетел в кабинет главного конструктора. Обычная невозмутимость была отброшена им в сторону.

— Стопроцентная, товарищ полковник. — Конструктор неторопливо откусил бутерброд с сырокопченой колбасой, наслаждаясь забытым вкусом, которого так не хватало в лагере. Он мог себе позволить такое поведение в присутствии этого чекиста, ведь готовность действительно была стопроцентной.

— Головой отвечаете, товарищ главный конструктор, помните? — Хорунжин присел в продавленное кресло, обтянутое беспечным цветастым сатином. — САМ будет на запуске, понимаете?

— Понимаю... — Конструктор отхлебнул чая, настоящего цейлонского, с тем ароматом, что будет непонятен тому, у кого он есть постоянно. Зажмурился, наслаждаясь его сладостью. Боже ты мой, Боже ты мой, как же оно до сих пор ощущается... просто вкус жизни, с каждым глотком вот этого чая, со свежим хлебом, чью корку вновь поставленные коронки спокойно разгрызают, и не боишься каждого дня. И ведь всего семь месяцев (нет-нет, ЦЕЛЫХ семь месяцев) прошло с того момента, когда он, отупевший, свернувшийся в клубок на диване вагона СВ поезда «Иркутск-Москва», не верил в происходящее.

В то, что больше не будет побудки и подъема. Не будет пронизывающего насквозь ледяного ветра на лесоповале. В то, что он не услышит разрывающий легкие кашель соседа по нарам. Не придется курить на троих окурков, брошенный конвоиром. Есть то, что он постеснялся бы дать свиньям у брата в деревне.

Все позади, и за прошедшие семь месяцев он сделал то, что до него удалось в Союзе только одному человеку. Он, главный конструктор, смог

восстановить записи, повторить и улучшить все, что было достигнуто в двадцатые гением никому сейчас неизвестного инженера. И все это всего лишь в какие-то двести десять дней.

Результат работы сейчас высился в степи в пределах видимости. Остроносая и пузатая ракета гордо стояла на направляющих, устремляясь вверх. Даже отсюда были видны громадные серп и молот, нанесенные на ее борт.

Конструктор не боялся того, что она упадет на территории сопредельных и недружественных государств. Расчеты доказывали: она пройдет через тысячи километров и достигнет цели. Он был уверен в успехе. И ему было наплевать на то, что на пуск прилетит сам Таракан, отправивший сотни таких, как он, инженеров, в ГУЛАГ. Ракета полетит, он знал это...

— А состояние тех, кто полетит? — Хорунжин перебил его довольные мысли.

— Вроде бы неплохо. Я же за это не отвечаю, товарищ полковник. Сами у меня забрали полномочия отслеживать их состояние. Забыли разве?

— Ну да... — смутить Хорунжина явно не удалось. — А проявить инициативу? Если что не так, то смотрите мне, товарищ главный конструктор. Наплачетесь тогда у меня.

— Как скажете. Может быть, тогда пройдем в их корпус и посмотрим?..

Спустившись по лестнице до лифта и предъявив двум строгим парням в синих галифе и красных погонах пропуска, они поехали вниз. Спустившись до уровня шестого бункерного этажа, лифт остановился.

Отъехавшая в сторону решетка открыла стальную дверь с глазком. Их внимательно изучили через танковый триплекс, после чего, естественно, пропустили.

Длинный коридор с белым кафелем на полу и полированными мраморными досками на стенах. Двери по его боковинам, установленные в шахматном порядке. Мягкий свет матовых светильников. Прохладный воздух, прогоняемый системой вентиляции. Охранники в «фельдграу» и с автоматами МП-44. Красные флаги с черной свастикой и орлом. В угловой нише — портрет Гитлера в полный рост.

Этот блок, также как и еще несколько других, полностью копировал то, что удалось извлечь агентам разведки еще в годы войны. Все, что касалось базы «Вальхалла-зеро» на Марсе.

Именно здесь сотрудники специальной группы капитана Немальцева проходили курс тренировок, входящий в программу подготовки к экспедиции.

Хорунжин довольно осмотрел собственное хозяйство и остался им полностью доволен. Наверняка САМ захочет спуститься сюда, и это лишний раз докажет Усачу то, что он, полковник Хорунжин, пши лаптем не хлебает. И тогда... Полковник внутренне улыбнулся.

Кремлевский хозяин не любит показухи. Ему подавай результат. Но здесь, в ведомстве Хорунжина, результат непосредственно связан с тем, что нужно выставлять напоказ. А уж показать усатому будет чего...

Пройдя через большую звуконепроницаемую дверь, полковник с конструктором оказались в большом и высоком зале, с собранными прямо в нем полноразмерными макетами укреплений, странно выглядевших небольших зданий и боевой техники. В нем грохотали выстрелы.

Группа из двадцати пяти — тридцати мужчин, увешанных оружием, в защитной экипировке, похожей на ту, что использовали штурмовые группы, тренировалась в стрельбе.

В глаза Хорунжину бросился громадный, на две головы выше своих далеко немаленьких коллег, белоголовый детина. Уверенно держа в руках новый, неизвестный еще в войсках пулемет с диском, присоединяющимся снизу, он поливал из него очередями, вода стволом так, как будто в руках у него был всего-навсего пистолет. «Хороша подготовка у ребят, — мелькнула мысль, — таких бы тогда, в войну, эх...»

В стороне, за пуленепробиваемым экраном стояли двое: Макар Немальцев и худощавый мужчина, лет пятидесяти пяти, в белом халате, золотистом пенсне на носу и с аккуратной, клинышком, седоватой бородкой.

— Здравствуйте, Макар. Добрый день, Аркадий Львович, — поприветствовал их, подходя ближе, Хорунжин.

— Здравствуйте, батенька. — Белохалатный, не отводя глаз от стрелков, кивнул и что-то стал чиркать в большой тетради, которую держал навесу.

— Здравия желаю, товарищ полковник, — буркнул Макар, не глядя на подошедших к ним гостей.

Хорунжин улыбнулся, заговорщицки подмигнул нахмурившемуся конструктору, запустил руку в большой кожаный портфель, пристегнутый к его левому запястью наручниками, и извлек оттуда простенький почтовый конверт:

— Танцевать будешь, вечно недовольный капитан? — и протянул письмо разом повеселевшему Макару. — Как успехи в подготовке?

Немальцев ткнул пальцем в сторону мужчины в пенсне и стал чуть отходить в сторону. Но, передумав, остановился. Из стопки стальных касок, аккуратно стоявшей у стены, достал одну, бросил на пол. Не глядя, поднял ногу и резко опустил вниз. С громким скрежетом металл разом согнулся, превратившись из боевого шлема в лепешку. Хорунжин удовлетворительно кивнул головой, поворачиваясь к пишущему в тетради бородатому обладателю пенсне.

— Что скажете, профессор? Какова форма наших ребят?

— Гм... — тот каплянул в кулак и повернулся, наконец, к полковнику. — Успехи физиологические-то замечательные. Вон он, результат формы и... э-э-э... лишнего хвастовства и мальчишества, лежит у вас под ногами. Макар, что вас заставляет так уродовать инвентарь, а?

Капитан ничего не ответил, полностью занятый чтением.

— Ясно... — Хорунжин нахмурился. — Выкладывайте, профессор, что тут у вас не так?

— Как вам сказать, голубчик, — белохалатный снял пенсне, автоматически протер его и водрузил обратно на нос. — Беспокоит меня их морально-нравственная сторона. Ведь уровень адреналина у наших... коллег на чрезвычайно высоком уровне. Если изволите, то все результаты по последним данным у меня в лаборатории. И я вам могу абсолютно ясно продемонстрировать, что уровень агрессии у них...э-э-э... повыше, чем у стандартного военного. И, как следствие этого, возможен выплеск этой самой агрессии. Абсолютно неконтролируемый и...

— Да полноте вам, Аркадий Львович, — Хорунжин умоляющим жестом свел вместе ладони. — Ну что вы, право слово... Это на самом деле настолько серьезно?

— Ну, по правде сказать, это может и не произойти... — Профессор покрутил в руке толстый химический двухцветный карандаш. — На данный момент я регулярно ввожу каждому из них сыворотку, которая подавляет излишний уровень адреналина в крови. Но в дальнейшем...

— И в дальнейшем все будет так же хорошо, профессор! — Хорунжин нахмурил густые, сросшиеся брови. — Я могу вам напомнить, что регулирование всех необходимых физических параметров этих бойцов есть основная цель, поставленная перед вами лично товарищем Сталиным. Вы понимаете?!!

— Да, да, да... но... — Профессор явно ощущал себя неуверенно, но, тем не менее, продолжал отстаивать свою точку зрения.

— Никаких «но»! — Хорунжин повысил голос. — Как идет подготовка по программе полетов у бойцов и ваших сотрудников?

— Хорошо идет, — конструктор, все это время стоявший в стороне, решил вмешаться. — За данной частью подготовки я все-таки стараюсь наблюдать сам. Аркадию Львовичу хватает его медицины. Вся подобранная группа прекрасно соответствует выдвинутым требованиям, товарищ Хорунжин.

— Да? Ну и замечательно, — полковник улыбнулся. — Мака, дочитал?

— Да.

— Отлично. Полет назначен на это воскресенье. Так что готовь ребят.

— Есть готовить, товарищ полковник госбезопасности...

4

В небе над Берлином постоянно грохотало. Небо было задернуто густыми облаками, созданными дымом и пылью, вперемежку с битой крошкой от зданий.

Медленно, но верно, силой ломая последние рубежи обороны, входили в столицу советские войска.

Аккуратно вкатывались на некогда чистенькие берлинские улочки танки с красными звездами на башнях, настороженно поводя по сторонам хоботами орудий. Вжимаясь в стены, укрываясь за поваленными деревьями и телефонными будками, черными остовами автомобилей и бронетехники, шла пехота.

Армия, прошедшая ногами полмира, разбитая и поднявшаяся с колен, несшая в сердцах слезы и злость, занимала город, который когда-то уже брали их далекие предки, надававшие пинков под зад заносчивому пруссаку Фридриху, прозванному Великим.

Они шли вперед, с боями прорываясь к сердцу германской столицы, двигаясь туда, где, как обложенные в берлогах медведи, их ждали те, кто принес огонь на земли их родины.

Но в рейхсканцелярии уже не было того, чей профиль знал каждый советский солдат. И там не было высокого, с тремя подбородками пузана в белом мундире. Оттуда давно скрылся похожий на крысу карлик в больших очках. Но солдаты не знали этого, они просто шли вперед, надеясь как можно скорее завершить эту проклятую, до коллик в животе осточертевшую суку-войну.

И лишь в Москве, за высокими красными стенами Кремля в беззвучной злобе рисовал на бумаге чертиков невысокий человек с густыми, прокуренными усами. Он знал все то, что было недоступно командирам, бросавшим своих людей на штурм.

Знал и ничего сейчас не мог сделать.

И именно тогда, когда в наконец-то очистившемся небе над Берлином ветер рвал красный флаг, Он поднял трубку телефона экстренной правительственной связи:

— Вызвать ко мне ...

5

Багровое солнце наплывало на иллюминатор. Макар, последним заходивший в камеру, в которой он должен был проспать до самого окончания полета, смотрел на него, стараясь не щуриться.

Было тихо, сказочно тихо. Давно ушла назад голубая точка Земли. Осталась далеко позади Луна, оказавшаяся такой красивой. И где-то там, впереди, отсвечивала алым планета, бывшая конечной точкой их маршрута.

— До свидания, Маппа. — Он тихо шепнул себе это под нос, забираясь в камеру...

ОЛЕГ МАКАРОВСКИЙ

ЗА ЦАРЯ И ВОЛЮ

Тяжелый четырехмоторный ИМ-VII казался грозной машиной любому, кто не знал, что собран он в основном из клееной фанеры. Пилоты немецких истребителей, похоже, знали это отлично, поэтому их ничуть не смутил огонь зенитных пулеметов «Ильи Муромца Седьмого». Тут надо сказать, что истребители все-таки противника недооценили. Дюжина пулеметов — это дюжина пулеметов, особенно когда стрелки хорошие, и обломки двух «мессершмитов» украсили собой мало-российский пейзаж еще до того, как простреленная вдоль и поперек туша ИМ тяжело упала в лес. Упала, но не взорвалась. Бомб на борту не было, а горючки оставалось — кот заплакал.

Огромный самолет, один из последних дальних бомбардировщиков, остававшихся у главковерха на киевском направлении, вез специального и полномочного представителя Ставки генерала Деникина. Официально — дабы поддержать боевой дух окруженных войск, а на самом деле — для смещения с должности совсем зарвавшегося и, по слухам, расстрелявшего уже половину собственного штаба генерала Тухачевского. Собственно, даже в этом особом смысле теперь не было: при данных обстоятельствах никто бы не смог спасти положение, но Деникин был личным другом Государя Алексея и перечить ему не стали. Не пожалели даже последней «Семерки».

Про себя Деникин думал: не пожалели потому, что уж очень хотели, чтобы «этот старый пердун» убрался со своими советами куда подальше...

Когда генерал открыл глаза, он увидел над собой качающуюся зеленую листву. Еще через некоторое время понял: его несут на носилках по лесу.

— Похоже, свои... — это было последним, что он успел подумать, прежде чем снова потерял сознание.

Второй раз он очнулся на уже привале, у костра. Вокруг сидели солдаты и офицеры. Кое на ком из них была форма без погон и красные звезды вместо русских кокард. Увидев, что генерал приподнял голову, к нему подошел человек в кожаной куртке и фуражке с красной звездой.

— Георгий Жуков. Командир партизанского отряда имени товарища Троцкого.

«Значит, все-таки в плену», — подумал Деникин. И сказал, собрав волю в кулак, чтобы голос не дрогнул:

— С предателями Отечества не здороваюсь.

Командир рассмеялся.

— Ага, ваши летчики тоже вон в позу стали. Один даже за наган хвататься попробовал — Жуков указал на сидевшего с другой стороны костра офицера с перевязанной рукой.

— Успокойтесь, вашбродь, мы с русскими не воюем. Даже наоборот. Наши с вашими договорились, царь амнистию всем выдал... РВС тоже директиву прислал: мол, за невозможностью сейчас заниматься пропагандой среди несознательного немецкого пролетариата, придется этих пролетариев пока пострелять малость, чтобы разум у них проснулся. А вы меня не помните, вашбродь?

Жуков широко улыбнулся. Деникин напрягся, пытаясь вспомнить — но безрезультатно.

— Ясно, куда уж вам всех унтеров в памяти держать... А ведь вы меня от петли спасли в 1918-м, в Москве... Сказали, что, поскольку это, дескать, был толковый унтер-офицер, то вешать его не следует, лучше шомполами и в холодную, а там, глядишь, разум у него проснется и Отечеству еще послужит. Если выживет, конечно...

Деникин снова напряг память, но и теперь не смог вспомнить Жукова. Хотя Москву 1918-го он помнил хорошо.

...В ноябре-декабре 1917-го Петербург, стараниями Корнилова с Крымовым, уже успокоился. Учредительное собрание, как и следовало ожидать, расклада февраля 1917 не изменило, и Михаил Романов так и остался регентом при малолетнем царевиче Алексее. Николай Романов тогда уже давно жил в монастыре. Впрочем, вот об этом тогда еще никто толком не знал: царь ушел, никому, кроме семьи, не сказав, куда, а семья хранила тайну. Весной министры Временного правительства разными путями пытались выведать его местонахождение, но не получилось. А армия только тумана подпускала: постоянно начинали курсировать слухи, что бывший император инкогнито посетил то гвардию, то крымских матросов, а то и Кронштадт...

Деникин точно знал, что никто и никого не посещал: генералы, сговорившись, сами организовывали эти «визиты инкогнито», чтобы поддержать моральный дух в войсках, да и министров особо ретивых приструнить. Боялись министры, что этот «инкогнито» в любой момент может войти в Петербург во главе гвардии. Особенно тогда остерегались Синод обижать. Даже когда восстановили патриархат, и ставший патриархом митрополит Антоний объявил о разграничении власти церковной и государственной... Да, в ту пору даже это проглотили. Правда, потом еще было отступление на Украине, когда стоявшая без движения германская армия вдруг рванулась вперед двумя клиньями и окружила ту все еще неорганизованную массу, что некогда была армией российской. Фронт удалось стабилизировать только под Курском — и то, честно говоря, лишь потому, что на западе Германия

уже проигрывала войну, а стало быть, все была готова отдать за перемирие на востоке, хоть и пыжилась, демонстрировала силу. Вот тогда, весной 1918-го, и вспыхнул мятеж московских полков, которые Ставка лихорадочно пыталась перебросить под Харьков. Им удалось захватить Кремль и держать его почти неделю, умело отражая все атаки. Применить артиллерию Деникину тогда Патриарх благословения не дал (в тех обстоятельствах это означало — запретил), да и повесить разрешил потом лишь каждого десятого. Сам Деникин, несмотря на тяжелые потери и ненависть к предателям, тоже сумел опомниться, даже самолично спас нескольких молодых красных унтеров, попавших в виселичные десять процентов. Не хотелось губить военный талант людей, так толково организовавших оборону.

Выходит, и этот Жуков был среди них...

— Ну, не узнали — и ладно. Мы вообще-то и потом виделись, но этого вы уж точно не припомните.

— Это где же? — генерал потихоньку осваивался в новой обстановке.

— Да когда Перемышль брали, в сентябре 1939-го. Я тогда в саперной команде был. Мы как раз мост поставили, а вы, вашбродь, изволили на белом коне по нему торжественно: со свитой и с музыкой, значит! — Жуков снова заулыбался.

Перемышль Деникин помнил, как будто дело было вчера. Это были хорошие дни, таких в жизни старого генерала случалось немного.

...Тогда поляки дрогнули и все-таки пустили русские войска на свою территорию, почти не оказывая им сопротивления. А там и немцы, столкнувшись с новыми русскими танками, стали неожиданно быстро отступать. Перемышль взяли с ходу, захватив даже немецкий обоз. В городе устроили праздник. Даже обласканный властью Зворыкин приехал, чтобы транслировать картинки взятого Перемышля по своему радиовизору прямо во дворец.

Это потом уже узнали, что только нажим англичан заставил польское правительство перед самой эвакуацией открыть границу на востоке.

— А затем началась, как говорят наши западные союзники, «странная война»... — последние слова Деникин произнес вслух.

— У нас по-другому говорят, но это не для благородных ушей, — хмыкнул Жуков.

— Да? А я-то думал, что это господа большевики не хотели воевать с «братьями по классу!» — Генерал даже не пытался скрывать сарказм.

— Ну, не без этого, конечно. Однако в 1939-м вы нас не сильно спрашивали... Или, скажете, не так?

— Если я не в плену, то прошу вернуть мне оружие, — Деникин не стал вступать в полемику с самозванным командиром каких-то там партизан. — Кроме того, я хочу видеть кого-нибудь из старших офицеров.

— Оружие — это пожалуйста, — Жуков спокойно извлек непонятно откуда потертый «наган». Хитро подмигнул: — Вы уж извините,

вашбродь, пока вас обыскивали, ваша драгоценная пистоля куда-то сама собой подевалась... А вот со старшими офицерами у нас напряженка. Был один, аж генерал от инфантерии, но он подговорил десяток ваших офицеров, и они с неделю назад слиняли из отряда. Так что не знаю, кого вам и предложить... Зато у нас есть батюшка — да не простой, целый архиерей! Подойдет?

Батюшка (его в отряде так и звали) действительно оказался архиереем, киевским митрополитом. Несколько следующих дней он провел рядом с носилками Деникина, отлучаясь лишь по богослужебным делам. Вначале Деникин все больше спрашивал его о положении на фронтах и ситуации в отряде, но потом перестал: информация с фронтов приходила самая противоречивая, тут митрополиту было не разобраться. Немецкие радиостанции в восторженных тонах говорили о еще июльском взятии Петербурга, более того, по их сообщениям, тогда же на пути в Москву был перехвачен царский поезд, а молодой царь попал в плен; русские же станции передавали, что Государь Император Алексей III все еще пребывает в осажденном Петербурге, руководя героической обороной столицы — и при этом выступает перед всей страной посредством радиовизора Зворыкина. Последнее проверке не поддавалось: этих самых радиовизоров в России и до войны-то было всего пара десятков, вдобавок работали они только возле транслирующих станций, конх имелось всего две — в Петербурге и Москве. Но Деникин знал, что в плен царя захватить никак не могли, равно как и не мог он руководить оттуда героической обороной, по той простой причине что в столице его давно не было. Ставка и царская семья еще в июне тайно эвакуировались в Москву. Однако если окруженный уже в конце июля Петербург действительно пал, то эта потеря должна была больно ударить по и без того беспокойной России...

Генерал украдкой оглядывался по сторонам, сжимая под плащ-палаткой револьвер. Он почти не сомневался: большевики, поняв, что у российской армии дела совсем плохи, вот-вот начнут снова, как в 1917-м, резать офицеров и сдавать города немцам. Однако обстановка в отряде была спокойная и постепенно Деникин перестал жечь глазами каждого проходящего мимо солдата с красной звездой на фуражке. Так что каждодневные разговоры с батюшкой теперь в основном свелись к делам давно минувшим.

Батюшка как-то обмолвился, что его отец был лишен сана еще в начале февраля 1917-го: за дружество с Распутиным. Деникин о тех событиях и сам знал не понаслышке, так что вскоре сумел разговорить собеседника, даром, что тот вначале не хотел вспоминать былое.

— Антоний-то — тогда еще митрополит, а не патриарх, — великим человеком он был. Родителя моего, конечно, расстриг он, может, и зря, только на все воля Божья, а вот за Россию и вправду болел душой. Я ведь знаю, как это было. Мал тогда был, но разговоры дома помню. Совсем думцы хотели Государя отстранить, чтобы раз! — и отрубить голову

российской монархии. Не в сентябре, когда они республику провозгласили. Тогда в феврале-то основные дела делались! Мало кто знает. А ведь стучал тогда Антоний кулаком по столу в царевом кабинете и «гражданином Романовым» обзывал. Упрекал Самодержца за то, что, помогая вырвать корни распутинщины в церкви, отказывается от помощи церкви в выдирании этих корней в Думе. И пал после слов этих обидных Николай на колени...

Архиерей на полуслове замолчал, сообразив, что сболтнул лишнее.

— Правда ваша, — кивнул Деникин. — Почти так дело и было. Помог ему тогда Патриарх правильный акт об отречении написать, в пользу цесаревича Алексея, до совершеннолетия под охраной Великого Князя Михаила. И спрятаться в монастыре тоже помог. Вот только стоило ли стараться, раз с Михаилом у Антония сразу не заладилось?! Ясно же было, что тот не захочет послушаться воли брата, настоит, чтобы акт Николая стал законом только после Учредительного собрания. Тут уже и Антоний ничего не смог сделать, выторговал только две строчки в указе Михаила...

— Это вы о том, что вмешается Великий Князь, если жизнь цесаревича или сама церковь православная будут в смертельной опасности? Не так уж мало и выторговал! Церковь под охраной строчек этих свое слово сказала, поддержала народ и армию в трудную минуту! А в сентябре, когда временное правительство наплевало на царский указ и объявило Российскую Республику без всякого Учредительного собрания, помните, кто к солдатам пошел? Антоний лично тогда обошел десятки частей...

— Получил, в конце концов, пулю в легкое...

— А что ж, и получил. Да вот разве без этого ваши-то, Корнилов с Крымовым, взяли бы город почти без стрельбы?!

— Петербург они, конечно взяли. А вот остальную Россию...

— А крестный ход к Великому Князю с депутатами Учредительного собрания? Ведь даже некоторые большевики пошли! И кто, скажете, Великого Князя все время поддерживал, чтобы он еще раз не отрекся когда ему второй раз власть передали? Нет уж, и не спорьте, сын мой, Антоний действительно был святой, вот только пожил мало!

— Все мы там будем, святой отец. И, похоже, скоро...

Следующие две недели отряд с боями прорывался на восток. Жуков показал себя отличным командиром: операции ему удавались самые дерзкие, а, с точки зрения Деникина, так и попросту немислимые. Похоже, отсутствие военного образования компенсировалось у бывшего унтера природной смекалкой и врожденным талантом. Пару раз Деникин даже поймал себя на мысли, что прикидывает, как бы по выходу из окружения оформить этого самородка (как его по имени-то — Георгий?) к себе в генштаб.

Отряд имени товарища Троцкого пополнялся окруженцами. Многие из них открыто носили красные звезды или ленты. Из радиосообщений Деникин знал, что теперь это не возбранялось даже в действующей

российской армии. Передатчика в отряде не было, имелся только приемник, по которому Деникин как-то раз узнал о своей собственной судьбе: оказывается, он геройски погиб, командуя обороной Киева.

Радио удавалось слушать вечером и ночью. А днем были леса, гул моторов и непрерывный лязг стальных гусениц. Это ползли непрерывной чередой немецкие танки. Тысячи и тысячи танков. Генерал давно уже бросил их считать.

Шагая вместе с солдатами, он вспоминал, как позапрошлой осенью расхваливал императорские бронесилы в «Петербургских Ведомостях». И что самое обидное — нигде не наврал! Действительно: и качественно, и количественно русские бронесилы превосходили Англию, основательницу танкового оружия, вместе с Францией, склонной считать, что у нее наиболее боеспособная армия в Европе, не говоря уже про всякие там Америки.

А Германия... Что Германия, если у немцев по договорам до 1935 года танков не было, да и не могло быть! Кто же будет равняться на проигравших?

Министерство обороны внимательно следило за развитием русского бронедела, защищая его от постоянных нападков «конных» генералов. Деникин, правда, тоже несколько раз указывал министру, что один танк стоит армии больше, чем сотня отличных кавалерийских скакунов, посему строить их надо осторожно, не нанося ущерба другим родам войск. Но деникинское «осторожно» не означало «мало» и тем более «плохо». Тяжелый «Святогор» по всем параметрам превосходил свои прототипы, выпускаемые французским «Рено», а средний «Цесаревич» в российских условиях эксплуатации с запасом побеждал английскую «Матильду», с которой он, собственно, и начался. А уж с «Алешей Поповичем», он же «Русский Кристи», американский «Кристи» и равняться не мог...

Генерала не раз попрекали тем, что, его стараниями, в конкурсах принимали участие не только крупные компании, но и всяческие левши-индивидуалисты. Конечно, ничего годящегося для серийного выпуска они предложить не могли, зато не позволяли крупным заводчикам заламывать совсем уж астрономические цены. Деникин вдруг усмехнулся, вспомнив, как криво сваренный средний танк некой артели Кошкина неожиданно победил по проходимости и бронепробиваемости последнюю модель «Цесаревича». Кошкина этого, конечно, тут же переманил к себе «Русский Рено» — и, похоже, зря: он ведь так и забросил свои странные идеи, полностью уйдя в работу по улучшению трансмиссии «Святогоров». Если бы денег этому Кошкину тогда найти, чтобы рекламу машине сделать, чиновников подмазать... Вот и с путиловскими танками не заладилось: всех подмял «Русский Кристи». Главное, «Кристи» этих у нас должно сейчас быть не менее двух тысяч штук (точнее, *должно было быть* столько, еще в июне — поправил сам себя Деникин), а «Цесаревичей» с тысячу, да еще и «Святогоров» сотни четыре... И что же?!

«Поповичи», брошенные по причине поломок или подбитые, попадались партизанам довольно часто. А вот «Цесаревичей» они почти не видели, да и «Святогор» встретили всего один, пускай даже в окружении нескольких подбитых немцев...

Постепенно Деникин привык к Жукову. Старого генерала даже перестало коробить, что бывший унтер в шутку называет его своим комиссаром. Прирожденному полководцу с природным даром командира и удивительным чутьем простится многое. Конечно, хорошей академии Георгию действительно не хватало, иногда Деникин вмешивался, когда тот допускал грубые тактические просчеты, но делать это приходилось все реже — командир учился быстро. Постепенно размер и успехи их подразделения стали так велики, что отрядом имени Троцкого немцы занялись всерьез...

Вечерело. Командир и его «комиссар» лежали рядом в вырытом наспех окопе. Впереди на поле темнели холмики тел солдат противника. Много холмиков. Пулеметчиком Жуков тоже был от Бога. Просто поразительно, как он совмещал в себе сразу столько воинских способностей.

— Все, отбой. Немец сегодня больше не полезет, — Георгий отвалился от пулемета. Деникин тут же принялся укладывать оставшиеся ленты в промасленный мешок. Людей в отряде, точнее, в группе, уже пятый день прорывавшейся по болотам из устроенной немцами ловушки, осталось семь человек. Большевиком из них был один Жуков. И он по-прежнему оставался для бойцов командиром.

— А ведь мы, вашбродь, про Польшу не договорили... — Георгий снова начал разговор «за политику», ловко имитируя говор простого солдата, выходца из крестьян. Бойцы подобрались ближе, чтобы послушать ставший уже традиционным вечерний диспут.

— Вот все-таки: почему тогда с немцем получилась не война, а?! — Жуков, как всегда, назвал «странную войну» популярным в народе выражением. По уставшим лицам бойцов коротко скользнула улыбка.

— А ты помнишь 1914-й? — сухо ответил вопросом на вопрос Деникин. — Я вот — помню. И 1904-й с 1905-м тоже помню. Ты понимаешь, что бывает со страной, которая, неподготовленная, бросается в войну только для того, чтобы союзники не упрекнули в излишней медлительности?

— Ну, и что бывает? Бросались бы, так ведь вместе с англичанами и французами: если не в 1938-м, то год спустя. Да от немцев бы через две недели ничего и не осталось!

— В 1938-м нас не пустили поляки. Что, надо было и шляхтичам тоже войну объявлять? А год спустя... В 1914-м тоже думали и что «через две недели», и что «вместе», а оказалось, четыре года и в конце все-таки врозь.

— Почему врозь? Войну же выпрали.

— Ну, это смотря кто. Мы-то потеряли Финляндию, ту же Польшу и еще по мелочи. А добавок еще огромные долги...

— Ну, так кто же вам виноват, вашбродь? Профукали Польшу...

— Да никто не виноват. Только вот ты про Польшу вспомнил, так в 1920-м я там с кем переговоры вел? С лордом Керзоном, который должен был бы, по союзническому долгу, помочь нам полякам хвосты накрутить. А он, наоборот, приехал с предложениями от Пилсудского и на мой законный вопрос ответил, что в Англии постоянными бывают только интересы, но никак не союзники. Вот я ему эти слова и напомнил прошлым летом...

Деникин закрыл глаза, вспоминая, как играли желваки на красном лице Керзона. Еще одна жемчужина в коллекции хороших воспоминаний...

— То есть не пожелали вы лезть впереди англофранцузов?

— Да, не пожелали. И готовы не были, — генерал нехотя поднял веки, — Танковые заводы на Волге тогда еще только строились, пулеметов не хватало, фуража...

— Ну, Перемышль же взяли как-то. Почему потом остановились?

— Мы...

— Ти-хо...

Жуков припал к прицелу. Всем остальным указания не требовались: бойцы, мгновенно рассредоточившись по огневым точкам, изготовились к стрельбе. На полминуты все замерло в напряженном ожидании, потом командир расслабился, махнул рукой: отбой тревоги, показалось.

— Мы-то действительно остановились, — продолжил Деникин с полуслова, скорее для себя, чем для собеседника. — А французы? — они не просто остановились, они сразу свернули кампанию и отошли за линию «Мажино»: воюйте, мол, с русскими, а мы тут подождем. Ну, и англичане полякам в сентябре ничем, кроме обещаний, не помогли. Зато с подачи САСШ уже весь мир кричал, что Российская Империя — тюрьма народов, только-только из долгов вылезла, как снова Польшу захватила и на Финляндию уже зубы точит...

— Так, может, и надо было? На Финляндию-то? — Жуков любил вопросы с подковыркой.

Деникин снова смежил веки. На сей раз воспоминание было из худших: письмо фельдмаршала Маннергейма, то самое, предсмертное, отправленное сразу после того, как немцы перешли финские рубежи. Прежде чем пустить себе пулю в висок, Карл Густав счел необходимым письменно извиниться перед «старым другом по оружию Антоном Ивановичем» за то, что минувшей зимой не согласился своей волей, вопреки распоряжению правительства, открыть границу для прохода русских дивизий.

Да, если бы финны не пропустили немцев сквозь свою территорию, Петербург бы наверняка удалось удержать...

— Наверно, надо, — устало согласился генерал. — Вот только не умеем мы, русские, против своих воевать. Даже когда они поляки или финны. Это вы, красные, наострились успели...

— Ничего, вашбродь: и в Москве, и в ДВР вы нам показали, что тоже

быстро учитесь, как бы не вперед нас. Но я все-таки о другом. О том, что поближе... — Георгий увел разговор со скользкой темы.

— А что — «поближе»? Мы свои обязательства по совместному плану действий тогда выполнили. Это союзнички ушли в кусты.

— Ну, хорошо, допустим, выполнили. Но почему стояли в 1940-м, когда немец француза бил?

— Да не стояли мы, — Деникин так и не открывал глаз, — до Варшавы дошли.

—... А вот дальше особо не спешили.

— Да зачем было спешить? Мы бы все успели в свое время, если бы англичане и французы снова на попятную не пошли. Мы же не собирались Берлин брать.

— Да ну? И почему же не собирались?

Коротко бахнул выстрел. Откуда-то со стороны немцев, но дальний, видимо, случайный. И снова все настороженно замерли. Нет, ничего: командир, как всегда, оказался прав: сегодня враг больше не полезет. А что стреляют, так на то и война.

Затишье. Но война.

Ветер пахнет гарью.

—...Потому что, по планам летних переговоров, мы должны были освободить Болгарию, часть Румынии, всю Польшу и Чехословакию, но — не заходя на территории Австрии и Германии, — генерал произнес это, будто объясняя нечто самому себе и с самим же собой споря. — Причем Чехословакию потом должны были вернуть, а по Польше мы с англичанами тогда до конца так и не договорились... Хотя в целом она, скорее, вся к нам отходила... Зоны оккупации, изволишь ли видеть... Поделили шкуру неубитого медведя... О-хот-нич-ки!

Деникин с явственным усилием заставил себя замолчать: как ни крути, получалось, что он сейчас выдавал случайному спутнику секретную информацию. Но так ли? Случаен ли спутник, да и есть ли сегодня особый смысл хранить секреты всей этой мышиной возни, казавшейся столь важной еще два года, даже год назад...

Чавк... Чавк...

Только грязь чавкает под тяжелыми сапогами да изредка поскрипывают колеса пулеметного станка.

— Нет, но вот ответьте мне, вашбродь, — снова не выдерживает Георгий; да, собственно, что им и остается сейчас, между боями, как не эти разговоры. — Польшу же вы, лично вы, прямо скажем, из рук отпустили — как это иначе назвать... Ведь уже в Варшаве была конница! Я помню!..

Генерал тоже помнил. Помнил все: развалины сгоревшего Кракова, в котором нетронутым, казалось, сохранился только королевский замок... невообразимо чистый и опрятный смокинг лорда Керзона... и себя, усталого, пропахшего порохом (тогда все еще считалось *приличным*, даже

почти обязательным приезжать к солдатам на передний край прямо под артподготовку)... Помнил жесткий приказ Колчака, помнил и секретную телеграмму великого князя Михаила, страшно боявшегося получить по наследству от брата титул «кровавый». Телеграмму, о которой лучше бы не вспоминать...

Тогда он действительно все взял на себя, закрывая собой регента, словно грудью амбразуру. Не он первый, не он последний. Вот и дозакрывался — что сейчас перед красным чуть ли не оправдываться приходится!

— Да, отпустил. Конница-то до Варшавы дошла — а обозы, а пушки? И... Ты помнишь, что *ваши* в тылу тогда вытворяли? Знаешь такого красного командира, Нестор Махно его звали, который похвалялся, будто для развлечения с двух рук срубает на скаку по четыре головы сразу, причем только офицерские — нижними чинами, дескать, брезгует? Сам-то ты где был в 1920-м?

— Да там и был, — хмуро ответил Жуков. — Из Москвы тогда сбежал, да под Харьковом вновь забрили, хорошо хоть про Москву не прознали. Только мы сразу тогда объявили: «ни мира, ни войны». Ну и...

— Разоружили вас казаки и по домам отпустили?

— Ага, «отпустили»! Батогов дали каждому: солдатам по двадцать пять, унтерам полсотни. А потом согнали на железку пути восстанавливать. Я и оттуда сбежал, через два дня всего... Но чтобы ваши так просто по домам отпускали — брехня это все.

— Вот. Ты, как я сейчас вижу, отличный командир. Но взял и сбежал. А меня упрекаешь, что Польшу сдали...

Георгий нашел бы, что ответить Деникину, однако не захотелшний раз ранить старика. За время похода они не только свыклись друг с другом, но и прониклись уважением. Офицеров Жуков навидался достаточно, особенно за последние месяцы, но как привык к мысли о «чванливых золотопогонниках», так и не спешил с ней расставаться; а уж что царские генералы не способны ни на что, кроме парадов, он был уверен твердо. Теперь пришлось разувериться. Особенно Георгия поразила та сноровка, с которой его «комиссар» набивал пулеметные ленты.

Через полчаса Деникин нарушил затянувшееся молчание.

— Ты уж скажи мне, Георгий, раз разговор зашел: на что рассчитывали ваши красные в этой своей ДВР?

— Ну... Во-первых, это, поддержка народом самого прогрессивного общественного строя. Во-вторых...

— Ты давай без агитации тут! — Деникин, сделав нарочито строгое лицо, чуть ли не прикрикнул на командира. — По делу говори. Сколько там было ваших? Под ружьем... ну, допустим, тысяч двадцать. Верно? А у нас тогда уже с беспорядками в армии покончили, с поляками замирились, чехов в Сибири приструнили, ханов всяких и гетьманов почти повыбили.

И имели мы тогда, чтобы не соврать, миллиона два штыков. Ну, и зачем было своих губить?

— Товарищ Троцкий...

— Да погоди ты о своих покойниках! Зачем дрались, спрашиваю?

— Думали, удержим «линию Троцкого». Там же всего-то шесть верст между гор...

— А про пушки шестидюймовые вы там у себя в ДВР слышали? Про корабли байкальской флотилии, про аэропланы? Про конницу Семенова в Монголии?

Георгий снова промолчал. Ну, где было понять этому старому генералу, как могут сражаться пламенные борцы за рабочее дело. Борцы, которые никогда не отступают. Которые только погибают — не сойдя с места и забрав с собой на тот свет много, много врагов. Где ему понять, он же не был на *той стороне*... пять полос по три линии окопов, блиндажей и колючки... там, где он, Георгий, несколько раз контуженный (корабельные пушки били тяжелыми снарядами с железнодорожных платформ), вновь и вновь укладывал пулеметным огнем цепи солдат в серых армейских шинелях. И отбилась бы тогда, если бы вдруг вместо солдат не полезли одни офицеры. Эти пулеметам не кланялись. Когда раскаленный ствол отказался стрелять, Георгий забрался под трупы. Ему тогда снова повезло...

К рассвету они вышли к развалинам стоявшего у дороги завода. Остатки кирпичной трубы, некогда высокой, а теперь разрушенной практически до основания, сразу привлекли внимание Деникина.

— Вот это позиция! Хороша...

Георгий с сомнением осмотрел трубу:

— Танк ее, пожалуй, не возьмет — если, конечно, внутрь снаряд не залетит. Но отступать будет некуда.

— Да уж куда мне отступать: все равно вот-вот свалюсь. Ты только пулемет оставь, а сам уводи людей дальше.

— Да из Вас, вашбродь, стрелок сейчас, простите, как из говна пуля. Нет уж, будем помирать вместе. Драпать мне тоже что-то уже совсем надоело. Как раз место нашлось красивое, птички поют, трупы не воняют... Не то, что тогда, на Байкале...

Через двадцать минут пулеметная позиция была готова, а еще через пару часов, как по заказу, на шоссе появились немцы. Сначала мотоциклисты, потом танки — и только через час показались грузовики. Но Деникин все медлил, с хищной улыбкой посматривая в бинокль. У Георгия занемели руки на пулемете. Он уже пожалел, что разрешил генералу командовать этим последним боем.

— Ну?! — спросил он в двадцатый раз.

— Да погоди ты! Не видишь, что ли: целая дивизия идет. Значит, будут и штабные машины.

— Ну и где же они, м-мать...

— Ага! Вот! Теперь давай патронов не жалея — вон по тем черным авто! В следующие минуты думать было некогда. Георгий ни патронов, ни ствола не жалел, а генерал только успевал менять ленты.

— Ну, все, командир, последняя...

— Молись, комиссар, вашбродь!

Именно в этот момент один из немецких танкистов наконец пристрелялся — и положил снаряд точно в середину остатков трубы...

Но наступающие уже были крепко научены осторожности. Поэтому вплотную к двум телам, засыпанным обломками кирпичей, они подобрались лишь четверть часа спустя.

— Ты смотри, еще один золотопогонник. И навешано на нем сколько... Дай-ка я срежу парочку. В Гамбурге за русский орден дают не менее двадцатки!

— Не думаю, что сегодня ты на таком ордене заработаешь более пяти марок. Предложение, знаешь ли, возросло...

Двое танкистов дружно рассмеялись — и продолжали зубоскалить, пока их не оборвал подошедший офицер. Он с недовольным видом обыскал трупы, забрав только документы.

— Герр майор, что вас так беспокоит? — рискнул спросить его ординарец (они были знакомы еще по австрийскому походу и иногда могли позволить себе такую роскошь, как откровенность). — Всего лишь еще два русских. Один, похоже, и вправду из генералов, а второй — тот, в кожанке, — наверно, его шофер.

— Нет, Ганс, не все так просто. Во-первых, это, судя по всему, не просто генерал, а генерал генштаба. Что нас должно только радовать. Но второй, рядом с ним, не адъютант и не шофер. Это красный командир из числа тех, кого наши умники называют «комиссарами», всех скопом. Причем именно он был за пулеметом.

— Ну, должно быть, генерал был совсем слепой, раз он этого не заметил. Да, наверно, так и есть: видите, какой он старый?

— Возможно, Ганс. Просто я подумал, что если царские генералы начнут воевать вместе с красными комиссарами, то этот «коLOSS на глиняных ногах» еще не скоро развалится...

— Да не успеют они, герр майор! Мы ведь уже их всех... — и Ганс улыбнулся широкой баварской улыбкой, радуясь, что смог разрешить проблему беспокойства своего любимого командира.

— Пожалуй ты прав, Ганс, — голос майора, однако, все еще был невесел.

— Теперь уже ничего не изменить. По машинам!

Вскоре колонна танков поползла дальше на восток...

АЛЕКС МАЙ

ПЕНТАКЛИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Ольга принесла статью о ветеране и попыталась быстрее уйти из кабинета, но я попросил ее остаться. Удивленно похлопав густыми ресницами, увеличенными в объеме не менее чем на тысячу процентов, обиженно посмотрев на меня, она присела в кресло. Так усаживаются на электрический стул. Наша модница и моя персональная головная боль. Красный диплом МГУ. Кто их там сейчас учит? Каждую неделю подкидывает новые шедевры. Недавно порадовала новостью, что в город приезжает небольшой оркестр из Швеции. «К нам придут: тромбон, валторна и даже гобой...» А я и не знал, что инструменты вырвались из-под ненавистного гнета музыкантов и сами по себе разъезжают по миру, устраивая независимые гастроли. Ну, как-то мимо меня прошло... А собачий питомник УВД, которому исполнилось десять лет? Кажется, только Ольга могла придумать и озвучить вопрос: «Кто у вас лучше работает, Иван Леонидович? Кобели или суки?» Именно после той статьи пришлось очень внимательно читать ее «заметочки» — так она называла свои материалы. Иван Леонидович, вопроса не смутился, и честно признался, что суки работают куда лучше кобелей. Кто бы сомневался. Ну, а я... Я вечно «придираюсь». Работа такая.

— Посиди. Сама знаешь: потом вызову и заставлю переписать, — сказал я ей. — Поэтому проведем чтения в реал-тайм. И не делай такое оскорбленное лицо. Я этого не заслужил. Вожусь с вами...

Надулась. Ну-ну. Взял «расстрельный» красный маркер. Психологический прием с использованием фаллического символа внушительного размера. Удобная штучка. Почитаешь текст, тут подчеркнешь красным, там крест такой жирный поставишь... Легким движением руки распечатанные листы формата А-4 превращаются в истерзанные, истекающие кровью странички дневника, найденного на месте грандиозной битвы.

Колпачком — щелк!

Она ресницами — хлоп!

— Ну что, Ольга Дмитриевна? Приступим.

Молчание.

О! Уже прогресс! Не зря ведь я «придираюсь». Ветеран с текстом ознакомлен. Какая у него заковыристая подпись. Претензий в случае чего не предъявит. Это хорошо. Заголовок... Да уж! Мне надо удивиться? Не надо? А как поступить? Чтобы не обидеть?

— Оля... Оля-Оля... И как это называется? А?

— Что? — спрашивает она.

— Как что? Заголовок! Тебе, барышня, какое задание дали?

— Вы сказали, что надо написать о ветеране, который решил передать ценную коллекцию наград в городской музей. То есть, — запнулась, — краткая биография, небольшое интервью, а в заключение благодарности от жителей города.

— Именно так я и сказал. Задание — проще простого. И вот ты его выполнила, да? Принесла мне текст. И я тут же ударяюсь лбом о заголовок. И, Ольга Дмитриевна, читать дальше мне боязно. Я разве тебя за сенсацией посылал?

— Нет, — пробормотала она. — Но если сенсация сама в руки плывет... Жалко упускать.

— Молодец! — похвалил я ее. — В определенных условиях так оно и есть. Но не в наших. Понимаешь, дяди, которые дают нам деньги на газету, не поймут... Вот возьмут номер, прочитают... — Я взял листик. — О! «Сенсация! Ветеран-коллекционер раскрывает мистические тайны военных наград». Нет, звучит, конечно, внушительно... Более того, если ветеран действительно раскрыл какие-то тайны, то они все равно не вписываются в концепцию нашей газеты. Она у нас — общественно-политическая. А не общинно-мистическая. Понимаешь?

— Я хотела как лучше. Хотела интересный текст написать. И... У меня есть смягчающие обстоятельства: ветеран сам настоял на том, чтобы я написала так. Он сказал, что его биография похожа на тысячи других. А всю жизнь он посвятил орденам и медалям... А потом такого наговорил! Я думала, вы любите мистику... Мне ведь сказали, что вы любите мистику, Тантру всякую...

— Что?! — Я не чуть, как обычно говорят в таких случаях, а реально подпрыгнул на стуле. — Кто тебе такое сказал?

— Я не предательница! — произнесла она так гордо, словно ее вели на расстрел. — Не скажу. Можете меня уволить.

— Ох, Оля, беда с вами... Знаешь, перепиши по-простому. Без мистических тайн. Завизируй у ветерана. Все.

— Вы что? Даже читать не будете?

— Позже прочитаю.

Ушла. Ее материал я так и не прочитал. Телефонные звонки, долгая беседа с бухгалтером, с ответственным секретарем. Реклама, которую хотели оплатить исключительно бартером. Время такое было — вместо денег все хотели подsunуть бартер. Потом еще что-то. Одно, другое... Пролетел, одним словом, рабочий день. Я забыл о статье. Бывает.

На следующее утро, едва я вошел в кабинет, раздался телефонный звонок.

— Алло, — сказал я, держа одной рукой трубку, расстегивая пальто другой.

— Здравствуйте, — произнес кто-то пожилой. — Вы товарищ редактор?

— Я? Да-да... Здравствуйте! Я товарищ. Редактор. Что вы хотели?

— Уважьте старость, пожалуйста, навестите меня.

— А вы, простите, кто? — удивленно спросил я.

— Я Яков Яковлевич, — ответил старик, и я на пару минут «завис», как компьютер, задумавшись над целыми тремя «я» в его фразе. — Ветеран-коллекционер.

— А, все понятно... Оля принесла вам другой вариант статьи?

— Принесла, но он меня не устроил. Я ведь о другом хотел рассказать.

— О мистической тайне? — усмехнулся я.

— Можно и так сказать, — ответил Яков Яковлевич. — Мне бы хотелось встретиться. Запишите адрес.

— Хорошо, я заеду, — пообещал я, испытывая подлое раздражение. С таким раздражением не надо церемониться — сразу к стенке его. Что я и сделал.

Старик подробно рассказал, как до него добраться, и заранее поблагодарил за оказанное внимание. Я же вышел из кабинета, разыскал Ольгу, которая пила кофе с корректорами.

— Что там с ветераном, Оля? Ему не понравилась новая статья?

— Не понравилась, — ответила Оля. — А вам должна понравиться. Соцреализм во всей красе — никакой мистики.

— Ну-ну, поостри. Яков Яковлевич пригласил меня в гости. Он явно куда-то спешит...

— Он умирать собрался, — ответила Оля. — Вот и спешит. Вы бы тоже спешили. Человек всю жизнь награды изучал. А сейчас понял: никому его знания не нужны.

— Деспот! — загадочно произнесла Наталья Григорьевна — самый уважаемый в редакции человек. Женщина старая и даже пожелтевшая от времени, как тома архивных подшивок нашего печатного органа. Мудрая и справедливая, как черепаха Тортила.

— Это вы мне, Наталья Григорьевна?

— Тебе, Сашка, тебе. Пороть тебя надо. — Наталья Григорьевна явно пыталась пошатнуть мой потом и кровью заработанный авторитет. — Вспомни свои первые материалы. Ой, девочки! — Это она Оле и Лене — другой корректорше говорит. — Он такие материалы приносил. Такие перлы! А сейчас в деспота превратился. Быстро же все забыл... Чай будешь, деспот?

— Не буду, — ответил я. — Я обиделся.

— Обиделся он, — улыбнулась Наталья Григорьевна. — Водку на тебе возить надо...

— Тьфу! — сказал я, и вышел из кабинета. — С ума с вами сойденшь! Умеете настроение испортить. Стервы!

Впрочем, последние слова они не услышали. Вернулся в кабинет, посидел минут десять, размышляя о женском коварстве, прикинул вероятный план сегодняшней работы, понял, что ничего важного в любом случае не произойдет. Оделся.

— Я к ветерану. Водку пить, — сказал я второй Лене, ответственному секретарю. — Разберешься, если что... Там несколько коробок морского гребешка должны привезти. Ага, бартер.

— Езжай, езжай, — услышал за спиной голос Натальи Григорьевны. — Может, ветеран тебе, деспоту, мозги вправит. А гребешков мы без тебя оприходуем.

— Наталья Григорьевна, — вежливо сказал я. — Вы ведь знаток русского языка?! Великого и могучего! Мне стыдно за вас. Что вы заладили — деспот, деспот. Где синонимы, а? Тьфу! Освободите проход! Ухожу от вас!

— Иди... Ступай... Пиночет! Сатрап!

— Хорошо, что не Иоанн Васильевич, — поблагодарил я ее и чмокнул в щеку. — Всего вам доброго, мои дорогие сотрудницы!

На улице — мерзкая, липкая метель. Смахнул снег с лобового стекла. Сел в машину, покурил, пока она прогревалась. По пути купил бутылку водки и коробку зефира.

Ветеран отгородился от мира массивной, как в банковском сейфе, железной дверью. Открыл дверь лишь после того, как я показал в глазок удостоверение. Высокий плотный старик с голубыми глазами. Лысая голова с остатками седых волос, пожелтевших, словно от никотина. Одет он был в спортивные штаны и белую майку. На левом плече — старые, еще военные (ну, а какие же еще?) шрамы. Если я правильно понял, когда-то эти похожие на заплатки отметины возникли от двух фашистских пуль.

— У меня еще на спине есть, — сказал он, быстро задрал майку и показал заросшую белым пухом спину. — Еще три.

— Солидно! О чем вы хотели поговорить?

Яков Яковлевич вернул майку на место, выпрямился, и позвал меня в комнату.

Да... Обеспеченный ветеран, таких, к сожалению, не много в нашей стране. Мебель из настоящего дерева — массивный стол, буфет, кровать...

— Присаживайтесь, — сказал он, выдвигая из-за стола стул вишневого цвета. — Я про награды хотел поговорить...

— А чего о них говорить? Мне кажется, они представляют интерес только для коллекционеров. Таких, как вы. У меня друг есть — фанат нагрудных знаков. Тратит огромные деньги на значки типа «10 лет НКВД»...

— Вот я и вижу, что вы ничего не понимаете. Яков Яковлевич покачал головой, словно упрекая меня. — Награды не так просты, как кажутся. Я покажу мою коллекцию и все объясню...

— Яков Яковлевич, — осторожно произнес я. — Как вы насчет водки? Я водки привез... По пути подумал: здорово вырваться из кабинета, чтобы водки с ветераном выпить... Как вы на это смотрите?

— Ну... если немного, — промолвил он. — Сейчас закуску принесу.

— Вот, — сказал он, вернувшись с кухни, держа в руках две тарелки. — Хлеб, сало, капуста. Лучшая закуска! А сало — стратегический продукт. Не выжили бы без него на фронте. Еще один фрагмент мозаики Победы!

— Вы о чем? — спросил я.

— Александр, тут так сразу не объяснить. Давайте лучше выпьем. Победа состоит из многочисленных кусочков...

— И из кусочков сала? — улыбнулся я.

— И из сала тоже! — Он улыбнулся в ответ. — Из таких вот, как эти, ломтиков. Наливайте.

— За Победу! — произнес я тост. Выпили.

Яков Яковлевич тут же закурил, я последовал его примеру.

— Что вы знаете о пентаклях? — спросил Яков Яковлевич, поставив меня в тупик. Я тут же начал вспоминать все то, что знаю о «пентаклях».

— Станный вопрос, — ответил я. — Символы, магические знаки, нанесенные на металл? Печать Соломона, да? Тоже, вроде, пентакль. О! Еще — изготовленные в определенное время, в соответствии с положением планет... Я прав?

— Все верно, — сказал ветеран. — Люди думают, что пентакли — нечто древнее, чем пользовались давным-давно колдуны-шарлатаны вроде Папюса. Кто-то считает, что это просто пятиконечная звезда, вписанная в круг.

— А что? Неужели и сейчас используют?

— Ими будут пользоваться всегда, причем на государственном уровне, — сказал Яков Яковлевич. — Я сейчас.

Он встал из-за стола, и ушел в другую комнату. Обратно он вернулся с тремя довольно большими деревянными ящичками, похожими на те, в которых коллекционеры насекомых держат наколотых на булавки бабочек и жучков.

Аккуратно положив коробки на диван, он открыл одну, и я увидел штук двадцать красивых орденов времен войны.

— Вот! Смотрите. Весьма редкий пентакль. Имени Александра Невского. Заметьте — не Ленина, не Сталина, а именно Александра Невского. Как вы думаете, почему именно его выбрали для этой награды?

— Потому что Ленин уже и так активно использовался. Насчет Сталина — не в курсе. Может, и были награды с его профилем. А что тут удивительного? Князь показал кузькину мать тевтонцам... Глупо было бы, если бы его профиль не использовали для ордена...

— Ну, во-первых, это профиль не князя, а артиста Черкасова, который сыграл роль Невского в популярнейшем некогда фильме. Орден утвердили

летом 1942 года, когда, мягко говоря, у нас было не все благополучно. Вернее — совсем не благополучно. Хреново все было, если уж совсем прямо сказать.

— Яков Яковлевич, вы хотите сказать, что это — магия? Если дело плохо — правительство утверждает награду? Выпускает орден, или как вы говорите — пентакл, и дела улучшаются?

— Не все так просто, молодой человек. Кстати, награды в те времена утверждал Президиум, но это так, к слову. Я видел войну изнутри. И Победа — действительно состоит из многих кусочков. Подвиги, отважные поступки, жертвования... Вы думаете, легко пожертвовать собой? И бежать в атаку, зная, что противник в несколько раз превосходит по всем пунктам? Это — очень сложно.

— Получается, что в Президиуме сидели маги, которые учреждали награды, зная, что это способствует Победе? Подвигам? — Я не скрываю иронии, но Яков Яковлевич ее проигнорировал.

— Мы никогда не узнаем — так это или нет. Но, согласитесь, трудно списать на совпадение то, что, когда стало совсем плохо, Сталин, ярый противник «прошлого» наследия, дал добро на использование в наградах образов Кутузова, Нахимова, Ушакова, Святого Невского. 1942 год. А уже в 1943 мы погнали немцев. Страна задыхалась, а на наградах не экономили. Этот сделан из серебра — самого распространенного металла из «благородных», и орден считался самым «младшим» из командирских наград. А орден Суворова первой степени делали из платины. У меня его нет, он чрезвычайно редок, им наградили человек триста, не более. Вторую степень делали из золота, третью — тоже из серебра. Вот он, кстати...

Я налил еще водки. Если честно, то рассуждения старика об орденах немного смутили. Даже если и так... Ну и что с того? А он продолжал свою лекцию:

— Посмотрите еще раз на орден Александра Невского. С одной стороны, странно, что князя заключили в центр Звезды — нашего главного революционного символа. А вот тут... Видите? Серп и Молот, венки, а вот здесь — старинные бердыши. Налицо попытка совместить старое и новое. Ведь первая боевая награда республики — орден «Красного Знамени» — начисто лишен исторических корней. Звезда, Серп и Молот, Штык, Молот, Плуг, Знамя. Все. Нехитрые символы новой власти рабочих, крестьян и солдат.

— Яков Яковлевич, когда вы впервые задумались обо всем этом? — спросил я.

— Когда меня привезли в госпиталь с передовой. С орденом Красной Звезды, который мне вручили. Через неделю мне стало легче, и я, засыпая, сжимал его в кулаке, засовывал руку под подушку, и чувствовал энергию, идущую от него. Не поверишь, но мне обжигало пальцы, он словно исцелял меня. И он изменил меня. Я выписался, не долечившись, чтобы скорее

на передовую, чтобы снова в бой. Не будь его, может, и не спешил бы... А так — рвался!

— Ну, это психология. Вас наградили, у вас возникло чувство благодарности, захотелось доказать, что не зря такая честь... Вы ведь верили тогда... Сталин равнялся Богу.

— Зря вы так думаете. Когда я пришел на фронт, мне сказали: «Оружие добудете в бою». Выдали рваную форму. А что касается Сталина, то не было повального обожествления. Только внутри себя держали все. Не болтали. Но, молодой человек, вера нужна всегда. Без нее — никуда. А орден, да, словно обязывал, подталкивал. Еще раз повторю — не все так просто. А в ноябре сорок третьего учредили самый главный орден войны. Шедевр! В мизерном количестве... Всего двадцать экземпляров. До Победы было еще так далеко, но кто-то мудрый создал этот орден, а Президиум учредил. Пентаклей такого качества даже у магов, скорее всего, не водилось. Орден «Победы». Платина, усыпанная бриллиантами. 170 бриллиантов. 16 карат. Для Звезды — настоящие рубины. Как думаете, кого наградили первым?

— Сталина?

— Нет, Сталин был третьим. Первым орден «Победы» получил Жуков. Именно он и ассоциируется у народа с разгромом немцев. А Сталина им наградили дважды. Любопытно, что Леонид Ильич Брежнев, испытывающий маниакальную тягу к наградам, выцганил себя такой, через тридцать лет после войны. Думаю, он подсознательно чувствовал, что ордена и медали — не просто нагрудные знаки... Только по глупости цеплял на себя все подряд. С головой у него не все в порядке стало, в итоге... Мощное, сильнейшее воздействие, перемешанное, как винегрет... Зато как долго прожил! Мозг отказывал, а руками-ногами еще двигал... Наливай.

Снова выпили, и возникла пауза. Я думал о силе символов. В первом классе мне нацепили звездочку октябренька, в четвертом — пионерский значок. От комсомольского значка я отказался. Никто в то время уже и не настаивал на вступлении в комсомол. Вот ведь черт! Если подумать, то действительно, есть истина в словах старика. Миллионы детей со звездочками на груди. На самом сердце. Сердце бьется, от него идет энергия... Бррр! Жутко все это. И... Неужели идеологи все знали? Знали, как все это работает? Продумывали эскизы? Просчитывали последствия? Звезда? Символ совершенного, разумного человека, если не перевернутая. А может, нет? Может, другое значение?

Старик отвлек мое внимание другой коробкой. Я аж присвистнул. Немецкие награды.

— Нравятся? — спросил Яков Яковлевич. — Суровая эстетика. А на деле — в большинстве своем — просто железо. Странно, но немцы очень экономили на наградах. Алюминий, цинк... Очень редко — золото, платина, не говоря уж о бриллиантах. И разнообразия нет. Именно в наградах. Знаков отличия много выпускали, это верно. Парашотисты, танкисты,

торпедоносцы. — Старик указывал пальцем на значки. — Любопытно то, что немцы, наоборот, вытаскивали почти все свои награды из прошлого... Пруссия, Фридрих Великий... А какое у них, по большому счету, прошлое? Так себе... Свастика — основной символ, в наградах почему-то заменился крестом. Ошибка!

— Ого! — воскликнул я. — А это что за знак? Красивый, блин... Змеи, меч...

— «Антипартизанский», — ответил Яков Яковлевич. — Красивый, но неправильно сделанный. Партизан они сравнивали с головами Гидры Лернейской. Одну отрубашь, тут же три других появляется. В самом символе скрывается поражение. Так нельзя. У них много подобных ошибок.

— Скажете, — сказал я ему, — какую цель вы преследуете? Я про статью. Зачем вам рассказывать обо всем этом? Могут не понять... Вне зависимости — правда это, или нет. Государство имеет право на тайны.

— Понимаете, мы сейчас живем в новой стране. Я уже стар, почти не общаюсь с друзьями. Толком не знаю о том, что у нас сейчас происходит, с наградами. Старые вроде как используются, царских времен... Я к тому, что правильные, продуманные награды помогают обществу, как в мире, так и в войне... Очень помогают. Но использование старых, или стилизованных под старые, чревато. Нужны и новые награды. И старый гимн с новыми словами тоже настораживает. Одна нога всегда в прошлом будет оставаться. Вот как бы донести все это?

— Куда? Кому? — удивился я. — Наверх? Зачем? Если у них есть штатный специалист по пентаклям, то они и сами все знают, а если нет... Кто там будет слушать? За иднотов примут, и все. Я потому и «зарезал» ваше интервью, вы уж не обижайтесь. Теория у вас очень интересная. Но очень уж иррациональная.

Яков Яковлевич обиделся. Я, честное пионерское, не хотел его обижать, но он обиделся. Пока не кончилась водка, он рассказывал мне о наградах, но уже без «мистических» откровений. Голые исторические факты. Огонь в его глазах потух.

Потом мы попрощались, и я поехал в редакцию. Ничего страшного за время моего отсутствия не произошло. Меня накормили грёбешками под майонезом. В номер пошла переписанная Олей статья, сухая и совсем неинтересная. Голые факты. Родился, воевал, собирал коллекцию, которую решил передать городу. Все. Чертов формат.

Яков Яковлевич умер через восемь дней после выхода номера. К тому времени его коллекция уже перекечевала в музей. А мне этот старик запомнился надолго. Более того, я уверен, что в его теории, какой бы она надуманной ни казалась, есть истина и смысл. Как есть глубинный смысл в гербах, флагах и даже в банальных логотипах компаний.

Не все так просто, — как любил повторять Яков Яковлевич.

Чем дольше я живу — тем больше убеждаюсь в этом...

ВИТАЛИЙ ДЕРЖАПОЛЬСКИЙ

ПСАРНЯ

27.04. 1962

Рейхскомиссариат «Уральский хребет» Железнодорожный полустанок блока «Сычи»

Их везли в неизвестном направлении вот уже третьи сутки. Сквозь многочисленные щели в продуваемый всеми ветрами старый вагон залетали колючие снежинки. Петька поерзал, стараясь поглубже ввинтиться в тую прессованной прелой соломы, заменяющий мальчишке матрас. Колючее, протертое практически до дыр одеяло, выданное Петьке на станции толстой рабыней-прачкой с изъеденными язвой руками, не спасало от холода. Оставалось уповать лишь на то, что морозы скоро кончатся, и весна полноправной хозяйкой вступит в свои права. Помимо Петьки в вагоне находилось еще десятка два пацанов, таких же замерзших, испуганных и голодных. На каждой остановке количество пассажиров старого вагона увеличивалось. Примерно раз в сутки на какой-нибудь станции молчаливый кухонный раб приносил большой бидон чуть теплой похлебки, похожей на помон. С непроницаемым обрюзгшим лицом он разливал баланду по мягтым оловянным мискам, давал в одни руки по куску черствого хлеба и удалялся восвояси. Словно голодные волчата, накидывались мальчишки на еду, а затем вновь забивались в свои щели. Некоторые сбивались в стайки человека по три-четыре и закапывались в солому с головой, укрывшись общими одеялами: так было легче согреться. Петька до сих пор еще ни с кем не сошелся: разговаривать с кем-либо не было ни сил, ни желания. Мальчишка перевернулся на другой бок и засунул озябшие руки подмышки, закрыл глаза и попытался заснуть. Ослабленный организм быстро скользнул в спасительную дрему. Ему приснились мать с отцом, которых он не видел пять долгих лет и уже начал забывать их лица. Приснился добрый улыбающийся начхоз интерната, всегда угощавший Петьку леденцами, престарелая рабыня-посудомойка баба Глаша, которая ночью шепотом рассказывала детям чудесные сказки о старых временах, когда никто не имел права забирать детей у родителей. Паровоз, слегка сбросив ход, резко остановился. Тягуче запели тормоза. Вагон взбрыкнул, лязгнув железом и замер. Петькина голова дернулась на расслабленной шее, и он испуганно проснулся. Вытерев тыльной стороной ладони ниточку слюны, стекавшей по подбородку, мальчишка поднял голову и огляделся. Из-за беспорядочно сваленных на пол тюков сена,

то тут, то там выглядывали взъерошенные мальчишеские головы. Дверь мерзко скрипнула и отворилась. Яркий солнечный свет, ворвавшийся в темный вагон, заставил Петьку прикрыть глаза рукой.

— Давай, сученыш, лезь в теплушку! — донесся до мальчишки хриплый мужской голос. — Наконец-то я от тебя избавлюсь!

— Да, повезло тебе, дяденька! — с издевкой ответил незнакомый мальчишка. — Я б тебя, падлу полицейскую...

— Ах ты, ублюдок! — заревел мужик. — Я тебе сейчас уши оторву!

Петька, наконец, проморгавшись, успел увидеть, как мужик в форме воспитателя-наставника интерната для унтерменшей попытался ухватить короткими волосатыми пальцам за ухо невысокого крепкого паренька. Паренек играючи увернулся от воспитателя, а затем неожиданно сам кинулся на него.

— А-а-а! — завопил мужик, размахивая в воздухе окровавленной кистью. — До самой кости прокусил! Убью!

Мальчишка стремительно метнулся в вагон. Воспитатель дернулся за ним, но его остановил грубый окрик конвоира немца:

— Хальт! Назад!

Воспитатель униженно склонил голову и попятился от дверей.

— Яволь, герр... Яволь... — испуганно забормотал он.

Немец презрительно сплюнул на землю:

— Руссишвайн! Проваливайт! Бистро-бистро!

Мальчишка в вагоне нарочито громко заржал и обидно крикнул вдогонку мужику:

— Имел я тебя!

Дверь с лязгом закрылась, и вагон вновь погрузился в привычную темноту.

— Ну, че, — развязно произнес мальчишка, — здорово, пацаны!

— Ловко ты его! — с трудом сдерживая восхищение, произнес Петька, вспоминая издевательства собственного наставника-воспитателя.

— А то! — отзывался новенький. — Нехрен руки распускать!

— За такое и прибить легко могут! — не возразил чумазый лопухий пацан, расположившийся у самого входа. — Мне еще пожить охота!

— Пусть бы только попробовал! — задиристо выкрикнул новенький. — Я этого фашистского холуя взорвал бы нафиг!

В вагоне воцарилась гробовая тишина: мальчишки с немым изумлением разглядывали новенького.

— Чего замолчали? — вновь произнес мальчишка. — Испугались? И откуда вы такие трусливые взялись-то?

— Это ты откуда такой смелый взялся? — озвучил общее мнение все тот же лопухий пацан. — Из леса, что ли?

— Точно, из леса! — неожиданно быстро согласился новенький. — Меня, кстати, Вовкой зовут.

— И чего ты в лесу делал? — не отставал лопоухий.
— Да так, жил, — уклончиво ответил Вовка. — Разве не ясно?
— Так ты из Сопротивления? — чуть слышно прошептал Петька.
— Партизан?

Весь вагон вновь изумленно притих. За такие слова можно было легко полатиться головой.

— Тихо ты, — прошипел мальчишка, приложив указательный палец к губам. — С ума сошел!

И нарочито громко, чтобы слышали остальные, произнес:

— Да не-е-е... Какой из меня партизан? Наша деревня в тайге, и найти ее не так просто... А я за солью в райцентр пошел, да и попался. А через неделю вышел указ, и от меня сразу избавились. Теперь вместе будем!

Паровоз басовито загудел, вагон дернулся и покатился по рельсам, постепенно набирая скорость. Мальчишки поспешили залезть в свои норы: как только паровоз разгонится, в вагоне резко похолодает.

— Ты не против, если я устроюсь рядом? — спросил Петьку мальчишка.

— Давай, — радостно согласился Петька, — вдвоем теплее будет!

Они зарылись в сено. Немного согревшись, мальчишка спросил шепотом нового приятеля:

— А ты действительно их видел?

— Кого? — зевнув, уточнил Вовка.

— Партизан.

— Видел, — сонно отозвался пацан. — Только ты никому...

— Могила, — прошептал Петька.

Авторитет нового приятеля взлетел до небес.

— А правда?.. — хотел спросить Петька, но согревшийся Вовка, убаюканный мерным перестуком колес, уже спал.

«Потом спрошу», — решил мальчишка и тоже постарался заснуть.

***

Распоряжение Главного Департамента Оккупированных Территорий № 375

В кратчайшие сроки создать детскую военизированную школу для неполноценных... Для этой цели отобрать из детских интернатов, расположенных на территориях рейхскомиссариатов (гау): «Остланд», «Украина», «Московия», «Уральский хребет», «Сибирь», развитых физически и умственно детей десяти — двенадцати лет, преимущественно славянской национальности. Выпускники школы будут использоваться в карательных операциях на оккупированных территориях, выполнять функции подразделений полиции. Диверсионная деятельность на территории врага...

...назначить ответственным гауляйтера «Украины» Отто Розенбурга...

...03 апреля 1962 г.

— Подписано рейхслайтером Карлом Брауном, одобрено лично фюрером, — в раздражении закончил читать Густав Кранц. — Послушайте, Отто, скажите честно, вы действительно считаете, что это хорошая идея? — обер-бургомистр Киевской области, как обычно, был прямолинеен.

— Густав, ты же знаешь, наше мнение никого не интересует, — безапелляционно заявил Отто Розенбург. — Директива утверждена лично фюрером. А нам остается только принять ее к исполнению. И смею тебя заверить, что рейхслайтер спросит с нас по полной программе!

— Ну, разве они не понимают, что мы собственными руками выроем себе яму! Если не сейчас, то в будущем! — Кранц нервно принялся ходить из угла в угол.

— Да не волнуйся ты так, Густав, — гауляйтер нацедил в стакан на два пальца хорошо выдержанного коньяка и протянул Кранцу, — выпей! Возможно, ничего путного из этого не получится, и рейхсминистерство свернет эту программу.

— Нет, Отто, ты не понимаешь — это тенденция! Неужели у нас не хватает солдат? На худой конец, те же власовцы, Бандера? Они хоть воюют осознанно, за идею! А эти...

— Ладно, хватит болтать! — остановил словоизлияния Кранца Розенбург. — Все готово для приема первой партии?

Густав хмуро кивнул.

Рейхскоммисариат «Украина». «Псарня» — первый детский военизированный интернат для неполноценных

— Итак, засранцы, прочистите уши и слушайте, что я вам скажу! Повторять не буду! — надрывал глотку Роберт Франц, старший мастер-наставник военизированного интерната для неполноценных. По-русски он говорил чисто, без малейшего акцента. — Вам, уроды, неслыханно повезло — вас вытащили из дерьма, которым вы, по сути, и являетесь! Но... — он сделал многозначительную паузу, а затем продолжил: — Лично фюрер дает вам, скотам, уникальную возможность принести пользу Новой Германии. Служить Фатерлянду большая честь даже для немецких солдат...

— А мы-то тут причем? — донесся до наставника нахальный мальчишеский голос. — Пусть предатели, навроде тебя, под немцев прогибаются! А я не буду!

— Это кто у нас здесь такой умный? — рыскающий взгляд наставника пробежался по разношерстой мальчишеской толпе.

— Ну, допустим, я! — развязно ответил все тот же голос.

— Тогда шаг вперед, смельчак! — Роберт наконец увидел наглеца. Мальчишка, смело глядя в глаза наставнику, вышел из строя. — Имя, фамилия! — рявкнул Франц.

— Владимир Путилов, — не испугавшись, все так же нагло ответил пацан.

— Значит, Вольф, — задумчиво произнес старший мастер-наставник, размышляя, как ему поступить с зарвавшимся подростком.

— Сам ты Вольф, морда полицейская! — не полез за словом в карман мальчишка. — Я — Владимир!

— Дерзость — это хорошо! — холодно произнес Роберт. — Настоящий мужчина, а тем более воин, должен быть дерзок. Но дерзость хороша в бою, — повысив голос, произнес Франц, чтобы его хорошо слышал весь строй, но дерзость по отношению к командиру — наказуема! После построения — неделя карцера! На хлеб и воду! Кормежка — раз в сутки! Все остальные будут получать полноценное трехразовое питание! Да, — чуть не забыл наставник, обращаясь к мальчишке, — почему ты решил, что я предатель и «морда полицейская»?

— А чего тут понимать? По-русски вон как лопочешь. Ни один немец так не умеет! Значит, нащ, русский. А если русский с немцами, значит, предатель, морда полицейская! — на одном дыхании выпалил Вовка.

— Значит, так, — громко заявил Франц, — поясняя для всех! Я, Роберт Франц, старший мастер-наставник «Псарни», являюсь истинным арийцем! И буду требовать от вас, убогодочных унтерменшей, уважать чистоту моей крови! Это раз! А насчет моего русского языка... — он криво усмехнулся. — Я родился и вырос в России. Мои предки — поволжские немцы! Поэтому не считайте меня ровней. С завтрашнего дня любая провинность будет строго караться! На сегодня я вас всех прощаю! Кроме тебя, — Роберт широко улыбнулся Володке, — однажды наложенные наказания я не отменяю. Сейчас все идут в баню, затем получают обмундирование — и в столовую. А ты, мой дерзкий друг, — в карцер!

Петька смотрел в спину удаляющемуся в сопровождении охранников Вовке и тяжело вздыхал: помочь своему смелому другу он не мог. Вскоре Вовка исчез за углом бревенчатого барака. Петька шмыгнул носом и прибавил шаг: после бани немцы обещали кормежку, а жрать ох как хотелось, не взирая ни на что. В большом предбаннике мальчишек заставили раздеться догола, приказав сваливать грязную одежду в одну большую кучу. Затем, выстроив их в некое подобие очереди, быстро обрили наголо. После стрижки, выдав каждому по солидному куску мыла и жесткую мочалку, воспитатели загнали всех мальчишек в большую баню. Петька мылся с удовольствием. Последний раз он испытывал такое блаженство, наверное, с год назад. Он стоял под ласкающими теплыми струями воды, с наслаждением сдирая мочалкой въевшуюся грязь. Прикасаясь к непривычно колючей обритой голове, мальчишка улыбался, представляя, как смешно, должно быть, он выглядит. Но о потерянной шевелюре Петька не жалел — уж очень его в последнее время донимали вши. Разрешив мальчишкам вволю

наплескаться, воспитатели дали команду по одному выходить в предбанник. Предбанник за время помывки изменился: пропало грязное белье, пол оказался чисто вымытым, в воздухе витал неприятный запах дезинфекции. Вдоль стен были разложены большие тюки с форменной одеждой и добротной обувкой. Выскочив из бани, мальчишки попали в цепкие руки интернатских эскулапов. Врачи, не особо церемонясь, осматривали подопечных: раскрывали им рты, проверяя зубы, залазили в носы и уши, слушали дыхание сквозь железные трубки. Больных, в основном простуженных, тут же отправляли в карантин. Прошедшим медосмотр без каких-либо нареканий, приказывали подбирать себе обмундирование по размеру и строиться на улице. Примерно через час все воспитанники интерната щеголяли в новенькой необношенной форме с нашитой на рукав странной эмблемой — оскаленной собачьей мордой над скрещенными метлами. Роберт Франц с удовлетворением пробежался взглядом по бледным, не тронутым солнцем бритым мальчишеским головам.

— Становись! — рявкнул он, решив перед обедом наставить на путь истинный новоявленных курсантов. Мальчишки засуетились, толкая друг друга локтями, в жалкой попытке выстроиться по линейке. Это у них плохо получалось. Но, наконец, строй замер.

— Запомните, ублюдки! — зычно заорал Франц. — С сегодняшнего дня вы курсанты спецшколы «Хундьюгендс», или попросту «Псы». Все рассмотрели эмблему нашей школы? Чтобы не было дурацких вопросов, поясню: вы должны быть преданы Рейху, как настоящие псы, должны рвать врага зубами, при отсутствии другого оружия под рукой...

— А метлы? — выкрикнул кто-то из толпы.

— Поганой метлой обычно убирают мусор... А кто будет мусором, я непременно вам сообщу! Времени у нас с вами много. А сейчас в столовую шагом марш!

Обед оказался шикарным. Многим новоиспеченным курсантам-псам такое не могло присниться даже в самых радужных снах. Наваристый суп с мясом на первое, перловка, щедро сдобренная маслом на второе, хлеба вволю и компот. Причем добавки — сколько съешь. Большие кастрюли с едой стояли тут же, в середине стола. А на десерт — фрукты!!! Самые настоящие яблоки, большие и красные.

«С такой жратвой не жизнь — малина, — похрустывая сочным яблоком, думал Петька, — жаль, что Вовку в карцере заперли...»

После сказочного обеда мысли вяло ворочались в голове. Клонило в сон. Дав подопечным насытиться, воспитатели повели разомлевших от обильной пищи и бани мальчишек в казарму. Там утрюмый начхоз выдал мальчишкам постельные принадлежности. И они, впервые за всю свою коротенькую жизнь, заснули на чистых хрустящих простынях. Целый месяц их не трогали, кормили как на убой, водили в баню, показывали

кино. Неизменно два раза в сутки старший мастер-наставник Роберт Франц строил их на плацу и вбивал в недалекие мальчишеские головы мысль о том, как им повезло.

— Сравните, как вы жили до этого, и как живете сейчас! — надрывался Франц, выпагивая перед строем. — Если вы всей душой будете преданы Рейху, отцам-командирам, будете, не рассуждая, выполнять приказы — вам это зачтется! Не забывайте об этом! Быть воином-псом — большая честь! Подумайте сами, что лучше — быть быдлом, рабом или настоящим мужчиной-воином?

Старший мастер-наставник умело добивался поставленной руководством Рейха задачи. Уже через несколько дней большинство мальчишек с ним соглашались, покачивая в такт словам наставника бритыми головами. Неделя такой вольготной жизни пролетела для Петьки незаметно. Он даже удивился, увидев на утро восьмого дня осунувшегося Вовку. Мальчишку после карцера уже успели помыть, побрить и переодеть.

— Вовка, ты как? — спросил Петька, протягивая другу заначенное с вечера яблоко.

Вовка отрицательно мотнул головой и без сил опустился на кровать. Через минуту он уже крепко спал.

Через месяц, когда старший мастер-наставник посчитал, что мальцы уже достаточно отоспались и отъелись, для малолетних псов начался настоящий ад. Да такой, что земля в прямом смысле горела у них под ногами. А начиналось все вполне безобидно — с небольших пробежек и разнообразных физических упражнений. Однако со временем нагрузки и сложность упражнений возрастали. Многокилометровые маршброски уже мог выдержать далеко не всякий подросток, а уж спарринг-бои со взрослыми наставниками-воспитателями и подавно. Уже через полгода состав кадетов первого набора сократился на треть, еще через несколько месяцев — вполовину. Остались самые стойкие и крепкие. От не оправдавших высокое доверие отцов-командиров быстро избавлялись. Куда на самом деле девались бывшие курсанты «Псарни», мальчишки не знали, но догадывались. Вовка однажды прямо спросил об этом Франца. Тот криво усмехнулся и ответил, что их раскидали по близлежащим интернатам для унтерменшей.

— Быдло должно работать, — «через губу» заявил им старший мастер-наставник, — они вам не равня!

— Да брешет он все! — заявил один из пацанов после разговора. — Вывели за периметр и пристрелили под забором, как бешеных собак. Чего зря время тратить...

С ним были согласны все мальчишки.

Вовка и Петька, или кадеты-псы Вольф и Петер, как обзывал их Франц, считались на «Псарне» лучшими. Вовка уже давно перестал дерзить воспитателям, убедившись в бесплодности таких попыток. Да и увеличивающиеся

нагрузки не оставляли времени и сил на дерзости. Но самой не любимой повинностью был для кадетов наряд на кухню. Ведь именно там мальчишкам приходилось резать ту многочисленную живность, которая попадала на их стол. Куриный супчик — руби головы петухам, мясной гуляш — режь горло телянку. И попробуй только откажись — в лучшем случае карцер, в худшем — прогонят сквозь строй, свои же собраты, кадеты, исполосуют спину шомполами. Поэтому по-первости закрывали мальчишки глаза и рубили петухам головы... Ничего, люди ко всему привыкают, привыкли и они. Год пролетел, словно его и не было. Отметить годовщину «Псарни» Роберт Франц решил своеобразно: выписал с Дальнего Востока, где отчаянно сопротивлялся вторжению Вермахта коммунистический Китай, эпелон военнопленных.

«Хватит пацанам стрелять по картонным мишеням и устраивать показательные бои друг с другом, — решил старший мастер-наставник, — пора натаскивать «Псов» на настоящую дичь!»

— Итак, — торжественно вещал Франц, стоя перед строем подтянутых кадетов, ничем не напоминающих прошлогоднюю толпу малолетних оборванцев, — сегодня мы празднуем годовщину вашей службы на благо Рейху! Вы все доказали, что являетесь настоящими мужчинами! От лица Командования благодарю вас за службу!

— Зиг Хайль! Зиг Хайль! Зиг Хайль! — выбросив вперед руку в едином заученном жесте, троекратно прокричали ломающимися голосами подростки.

— Сегодня вас ждет первое боевое крещение, — оговорил кадетов старший мастер-наставник.

По его сигналу на плац перед строем выгнали троих измученных китайцев.

— Эти желтые обезьяны недостойны дышать с нами одним воздухом! — заявил Роберт. — Они должны быть уничтожены! Кадет Путилофф — шаг вперед!

Вольф, терзаясь смутными догадками, вышел из строя.

— Держи, кадет! — старший мастер-наставник расстегнул кобуру и протянул тяжелый «Вальтер» Вольфу, предварительно сняв пистолет с предохранителя. — Убей эту макаку! — приказал он воспитаннику.

Вольф зажал рифленую рукоятку нагана во вспотевших ладонях так, что побелели костяшки пальцев.

— Смелее, курсант! — произнес Франц сквозь сжатые зубы. — Это же тупая скотина, умеющая только жрать и плодиться со скоростью саранчи! Стреляй!

Пистолет ходил ходуном в вытянутой руке Вольфа. Лоб покрылся испариной. Тяжелые капли пота сбегали по кончику носа и капали на серый пыльный асфальт.

— Не... могу... — выдохнул мальчишка, обессилено опуская пистолет.

— Вот, значит, как? — удивленно приподнял одну бровь старший мастер-наставник. — Дай сюда пистолет! — жестко потребовал он. — Тебе надоело жить?

— Нет, — опустив голову, бормотал Вольф, изо всех сил стараясь не расплакаться.

— Тогда в чем дело?

— Я... не могу... человека...

— Где ты увидел человека, курсант? Повторяю еще раз: эта тварь лишь только внешне похожа на человека! И эта образина, если ей представится такой случай, тебя не пожалеет! Слышь, ты, китаеза, — обратился Франц к военнопленному, — по-русски, или по-немецки понимаешь?

— По-русски мала понимаю, — затряс головой китаец.

— Жить хочешь?

— Оченья хочица! — Раскосые глазки азиата сверкнули.

— Если убьешь его — будешь жить! — громко, чтобы его слышали все, объявил Франц. — Дайте ему оружие!

Один из охранников сунул в грязные руки китайца тупорылый наган. Азиат нервно облизнул узкие губы и, быстро вскинув руку, выстрелил. Два выстрела слились в один. Никто не заметил, когда успел нажать на курок Роберт Франц. Зато все хорошо заметили, когда во лбу китайца появилось аккуратное красное отверстие. Азиат мешком рухнул на землю. Подскочивший охранник выдернул из его сведенных судорогой пальцев пистолет. Но выстрел китайца также достиг цели: Вольф, стоя на коленях, зажимал рукой окровавленный бок.

— Почему... вы... не сдержали слова? — шипя от боли, спросил Путилофф.

— Давать слово обезьяне — людей смешить, — просто ответил старший мастер-наставник. — Встать, Пес!

Вольф с трудом поднялся с колен. На его счастье, ранение оказалось легким. Старший мастер-наставник вновь протягивал ему рифленую рукоять пистолета. Место убитого китайца занял другой его соотечественник. Больше Вольф не раздумывал над тем, хорошо или плохо он поступает, лишая жизни человека... Хотя нет, не человека — тварь! А тварей нужно уничтожать, как правильно заметил старший мастер-наставник. И как было бы здорово, если бы все они все сдохли в одночасье...

* * *

— Я же говорил... — Густав Кранц нервно курил, глубоко затягиваясь. — Предупреждал вас, что эта затея изначально плохо пахла! Нельзя доверять оружие неполноценным! Неизвестно, в какую сторону оно повернется...

— Да, ты был прав, Густав, — со вздохом признал правоту обер-бургомистра Отго Розенбург. — Эти русские совершенно не поддаются

дрессировке! Даже дети! Надо же, какой-то сопляк застрелил старшего мастера-наставника! Боевого офицера победоносной армии Рейха!

— Я говорил, Отто, они дикари! Но никто не хотел меня слушать! Я предупреждал! Фюрера уже, наверное, проинформировали...

— Хватит ныть, Густав! — Гауляйтер в сердцах хватил кулаком по столу.
— Давай лучше подумаем, как эту историю преподнести фюреру...

**Распоряжение Главного Департамента
Оккупированных Территорий от 01.05.1963 г. № 597**

В срочном порядке расформировать специализированный детский военный интернат для неполноценных...

АЛЕКСЕЙ ИВАКИН

СБЫЧА МЕЧТ

Музыка стучала по вискам — «тыц», «тыц», «тыц». Огоньки гирлянд играли по хрустальным краям пепельницы.

Двое сидели и разговаривали.

— А я тебе говорю, что вермахт не совершал военных преступлений! СС — может быть! Ё! А вермахт — нет. Это же обычные люди! Как все! Как ты и я! Ну вот разве тебе в голову придет кого-то просто так убить?

— Мне — нет, — пьяно мотнул головой собеседник. — А немцу, немцу могло в башку прийти такое.

— Национальность тут ни при чем! — Оратор был толст, очкаст и весел. — Выродки есть везде! Но за эту выродость...

— Чего? — удивился тощий, длинный и унылый.

— На этих выроdkов, — поправился толстый, — всегда найдется управа. Вот смотри: литовцев, убивавших детей ломами, даже в СС не брали. Каминского с Дирлевангером расстреляли, кажется. Да?

— Ты же у нас спец... Значит, расстреляли, — согласился тощий.

— Так вот, о чем это я?

— О вермахте! — поднял указательный палец тощий.

— Они не преступники! Если бы немцы завоевали сталинщину, может быть, мы бы лучше жили, да?

Тощий опять кивнул и уронил на джинсы толстый пиджак пепла.

«Тыц-тыц-тыц-тыц!»

— Жаль, жаль! — вдруг всхлипнул толстый и обхватил голову руками.

— Что жаль? — тощий был все же чуть трезвее.

— А ведь пили бы сейчас не балтийское пойло, а настоящую «Баварию»! И жидов бы у власти не было!

— Так ты возьми «Баварию»! — широко махнул рукой длинный. — Я, вроде, видел в меню!

— Во-первых, она дорогая. Во-вторых — ненастоящая! Она тут, в Волгограде делается. У «Красного Октября».

Он осторожно ударил пухлым кулачком по столу. Стаканы не содрогнулись. А потом пришло внезапное опьянение.

— Лан... Я дмой... — пробормотал тощий. — И так жена наругается, что с запахом пришел.

— Иди... — согласился толстый. — А я посижу еще. Много думать надо! Тоший поднялся и — едва не опрокинув стул — пошатался к выходу. Толстый махнул сначала ему рукой, потом официантке:

— Еще поллитра, пожалста...

И закурил.

Потом прикрыл глаза.

«Тыц-тыц-тыц-тыц!»

Ну, а на самом деле бухгалтер Боря Волков очень сожалел, что немцы не взяли тогда Москву. Пришел бы конец этой проклятой россиянии под смешным названием эсесесерия. Или наоборот? Да какая разница?!

Боря закрыл глаза и представил...

Факельное шествие по Красной площади...

Марш эсесовцев, чеканящих шаг по Дворцовой...

Грозный «Хорст Вессель» в шесть утра над всей Европой...

Памятники «тиграм» на безбрежных просторах Руссланда...

Гигантские головы немецких солдат на границе с Сибирью...

Эстетика Третьего Рейха завораживала, привлекала, зачаровывала! Ну почему, ну почему мы проиграли?!

«Тыц-тыц-тыц-тыц!»

— Борис Волков? — тронул парня кто-то за плечо.

Он немедленно открыл глаза и уставился на незнакомца. А не... На двоих незнакомцев. Оба были похожи. Крепкие, стройные, голубоглазые, с волевыми лицами и мужественными глазами. Настоящие арийцы из «Триумфа Воли».

— Разрешите? — и, не дожидаясь разрешения, оба сели за стол.

— Вы — Борис Волков? — еще раз спросил один из незнакомцев.

— Да... А что? — нетрезво, но твердо ответил Боря. Предательски задрожал в венах адреналин.

— Приятно познакомиться, — дружелюбно улыбнулся один из них. — Алексей. А это — Валерий, — махнул он рукой на второго. Тот кивнул. Молча. Не улыбаясь.

— Борис, мы давно наблюдаем за вами...

— Мы? — испугался Боря.

— Нет... Не ФСБ, — засмеялся Алексей. Для себя его Боря определил как главного. — Мы...

И наклонился к уху Бори.

Тот содрогнулся еще больше. Он слышал о «Вервольфах», но видел их впервые. Естественно. «Вервольфы» были знамениты по всей стране — теракты, уничтожение идеологических противников, причем способами очень страшными и порой шокирующими. Чего стоило утопление в канализации одного очень высокопоставленного чиновника, уличенного в воровстве из Пенсионного Фонда! Ролик был снят на видео и выложен на Ю-Тубе. «Вервольфы» ставили целью возрождение национал-социалистического строя в России. Именно

— возрождение. Силовики только разводили руками и освобождали теплые кресла. Элиты безумствовали, народ безмолвствовал. И вот они тут...

Боря обреченно обернулся. Мир не изменился внешне: люди за соседними столиками смеялись, флиртовали, напивались, а вот он — конкретно взятый Боря Волков — как будто попал в совершенно другой мир. Жестокий, опасный, пахнущий кровью и порохом. Арийский такой мир. Мужской. Не для бухгалтеров.

— А как вы меня... — пролепетал он.

— Ваши ники на разных сайтах — Вольф, Король Артур, Герман Геринг, Ганс, Герр Оберст, Руссландер...

— Хватит, хватит... Я понял! — перебил Борис Алексея.

— Вы показали себя неплохим аналитиком с определенным литературным даром. Мы бы хотели вам предложить работу.

Боря удивился. Ему еще никто и никогда не предлагал работу. Бухгалтером по зарплате в свою фирму его устроил папа прошлым летом. Сразу после окончания института.

Удивился и обрадовался. Бледность на лице медленно сменилась нормальным розоватым оттенком цвета свежей ветчины.

— Ааа... В чем работа заключается? — спросил Боря, облизнув все еще сухие губы.

— Отслеживание в Интернете наших врагов. Врагов России. Еженедельные отчеты об их работе. Сбор всевозможных слухов по базе. Это пока. Позже — посмотрим на ваши успехи и, возможно, переведем на более высокую должность. Как видите, ничего криминального.

— А если я не соглашусь?

— Оплата в евро, — подал голос Валерий. — Тысяча в месяц. Чистыми.

— Если откажетесь... — мило улыбнулся Алексей. Так мило, что Боря опять вспотел. — Тогда мы просто уйдем и больше никогда вас не потревожим. Жаль только, что ваши эмоциональные, сильные статьи в защиту национал-социализма останутся пустым трепом. В новой России вам места не будет. Ей нужны люди дела, а не трепачи.

— В какой новой России? — пролепетал Боря.

— Об этом вы узнаете, если...

— Я согласен! — почти всхлипнул вконец протрезвевший Боря.

— Вот и ладушки. Вот и хорошо! — опять улыбнулся Алексей. — Тогда поехали?

— Куда? Я не могу, меня мама ждет.

Мужики не выдержали и расхохотались, переглянувшись.

А потом встали, громко отодвинув стулья, и пошли к выходу, продолжая смеяться.

Боря не выдержал этого смеха и, вскочив, побежал за ними.

— Эй! А счет?! — почти подпрыгнула официантка. Охранники моментально проснулись на крик, Боря, не глядя, бросил пару крупных купюр на стол и почти побежал вслед за Алексеем и Валерием, уже скрывшимися в дверях.

«Тыц-тыц-тыц-тыц!»

«Успел, слава Богу!» — мелькнуло в пухлощекой голове Бори, когда он увидел их, неспешно курящих у неброского автомобиля. «Маскировка!» — понял он и неуверенно подошел к мужчинам.

Те молча бросили окурки на асфальт, поливаемый октябрьским дождем, и стали садиться. Алексей кивнул Боре на машину. И тот, едва не упав, споткнувшись о бордюр, почти запрыгнул в заднюю дверь.

Ехали долго и молча. Даже музыка не играла. Боря пытался было заговорить, но ни Алексей, уверенно державший руль, ни Валерий не реагировали на его вопросы.

Город стал заканчиваться. Пошли какие-то коробки промзоны, затем лес, затем они свернули куда-то в темноту. Лишь бесконечный дождь оставался тем же, что и полчаса назад.

Влажная тьма молчала, окутывая машину и сидящего в ней Борю ватным одеялом неопределенности и беспокойства.

Внезапно машина остановилась.

— Приехали. Выходим, — сказал Валерий.

Боря шагнул новомодным ботинком прямо в жирную грязь. Ругнулся про себя и огляделся. Вокруг стояли мрачные гигантские здания, раззявившие бесстекольные хищные проемы черных окон. Здания были не то недостроены, не то заброшены. Где-то на ветру звякала какая-то жестянка.

— Пойдем, — сказал Алексей.

Боря кивнул и зачавкал грязью за ними, неуклюже подобрав полы длинного пальто. Какое-то странное чувство копошилось в душе, намекая ему: «Беги! Беги!» Но он понимал, что это уже бесполезно.

Потом они зашли в какой-то проем в стене одного из зданий. Под ногами что-то противно захрустело. Так противно, что зубы заныли, и в животе заурчало.

Валерий ткнул пальцем в стену. Что-то немедленно загудело, зарычало, затряслось, и тут стена раздвинулась, ослепив Борю ярким светом. А потом они зашли в лифт и стали спускаться.

Через пару минут лифт остановился. Они вышли в маленький коридор. А потом пошли по белому линолеуму, оставляя на нем грязные следы.

Около одной из неприметных дверей остановились.

— Тебе туда, — подтолкнул Алексей Борю к двери.

— Аааа...

— А у нас еще дела! — и почти запихнули Борю в комнату. А потом, улыбнувшись друг другу, пошли по этим самым своим делам.

В комнате было пусто. Стол и стул. Стул был свободен, а за столом, развалившись в кресле, сидел невысокий очкарик, который внимательно

изучал лист бумаги и время от времени водил по нему ластиком, что-то стирая.

Боря кашлянул.

Очкарик устало посмотрел на него:

— Новенький? Присаживайтесь.

Боря сел.

Очкарик взял другой лист.

— Имя, фамилия?

— Борис... Волков Борис.

Очкарик не представился в ответ. Просто почеркал чего-то у себя.

— Какой псевдоним предпочитаете?

— Э? — не понял Борис.

— Псевдоним. Позывной. Второе имя, — устало произнес человек.

— Вольф.

— Есть уже. Напрягите фантазию.

— Ммм... Камерер, — вдруг вспомнил Боря еще в детстве прочитанную фантастику двух братьев.

— Был такой.

—?..

— Предал. Поэтому и говорю «был».

— Гауптман!

— Необходимо нейтральное прозвище.

— Вы юрист? — вдруг догадался Волков.

Очкарик кивнул:

— Рысь. Меня зовут Рысь.

— Тогда я Россомах.

— Есть.

— Блин... — расстроился Боря.

— Берите Абрам и не выделяйтесь.

— Почему Абрам? — удивился Боря.

— Нипочему, — ответил Рысь. — Без ассоциаций. Теперь заполните анкету. И лучше не врать.

— А что будет? — тихо испугался Борис.

— Предательство. Вранье равно предательству. Быть честным — одно из качеств настоящего вервольфа.

— А остальные?

— Остальные узнаете в свое время.

Анкету Боря-Абрам заполнял минут пять. Легкая анкета. Возраст, пол, вес, место жительства, контакты. И подпись — «я согласен».

После того, как он заполнил небольшой лист, Рысь кивнул:

— Вы свободны.

— А куда мне сейчас? — спросил Боря.

— Вас встретят и проводят, Абрам.

Когда дверь за Борей закрылась, Рысь достал рацию:

— Первый?.. Первый, объект прошел регистрацию. Кто встретит?..
Понятно.

Потом он собрал бумаги и выкинул их в урну...

А Борю в это время встречал еще один «оборотень», мрачно буркнувший ему:

— Усатый, — но руку не протянул.

— Б... Абрам...

— За мной, Бабрам.

— Я...

Но Усатый уже его не слушал. Он широко зашагал по длинному светлому коридору, наполненному разнообразными людьми, то и дело выходящими из многочисленных дверей. В основном, это были мужчины. Но иногда появлялись и женщины, весьма, причем, привлекательные. Одной он попытался улыбнуться, но его улыбку перехватил стоящий рядом с ней мужик. И чуть вытащил из ножен кинжал. И ни тени эмоций на лице...

Боря спешно стал читать таблички на дверях. Одна из табличек заставила его сердце засбоить: «Расстрельная».

Из-за другой двери — с надписью «Кабачок» — донеслось веселое пение, сквозь которое было слышно звяканье стаканов. Или бутылок. Ну, в общем, чего-то стеклянного. Боря вздохнул, вспомнив о недопитом бокале пива.

Усатый неодобрительно покосился на Борю. Но промолчал, не сбавляя ход. Боря аж запыхался за ним перебирать ногами.

— Пришли, — наконец сказал Усатый.

И почти втокнул его в дверь со странной табличкой «ВС».

Потом чуть прислушался к происходящему внутри. Ничего не услышал. Поморщился. Зашагал обратно. Уже ехидно улыбаясь.

— О! Танк! Здорово! По маленькой?

— Не могу, — покачал головой высокий брюнет в черных очках. — Проект висит.

— Жаль, а там наши сидят — Азбука, Победа, Стефан...

— Не могу, Усатый, не могу... Извини! Нож, вона, без дела шляется. Его бери... А ты что тут? Новенького привел?

— Не совсем...

— Понял! Удачи!

Усатый кивнул и открыл дверь. Из комнаты пахло алкоголем и порохом.

Новенький в это время знакомился с людьми, сидевшими в комнате вокруг круглого стола. Перед каждым стояли мониторы, по которым бежали какие-то цифры, ползли какие-то графики, нарезались какие-то диаграммы.

— Абрам... — стеснительно поздоровался он, поняв, что попал в самый центр знаменитого «Вервольфа».

— Царь... Чума... Крокодил... Литр... Россомаха... Толич... Мешок... Гонщик... Корсарка... Югослав... Грязный... Космонавт... Шторм... Хорват... Берг... Нотова... Жеребец...

Нотова оказалась очаровательной, адски очаровательной брюнеткой, Валерий — Чумой, а Алексей...

— Имена забыл, да?

Абрам заискивающе кивнул.

— Отлично. Итак. Абрам... Прежде чем вы приступите к работе, вам предстоит пройти инициацию. Испытание, если не понятно, — сказал Берг.

— Понятно... А какое?

Борис вдруг испугался, что ему предстоит участие в карательной акции.

— Вы проведете день на нашем полигоне.

— Стрелять надо будет? Я не умею... — Боря опять замандражил.

— Нет. Вам просто надо быть самим собой. Но это «мир», несколько отличающийся от нашего.

— Не понял...

— Мы воссоздали полигон, который является моделью победившего Третьего Рейха. Каждый из новичков должен пройти его, — Берг внимательно смотрел на Абрама.

— Так это же здорово! — Боря аж подпрыгнул от радости. Хотя бы день, хотя бы день...

— Абрам, ты согласен?

Тот яростно закивал головой. Пусть игра, пусть! Но хотя бы так приблизить мечту!

— Отлично. Царь, вы готовы?

— Всегда... — меланхолично ответил высокий русоволосый мужчина с грустными глазами.

— Проходите вот в ту дверь, — указал подбородком Берг.

Борис открыл дверь и шагнул в темноту.

Царь подождал, пока Берг закроет дверь, и нажал на «Энтер». И лишь потом сказал:

— Камрады, а мы не слишком жестоки?

На что ответил только Крокодил, широко зевнув:

— За что боролись, Царь-батюшка, за что боролись...

Берг же скомандовал:

— Отсчет! Чума! Фиксируй!

— Есть, командир! Запись пошла!

— Переходный канал?

— Открыт!

— Три... Два... Раз!

... Летнее солнце ярко заливало улицу. Борис-Абрам широко улыбнулся ему и шагнул на ровный, как стол, асфальт. А потом громко заорал во всю глотку:

— Дойчлант! Дойчлант убир аллиз!

И тут же получил страшнейший удар в спину, от которого свалился на мостовую и едва не потерял сознание, разбив нос и ободрав лицо.

Потом оглянулся. Над ним стоял немец. Тот самый. Из фильмов. С полукруглой бляхой на груди цвета фельдграу.

— Русинше швайне! — прошипел немец. А потом залаял. Не по-собачьи. А по-немецки. Боря хотя и учил немецкий язык, но вылаливал из беглой речи только отдельные слова:

— Русский. Запрет. Зона. Тревога.

Откуда-то прибежали люди и начали его пинать. И тут Боря все же потерял сознание.

Очнулся уже голым.

Валяющимся на холодном кафельном полу.

— Наме?

— Абрам... то есть Боря! Борис! Я Борис!

Человек в сером костюме, сидящий за высоким столом, удивленно покоился на лежащего Борю, прикрывавшего одной рукой отбитое хозяйство, другой — вытиравшего кровь с лица.

— Юде?

— Нихт юде, нихт! Их бин руссинше! — Борю трясло от ужаса и боли.

— Руссин?

— Я, я!

— Абрам — руссин? — отчетливо произнес серый.

— Да говорю же, русский я! Не еврей!

Человек подошел к Боре. Небрежно пнул по локтю правой руки. Боря зашипел от электрической боли в суставе и отдернул руку. Человек надел пенсне и стал разглядывать междупальцы Бори.

— Нихт юде, — удовлетворенно отметил немец и снова сел за стол. Чего-то почеркал там у себя. Потом щелкнул по металлическому звонку. Боря даже не заметил, как появились двое в черном. Они подхватили его под руки и куда-то поволокли.

Немец же дописывал у себя в бумаге:

«В виду отсутствия идентификационных знаков рабочего скота оскопить в районной кастрировочной мастерской, отправить в лагерь «Коричневый Октябрь-два», выждать три недели согласно «Имперскому Закону о Пропаже Инструментов», глава восемь, пункт двенадцать. При обнаружении хозяина скот утилизировать. При обнаружении — штраф за использование незарегистрированного рабочего скота — пятьдесят имперских марок. Штраф за наличие органов размножения — триста марок. Заместитель начальника второго отдела Балаковской районной управы Саратовского гебитскомиссариата, чиновник третьего класса Макс Штолыгнагель. Десятое октября Пятнадцатого года Рейха»...

P.S.

Оставшееся они не смотрели. Надоело.

Просто пошли в кабачок и выпили по рюмке:

— За сбычу мечт, камрады!

— За сбычу!

А потом разошлись по домам.

А в Интернете появился новый ролик под названием «Он хотел Третий Рейх!»

И надо ли говорить о том, что никакого «Вервольфа» и не было никогда?

ВИКТОР КОЛЮЖНЯК

СОЛДАТСКАЯ ВЬЮГА

В се замечает солдатская вьюга из взмерзших капелек крови, крупинок махорки и пороховой пыли. Приправлена ветром перемен, с четким запахом спирта и дуновением надежды. Заволакивает поля сражений, закрывает глаза мертвым, хоронит их, унося с собою души, среди которых уже начались братания. Подхватывает последний вздох, доносит слова, слетевшие с губ, до родных и близких, чтобы знали. Чтобы помнили.

Лишь два человека, кутаясь в промокшую, пропахшую гарью одежду, ползут от мертвого к мертвому, собирая патроны. Один — почти старик — чуть подволакивает ногу и морщится каждый раз, когда неудачно задевает разбросанное оружие или упавшие тела. Другой — более молодой и сильный — беспрестанно оглядывается по сторонам. В глазах его застыл страх, а губы дрожат и шепчут бессвязно.

Оба ранены. Один — в тело, другой — в душу.

— Хватит, Михалыч. Хорош. Набрали больше, чем расстрелять успеем. Уходить надо, — молодой говорит тихо, голос его дрожит, а руки дергаются.

— Тебя бы расстрелять, — беззлобно ругается Михалыч. Задевает ногой чью-то винтовку, чертыхается, замирает. — И куда уходить будем, Гришка?

— Назад. К своим.

— Те свои тебя положат как чужого. Ты ж дезертир.

— А ты сдать меня вздумал? — на миг в глазах Гришки появляется страх, вперемешку со злостью. Рука неосознанно тянется к винтовке. Михалыч ухмыляется и отворачивается.

— Сам себя сдашь. Нервный больно.

— Прорвемся.

— Ты б так при атаке думал.

— Да хватит уже! — молодой сам пугается своего вскрика. Вьюга разносит его далеко-далеко по округе, но лишь мертвые слышат.

— Ну, пойдем, Гришка, — Михалыч встает в полный рост и идет назад. Туда, где свои.

— Сдурел?! — вновь кричит тот, но уже тише. — Совсем сдурел, старый? А ну ляг! Ляг и ползи, говорю!

— Отвали, — отмахивается Михалыч. — Вьюга спрячет. Стрелять некому. Паникер.

Он уходит все дальше, и вот уже силуэт начинает расплываться и пропадать.

— Подожди! — Гришка вскакивает, спотыкается, падает, едва не напорвшись на торчащий в руке мертвого штык, и тут же, забыв об этом, бежит догонять Михалыча.

Бушует солдатская вьюга. Воспоминания покрываются ледяной коркой, страх вымораживается, отвага не горячит кровь. Лишь спокойствие и равнодушное оцепенение. Двое бредут среди мертвых, да и сами от них недалеко. Михалыч, несмотря на боль в ноге, шагает быстрее своего спутника. Тот мысленно не здесь, а потому бредет еле-еле, и старшему приходится подстраиваться под его шаг, останавливаясь, чтобы догнал.

— Я что первый, кто струсил? — спрашивает Гришка внезапно. Голос глух, но чувствуется в нем затаенное несогласие.

— Не первый, — Михалыч не оборачивается. — Да и не последний. От этого легче, чтоль?

— Нет, — говорит Гришка, хотя на самом деле — да.

— Ну а что тогда?

— Я о матери вспомнил. Я у нее один остался.

— И что? Побежал искать?

Гришка молчит, насупившись. Затаил обиду и злобу, хотя чувствуется, как она волнами разбегается от него, теряясь среди вечной вьюги. Разбивается о скалу спокойствия Михалыча. А тот рассуждает дальше. Извлекает слова и складывает их в соответствии с мыслью.

— То не беда, что ты о матери вспомнил. Обычно дело о родных вспоминать, перед смертью. То беда, что ты ею трусость свою прикрываешь. Кабы была у тебя храбрость, то жизнь готов был бы отдать, лишь бы враг до матери не добрался. А ты бежать удумал. Смалодушничал. Слишком себя любишь, не привык за счастье драться. Один в семье был?

— Один, — отзывается Гришка.

— Вот то-то и оно.

— И что теперь, клеймить меня всю жизнь будут?

— Да кому ты нужен. Расстреляют и все, — смеется Михалыч. — И матери твоей придет письмо. Не о том, что погиб героем, а что смалодушничал. Что, дескать, не воспитала она достойного сына отечества, — он кашляет, останавливается, сплевывает и стоит с открытым ртом, вдыхая прогорклый морозный воздух. Снежинки залетают в рот и тают. Хочется пить.

— А у тебя семья есть, Михалыч?

— Да кто ж его знает.

— Это как?

— А так. Эвакуировали всех, а я на фронте. Писем никаких не доходило. Может — живы, а может — уже и того, — вновь сплевывает и заканчивает жестко, с оттенком горечи: — Не важно сейчас это. Смирился я уже, что нет их. И все. Воевать легче. Похоронил заранее, и душа не болит.

И не страшно. А коль закончится все хорошо, домой вернусь, и живы они окажутся, то это ж еще больше счастья.

— Странный ты, Михалыч.

— Страннее видали. Глянь-ка, а то у меня зрение не очень, чего там вдалеке светит?

— Не знаю, — Гришка прищурился. — Свет какой-то.

— Ровный?

— Ровный.

— Значит, фонари. В ту сторону заворачивай.

— А вдруг фашисты?

— Тебе не все одно сейчас? Люди же.

— Какие люди? Звери.

— Не наговаривай. Звери токмо ради еды убивают. Пошли.

Метет в лицо солдатская вьюга. Застилает взгляд, закрывая проблеск света. Бьет в глаза ледяной крошкой, заставляя наклоняться вперед. Ничего нет, кроме нее, и кажется, что так целую вечность будет, пока не упадут Гришка и Михалыч. Да и когда упадут — все одно. Разве что никто этого не увидит.

А в какой-то момент, будто сдавшись, расступается, и вываливаются солдаты в спокойствие и тишину морозной ночи. Будто бы и не вьюга то вовсе, а лишь стена, отделяющая благополучие мира от безнадеги войны.

— Гляди, Михалыч, деревня.

— Сам вижу.

— Чудная только.

— Вот то-то и оно.

Дома выстроились аккуратными рядами. Поблескивают стекла. Повсюду чистота и уют, словно нет рядом войны, а Михалыч с Гришкой вывалились из совсем другого мира.

И тишина. И улицы пустынные. Лишь где-то вдали, спрятавшись в теплом хлеву, мычит корова.

— Не наша деревня, Гришка.

— Я — городской.

— Да не. Совсем не наша.

Михалыч показывает пальцем на табличку с номером дома. Номер обычный. Две цифры — три и четыре. А название улицы вычерчено никак не кириллицей.

— Фашистская, — говорит Гришка.

— Откель знаешь?

— Немецкий учил.

— Грамотный, значит. Что написано?

— Яблочная улица.

— Понятно.

А Гришке не понятно. Он уже и позабыл о своем проступке в прошлом.

Сейчас мысли его стучаются друг об друга и путаются, скатываясь в клубок. Только неясно, за какую потянуть, чтобы распутать.

— Откуда ж фашистская? Мы ж под Тулой были. Откуда там фашистская деревня?

— Не знаю. Да только вот она, — Михалыч хмурится. Щурится, глядя в чужие буквы, а затем снимает с плеча винтовку. — Держись настороже.

Гришка, путаясь в ремне, торопливо вооружается и поглядывает по сторонам. Все тихо.

— Куда? — спрашивает шепотом Михалыча.

— Туда, — кажет тот пальцем. — Не слышишь, чтоль?

Молодой напрягает слух и различает где-то вдали голос. Ровный, четкий, привыкший руководить и подчинять.

— А зачем нам туда? — Гришка сглатывает. — Еду найти и дальше, к своим.

— К своим успеется, — Михалыч вновь кашляет и сплевывает на снег. Слюна буро-желтая, с комочками слизи. — А пока к чужим сходим.

Он поворачивается и идет, не оглядываясь на спутника. Тот поначалу крадется к дому, намереваясь разжиться чем-нибудь, а потом, тихо выругавшись, бросается за удаляющимся Михалычем. С ним спокойней.

Вьюга не ушла безвозвратно. Она где-то рядом воет, не способная проникнуть внутрь деревни. Но никто не слышит ее плача-угрозы. Все внимают человеку в черном.

Он стоит посреди площади, внутри квадрата таких же «черных» людей. Вокруг толпятся, судя по одежде и позам, жители деревни. Они внимательно слушают и, кажется, мысленно находятся не здесь, а там, куда их ведет человек в черном.

— О чем говорит? — спрашивает Михалыч.

Гришка морщит лоб, вслушивается в чужую речь, тщась различить смысл.

— О Солнце.

— Так ночь же.

— У них крест, свастика который, это древний символ Солнца.

— Про свастику, чтоль, рассказывает?

— Нет. Про то, что немцы — избранный богом народ и Солнце им принесет удачу.

— То-то я гляжу, они тогда с утра пораньше напали, — Михалыч сплевывает. Красноты, кажется, уже больше. — Только про это говорит?

— Нет, про то, что Солнце вскоре будет вечно светить.

Михалычу сейчас хорошо. Они сидят на лавке, за углом дома, и слушают человека в черном. Просто сидят и слушают. И даже нога не болит — удалось ее удачно пристроить.

— Говорит: взорвут Луну с помощью ракет, и она солнце закрывать

перестанет, — Гришка тревожно смотрит на Михалыча. Тот смотрит, запрокинув голову, в звездное небо.

— Вона как удумали. Слушай, Гришка, а ты случаем не шпион?

— Чего?!

— Не кричи. По-ихнему разумеешь, про свастику знаешь, вот и завел меня сюда.

— Да ты ж сам впереди шел, Михалыч.

— Но к своим-то ты меня звал, али нет?

Гришка молчит, не зная, что сказать. С тем, что он трус и дезертир — худо-бедно свыкся, а вот что его еще и к шпионам причисляют — это уже другое дело. Это уж точно несправедливо.

— Я к тому, — продолжает Михалыч, — что ежели ты шпион, то давай сейчас пойдем, ты меня сдашь. В лагерь отправят, но так хоть выживу. А то ведь неизвестно, как иначе повернется.

— Да не шпион я. Студент. Филолог.

Пауза, во время которой Михалыч искоса поглядывает на Гришку. Затем вздыхает и отворачивается. Только тут студент замечает, что винтовка товарища направлена на него.

— Ты чего? Ты меня? Ты...

— Тихо, — обрывает Михалыч. — Обознался, с кем не бывает. Ну, коли ты не шпион, студент, то пошли, значит, Луну спасать. Мне парторг говорил, что бога нет. А раз нет, никто этих — кивок за стену — не выбирал.

— Их там человек двадцать охраны только.

— Опять трусишь?

— Да не трушу я. Но как мы вдвоем? Зря только ляжем. Надо к своим пробиться и доложить.

— Складно говоришь. А все одно, пошли. Свои далече, а мы тут. Рядышком.

Все замечает солдатская вьюга. Страх и сомнения укрыты решимостью, а холодное дыхание смерти не различить средь морозного воздуха. Оттого и не страшно. Твердая корка спокойствия покрывает Михалыча, а Гришка, глядя на него, спрятал подальше свой стыд. Все можно исправить.

— Ты, Гришка с той стороны заходи, а я с этой останусь. Нога болит далеко ходить. Гранаты есть у тебя?

— Да, — связка оттягивает руку.

— Возьми себе парочку, а мне остальные оставь.

Гришка не спрашивает, зачем. Догадывается, гонит эту мысль от себя, но не спрашивает, чтобы удостовериться. Надеется, что ошибся.

— И деревенских не трогай, — напутствует Михалыч. — Ни к чему.

— Хорошо, — Гришка кивает, затем, вытянувшись по струнке, отдает честь и идет в обход дома.

— Студент, — плюется Михалыч. Но беззлобно. Скорее даже весело.

Винтовка выцеливает человека в черном, да только выстроились рядом с ним защитники. На себя удар оттягивают.

— Ну и принимайте, — бормочет Михалыч, выстреливая.

И тут же с другой стороны дома доносится второй выстрел. У старшего — убитый, у младшего — раненый.

— Молодо-зелено, — охотничий азарт охватывает Михалыча, который выискивает черную фигуру среди упавшей на землю, но враз вскочившей и заколыхавшейся толпы. Стреляет еще раз, но мажет. Приговаривает наставительно: — Луну они взорвать удумали, ишь чего. А спать когда? А с девками кувыраться? А яблоки у соседей воровать? Нет, брат-фашист, так дело не пойдет.

Гришка тем временем пристреливается. Еще двоих кладет — ранеными или убитыми, не разобрать. Но и немцы не сидят спокойно. Командира прячут в ближайший дом, охрану выставляют, а сами рассыпаются по кустам-канavam и крадутся к стреляющим. А вперед себя, словно стадо, гонят огромную толпу деревенских. Те боязливо жмутся друг к другу, оглядываются по сторонам, то один, то другой падает и отказывается идти.

— Заварили кашу, студент! — кричит Михалыч.

— Целый котел! — отзывается Гришка.

— Вот то-то и оно, — и отцепляет гранату.

Солдатская вьюга бьет по разбитым окнам, задувая внутрь дома. Наметает на головы снежно-стекольную крошку. Доносит звуки выстрелов и немецкую речь. Иногда, наперекор вьюге, влетают и пули. Впиваются в противоположную стенку и застывают навеки в спокойствии.

— Чего брешет? — спрашивает Михалыч.

— Предлагает сдаться. Жизнь обещает.

— Добрый какой, — дыхание перехватывает, но спустя секунду отпускает. — Ну что, студент, спасли мы Луну?

— Не знаю, — Гришка пожимает плечами, быстро вскидывает винтовку и стреляет в ночную темень. — Может, и не они взрывать собирались. Может, просто рассказывали людям, чтобы не пугались, когда случится.

— А я все-таки думаю, что спасли, — Михалыч кивает своим мыслям. — Вот ты, Гришка, молодой. Тебе ведь мечтать положено. Мечтаешь?

— Мечтаю, — помедлив, соглашается тот.

— О девках поди? — слово это — «девки» — звучит у него по-доброму. Почти ласково. Гришка же не отвечает. Делает вид, что не расслышал, но Михалычу не нужен ответ, он продолжает свою мысль: — О девках тоже хорошо мечтать. Чему бы нет? Дело-то молодое. А я вот думаю: победим мы фашистов и отстроим страну заново. И мои все живы окажутся. Настроим своих ракет, но только чтобы не взрывать, а чтобы на эту самую Луну полететь или еще куда дальше. И будут они стоить ну три копейки. Как на трамвае скататься. И вот правнуку моему, или праправнуку, на десять лет подарят настоящую ракету, и отправится он на Луну. Прилетает,

выходит, смотрит, как там все, и думает: «А вот если бы не дедушка, не было бы ничего». Красиво, а?

— Красиво, — соглашается Гришка. — А почему именно на десять лет?

— Да так. Для ровного счета.

Они разом вскакивают, стреляют, а затем падают на дощатый пол, вжимаясь. Пули проносятся мимо, засыпают товарищей щепками, свистят пронзительно.

— Ты вот что, студент, ты главное запомни: Воронов Василий Михалыч. Если что, разыщи моих, скажи: «Отец Луну спасал», — смех Михалыча переходит в кашель.

— Чего удумал, — спрашивает Гришка. — Куда я денусь? Да и дом окружили.

— Сейчас разокружат. А ты побежишь. Я все одно не жилец уже, — сплевывает, и становится видно, что слюна ярко-алая.

— Сам дезертиром обзывал, а теперь бежать принуждает. Я останусь.

— Дурак ты, студент. Хоть и умный, а дурак. Когда вместе со всеми воюешь — тогда и погибнуть не жалко. А когда один остался — главное, выжить.

— Я не один.

— Сейчас будешь.

Михалыч подтягивает к себе ближе связку гранат. Прицепляет часть к поясу, а остальные в руках держит.

— Ползем к выходу. Я выбегаю, кидаю, а тут и ты бежишь, пока прячутся. Ясно?

— Не брошу я тебя.

— Дурень. Погибнешь, а семье никто не сообщит.

Гришка молчит. Он понимает, что Михалыч прав. Что геройство сейчас не нужно и ни к чему. Геройствовать выпало старшему. А ему выпало постараться выжить, что труднее. Свой шанс Гришка сегодня уже упустил, а потому то, что ему надо сделать, еще больше бьет по совести.

— Понял? — переспрашивает Михалыч.

— Да, — бурчит Гришка.

— Вот и отлично. Поползли.

Все замечает солдатская вьюга. Заметет она и следы той чудной тропы, что вывела Михалыча и Гришку из-под Тулы прямо в немецкий тыл. Скроет силуэт, бредущий назад, к своим. Разметает по всей планете слова Михалыча. Луна достанется одним, ракеты по три копейки другим, а правнуки третьим.

Гришка ковыляет, опираясь на винтовку, как на костыль. Попали все же в ногу, когда убегал. Не все отвлеклись на Михалыча с гранатами. Гришка помнит его ухмылку, его рассуждения, желание во что бы то ни стало победить. Видит, словно наяву, прямую спину и шаг широкый, с отмашкой.

Все останется в памяти, и никакая вьюга не укроет этот образ. Да она и не собирается.

ФЕДОР ГАЙВОРОНСКИЙ

ДОЛИНА СМЕРТИ

отступаете, сыночки?

— Отступаем, мать, — за всех ответил лейтенант с почерневшими от пота петличными кубиками, — отступаем...

— Что же так-то, а? Почему же немец сильнее нас оказался?

Бойцы молчали. Они сами не понимали, что происходит. Танки горели, бомбардировщики падали, не долетев до цели, потому что истребители, которые должны были эти бомбардировщики охранять, куда-то вдруг подевались, батальоны гибли и отступали, а выжившие бойцы превращались в похожие на банды кучки голодных, измученных людей.

Леня Петров, белобрысый худой паренек, сидел на скатке в углу избы и трогал скулу. Скула ныла, напоминая о том, о чем хотелось забыть. Когда их «сорокапятку», успевшую сделать целых два выстрела, разнес в хлам немецкий танк, лейтенант дал приказ ползти к лесу. На опушке они нарвались на двух немцев, пехотинцев. Один споро оправлялся по нужде в кустах, а другой его охранял. Леня не смог вовремя ударить немца штыком. У него, до смерти напуганного недавним боем, грохотом, взрывами и свистом пуль, дрогнула рука, и враг успел выстрелить. Этого немца убил лейтенант, из ТТ. Второго, который даже не надел штаны, прикончил прикладом Вася Липатов, крепкий, деревенский парень. А Леня получается, трусил. Красноармейцы побежали в лес. За спиной громыхали взрывы, слышался рокот танковых моторов. Они бежали минут десять, задыхаясь и обливаясь потом. Позади всех тащился Петров. Потом они остановились, отдышались, попили из фляг воды и увидели, что Усланова с ними нет. Все посмотрели на Леню. Леня молчал. Он понял, что Усланова убил тот немец, который так неожиданно вышел из кустов с винтовкой.

Лейтенант побагровел. Он выхватил пистолет и прокричал, что за проявленную трусость по законам военного времени красноармейца Петрова надо расстрелять. Лейтенанта удержал Липатов. Лейтенант быстро остыл, но когда застегнул кобурку и поправился, с размаху съездил кулаком по Лениному лицу. А Леня, если честно, был даже благодарен ему за это. Потому что его руки до сих пор дрожали, потому что перед глазами все еще стояло удивленное лицо немца. Оно не было злым. Немец совершенно не походил на того человека, которого нужно было убивать. Он скорее напоминал Лене его соседа, Виктора,

который работал на машиностроительном заводе. Разве можно такого человека убить? Но немец убил Рината, того самого, улыбчивого симпатягу. Правда, когда Леня увидел немца, он еще не знал, что тот может кого-то убить. «Убил бы, если бы знал?» — спрашивал Леня себя, бредя лесом позади товарищей, и отвечал сам себе: «Сейчас, когда Рината нет — убил бы, а тогда...»

Они шли два дня, держа направление на северо-восток. А на третий день нашли деревню.

Деревня была небольшая — пять дворов. Все жители, за исключением древней старухи, ушли, а старуха осталась. В тот момент, когда ее, глуховатую, окликнул лейтенант, она доила корову. Старуха накормила их кашей, щами, напоила молоком. К вечеру пошел дождь. Бойцы, собравшиеся было ночевать на сеновале, остались в доме. Уснули все, за исключением Лени. Он сидел в углу и думал.

— А ты сынок, что не спишь? — добродушно спросила старуха.

Леня даже вздрогнул. За эти пятнадцать дней войны с ним впервые заговорили по-человечески. Не криком, не приказом с руганью, а просто так, как говорила когда-то бабушка, когда была жива. Красноармеец Петров посмотрел на хозяйку глазами, полными слез. Его губы дрожали. Старуха сказала, не дождавшись ответа:

— Пойдем-ка на крыльцо.

И первая зашаркала к двери.

На широком крыльце было хорошо. Дождик мягко стучал по дощатому навесу. Пахло свежестью, лесом и молоком.

Они сели на лавочку. Леня не выдержал и расплакался, уткнувшись в старухино плечо. Та гладила его по спине, успокаивала. Леня припел в себя. Утер ладонью слезы, рассказал хозяйке про Усланова, про лейтенанта. Под конец спросил:

— Что же мне теперь делать, я трус, да?

— Ох, — вздохнула та, — с кем не бывает. Война, она ведь тоже сноровки требует. Привыкнешь. Человек ко всему привыкает. Взрослые мужики вон свиной резать боятся, потому что жалко, а ты человека сразу хочешь убить! Лет-то тебе сколько?

— Двадцать... — тихо сказал Леня.

— Мать жива?

— Жива. В Воронеже живет.

— А отец?

— Отца нет.

— Помер?

— Ага. На заводе селедкой в тридцать восьмом отравился. Говорили, что вредительство это было.

— А в армии ты давно?

— Не-а, с этой весны.

— Стало быть, ты у мамки один?

— Один... — выдохнул Леня, и сразу подумал о том, что его, как

Усланова, тоже могут убить, и скорее всего, убьют, потому что он всегда был самым невезучим и в классе, и на улице.

— Вот убьют меня, — продолжил Ленья, — никого у мамки не будет.

— Нет, сынок, тебя не убьют. Если не будешь кровь понапрасну лить.

— Как это? — удивился Ленья.

— А так. Идет враг на тебя — убивай, а если пленный — жалей. Сам в плен попасть можешь. Вошел в село — не грабь, девок не порть. Добрые люди везде есть, сами все дадут, что солдату надо. А нет — значит, не пришлось. Солдат своих, коли командиром станешь, на смерть зря не посылай. Начальство начальством, а сердце свое слушай, попрежде всего. И молись всегда перед боем. Молитвы-то знаешь?

Ленья собрался сказать, что он — комсомолец, но почему-то не решился и ответил:

— Нет.

— Ну, так хоть в мыслях перед боем попроси Божью Матушку помочь. Она людей никогда не оставляет. Будешь мимо церкви проходить, поставь свечечку. Николаю Угодничку, всем святым и Матушке. Послушайся меня, сынок, во все времена это помогало. Не нами обычаи эти заведены, не нами их гнущаться.

— Буду, бабушка... — тихо, чтобы ненароком не услышали товарищи и, особенно лейтенант, сказал Ленья.

— Это — ладно.

Помолчали. Ленья молчал потому, что думал: а варут и, правда, если он будет молиться и Богородицу вспоминать, его не убьют? Может, поможет? Ведь так уверенно говорила старуха, а она старая, бывалая. Да, он будет молиться, Богородице с маминым лицом. Так, во всяком случае, будет спокойнее и не особенно страшно. Старуха тем временем сходила в дом, принесла темную, пропыленную бутылку.

— Сына, — сказала она, появившись на крыльце, — молитвы молитвами, а еще кое-что сделать нам надо. Товарищи твои спят? Спят. Вот и пошли со мной.

— Куда? — всполошился Ленья.

— Не спрашай, иди и все...

Ленья почувствовал в ее голосе настойчивость и покорно, прихватив на случай винтовку, пошел за хозяйкой следом.

Они углубились во влажный от дождя лес. С листьев текла вода, поливая гимнастерку, шею, лицо. Ленья шел, недоумевая, но почему-то знал — это действительно надо. Вскоре впереди показалась поляна. Посредине, в ложбинке, лежал тяжелый камень, напоминавший гигантскую черепаху.

— Это Гром-камень, — сказала старуха, — пей, — она вытащила из бутылки пробку, — до дна пей.

Ленья глотнул. Жидкость была горькой и отдавала гнилью.

— Пей!

И Леня выпил все. До дна.

— А теперь сними пояс и сдвинь камень!

Слова старухи сделались странными. Леня не слышал их. Они звучали в его голове. Красноармеец Петров положил на землю винтовку, бросил на нее ремень и уперся в Гром-камень. Глыба осталась лежать на месте.

— Сильнее!

Петров стал кряхтеть от натуги, чувствуя, как лицо наливается кровью. Казалось, от крови голова его вот-вот лопнет, но этого не произошло. Гром-камень затрещал, отрываясь от мха, и откатился в сторону. Под ним открылся черный бревенчатый сруб, вроде колодца, на дощатом дне которого — Леня не поверил своим глазам — лежали круглый щит, славянский шлем с забралом, кольчуга и меч.

— Надень их!

Леня стал на колени и достал доспехи. Прямо на гимнастерку он надел кольчугу. Как свитер. Старуха затянула на вороте кольчуги ремешок, и стальные кольца плотно охватили гимнастерку. Потом старуха вынула из шлема плотную войлочную шапку с загнутыми краями и дала ее Лене.

— Надевай!

Леня надел шапку, поверх нее — шлем, оказавшийся тяжелее каски. Петров подпоясался солдатским ремнем, кинул через плечо широкую перевязь меча.

— Вынь меч!

Леня просунул ладонь в кожаную петельку на рукоятке и вытащил из ножен тусклый клинок.

— Иди! — сильный толчок в спину повалил его на землю, а когда Леня встал, то понял, что находится в совершенно другом месте. Перед ним лежала земля без травы, унылая холодная пустыня, через которую текла, казалось, неподвижная река с единственным бревенчатым мостиком. Пустыню наполнял туман, похожий на прозрачную дымку. За рекой виднелись очертания гор. Леня направился к мостику. Но когда он миновал половину, на другом берегу, прямо из воздуха появился тот самый немец. Он держал винтовку наперевес и шел на Леню. Петров растерялся, но, вспомнив про меч, поднял его перед собой и пошел навстречу. С каждым шагом страх уходил, сменяясь усиливающимся желанием, очень похожим на жажду. Леня никогда прежде не испытывал такой странной жажды. Он даже не знал, что такая жажда существует на свете. Страшная, неутоляемая жажда. Жажда чужой смерти.

Немец выстрелил. Лене было все равно. Одна пуля больно ткнулась в грудь, в самую кость, но лишь помяла кольца кольчуги. В груди стало нестерпимо больно. Леня качнулся, но продолжал идти. Немец перезарядил винтовку и выстрелил снова. Пуля ударилась в забрало-личину, чиркнула по кромке шлема, оторвав войлок шапки. А Леня шел. И вот немец уже перед ним. Совсем близко. Глаза врага источают животный страх, лицо

перекошено. Немец страшен и жалок. Он визжит, как женщина. Такого врага, ничтожного, обуянного страхом, убивать приятно. Леня ударил немца мечом по плечу. Так он рубил когда-то топором мясо, которое мама приносила с рынка. Он никогда не разрубал куски сразу. Топор всегда застревал в костях. Так случилось и сейчас. Меч застрял в немце. Леня выдернул меч из врага и собрался ударить снова, но немец уже упал. Враг лежал у сбитых ботинок Лени, и его рука с часами в предсмертной судороге хваталась за обмотки. Петров захотел изрубить врага в куски, но вспомнил слова старухи: «...Если не будешь кровь понапрасну лить», и сдержался, умерив пыл. Он перешагнул через труп и ступил на тропку, ведущую к горам, протоптанную неизвестно кем и когда. Он не помнил, сколько шел — день, час? Вышел к пещере. Она была огромна, и свод ее был закопчен. Леня остановился в нерешительности у входа, решив подождать, — может быть, кто-то выйдет из пещеры навстречу. И не ошибся. Из пещеры вышла его бабушка. Она была точно такая, какой он ее помнил — морщинистая, совершенно седая, с гребнем в узле волос, в коричневой кофте и черной шерстяной юбке. Бабушка ласково посмотрела на Леню и сказала:

— С войны вернешься, береги мать.

И коснулась его ладони. Ладонь словно обожгло, Леня проснулся. Его тормозил за руку Вася Липатов, а лейтенант стоял в дальнем углу избы, напротив пыльного слеповатого окна и, застегиваясь, не говорил, а прямо шипел, косясь на Петрова:

— И где же ты, гнида, самогон раздобыл? Ты у меня за все ответишь...

Голова гудела, Леню шатало. Кости ломило, особенно грудь. Он совершенно не помнил, что было вчера, и долго вспоминал, где взял самогон. Но не вспомнил ничего.

Старуха наполнила их молоком и, провожая с крыльца, все махала вслед белым платком с растрепанной, седой головы. И когда Леня оглянулся назад, он вдруг понял, что она, эта почти черная от солнца русская крестьянка, уже знает все, что случится с ними на этой войне. Он помахал ей рукой и побежал, догоняя товарищей...

Семьдесят пятую годовщину Победы Леонид Аркадьевич Петров отмечал один. В этот год никто из фронтовиков в парк не пришел. Тех, кого пощадил пули, не пощадил время. К Леониду Аркадьевичу подходили молодые ребята, офицеры, солдаты, в другой, непривычной форме. Они пили с ним за Победу, и потом вторую, не чокаясь, за ребят. Они обнимали деда Леню и дарили, кто что мог — деньги, значки, часы, фуражки... Старший лейтенант Петров махался с ними не глядя, и отдавал свои медали и ордена на счастье этим ребятам. Он знал, что они принесут им счастье, что помогут в бою, потому что вмятина на груди от той немецкой пули, остановленной кольчугой, ныла с утра. Значит, к полудню соберется дождь....

ДМИТРИЙ ЗОТИКОВ

ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД «КАССИОПЕЯ»

Конец лета 1987 года.

Поезд «Воркута — Ленинград». Вагон «СВ»

Позади у меня три месяца работы в объединении «Воркутауголь», впереди преддипломная практика. Наличие в кармане двух тысяч рублей позволяло рассчитывать на недельный тур по Прибалтике и на несколько походов с друзьями по питерским ресторанам.

Весной до Воркуты пришлось добираться в общем вагоне, причем денег хватило только на билет до Котласа. Остальной путь проделал благодаря личной договоренности с проводницами, развлекая их почти сутки анекдотами и песнями под гитару. Воркута запомнилась тундрой, покосившимися из-за вечной мерзлоты домами и удивительной асфальтовой дорогой. По этой дороге, выехав из города через шахты Воргашорскую и Хальмер-Ю, спустя три часа прибываешь на место старта. Причем едешь только по прямой. Такая вот северная аберрация.

Впрочем, я отвлекся. Итак, поезд «Воркута — Ленинград». Вагон «СВ». Сосед — старичок. Пиджак — весь в орденских планках. Читает «Советский Спорт». Я сбегал в вагон-ресторан, купил бутылку армянского коньяка 5 звездочек (25 р.), взял у проводницы два стакана и пошел налаживать контакт с пенсионером.

Василий Тимофеевич Сухарев. Гостил на севере у дочери. Живет в Ленинграде. Воевал. Дошел до Пиллау (город такой под Кенигсбергом). Бутылка коньяка и темы для разговора закончились быстро, и я, было, собрался идти знакомиться с проводницами, как вдруг мой захмелевший сосед, вспоминая свои военные подвиги, сказал:

—...Партизанский отряд «Кассиопея» под командованием капитана Кребса был создан осенью 1942 года...

Я терпеть не могу треп на исторические темы. Партизанского отряда с таким взвесным названием существовать в принципе не могло. Тем более под командованием капитана с типично немецкой фамилией.

— Василий Тимофеевич. Объясни студенту, что за «Кассиопея» такая? Может, у тебя что-то с памятью не в порядке?

Мой попутчик обиделся.

— Молод ты еще, жизни не нюхал. Хочешь услышать историю, которой ни в одной книжке про войну нет и, верно, никогда не будет? Беги за бутылкой...

Деваться было некуда, да и старик меня заинтересовал. Я слетал еще раз в вагон-ресторан, налил по сто грамм и приготовился слушать. Рассказ Василия Тимофеевича меня настолько потряс, что по прибытии в Питер я даже записал его по памяти:

«Весной сорок третьего года по приказу начальника штаба партизанского движения я был заброшен в тыл немецко-фашистских оккупантов в район города Чернигов. Наши войска готовили большое наступление, и моей задачей была активизация действий партизанских отрядов. Летели ночью на ПО-2. Во время прыжка с парашютом я повредил ногу и оказался в лазарете отряда «За Родину». Первый раз за всю войну выспался, как следует. Кроме меня в лазарете лежал с легкой контузией партизан по имени Фрол. Фамилии, хоть убей, не помню. Разговорились. Он все про Москву расспрашивал, удивлялся, что метро работает, театры, музеи. Курил много. Во время одного из таких перекуров заметил я у него зажигалку любопытную. Ни на каком ветру не гасла. Сделана была из металла, похожего на серебро. Только крышечку откроешь, огонь сам загорается. Чудо, а не зажигалка. Я давай выпытывать, где взял. Фрол сначала отмалчивался, но я мужик настырный, достал его по полной программе. Фрол скрутил очередную самокрутку, прикурил.

— Где взял, где взял. Подарили мне ее в партизанском отряде «Кассиопея». Командир ихний, Кребс.

Так я впервые услышал об этом отряде. В центре меня снабдили списком всех партизанских соединений, действовавших в том районе. В том числе бандеровских и власовских. Сейчас об этом никто не знает, но в войну много чего происходило. Случалось, даже немцы организовывали подконтрольные себе отряды, вроде как партизанские, а наши им оружие поставляли и комиссаров высылали для контроля. Представляешь, каково это — угодить комиссаром в такой вот отряд! Короче, никакой «Кассиопеи» в моем списке не было. Да и название какое-то чудное. Стал расспрашивать. Фрол молчал, как партизан на допросе в гестапо. Однако вынутая из вещмешка бутылка настоящей «столичной» быстро развязала ему язык.

— Оттуда они, — он ткнул пальцем в небо, — с созвездия «Кассиопея».

«Да, не надо было ему наливать. Водки жалко, такой больше не достанешь», — подумал я, но вслух произнес:

— Чего же они тут делают?

— Авария случилась, вот они к нам и е...сь.

Я вовремя вспомнил, что у Фрола контузия и больше расспрашивать не стал. А потом нога, наконец, зажила, и я направился к командиру отряда «За Родину» майору Филипчуку. Тот встретил меня радушно, как и принято встречать представителя центра. Обсудили план боевых действий, выпили

немного. Тут я вспомнил о Фроле и рассказал майору про партизанский отряд инопланетян в надежде вместе посмеяться. Но Филипчук остался серьезен:

— Да, есть такой отряд. Бывал я у них в гостях.

— Ты что, майор, тоже с ума спрыгнул? Какие у нас, на хрен, инопланетяне?!

— «Какие, какие». Настоящие. У них авария на корабле случилась. Они к нам, в зону боевых действий, и свалились — на свою голову...

— Ладно. Теоретически я даже готов допустить, что в черниговских лесах потерпел аварию корабль с другой планеты. Но в партизаны-то им зачем было идти?!

— А что им оставалось... Когда их корабль приземлился, немцы решили, что это наш десант, и выслали на поиски батальон из города. Кребс, командир корабля, был вынужден принять бой. У них тогда еще свое оружие работало. Пушки такие, лучом били невидимым. Даже деревья срезали. Ну, весь батальон они и положили. Немцы разозлились, и целый полк СС выслали — «Мертвая голова». Те лес окружили, а жителей окрестных деревень взяли в заложники. Кребс тогда и принял решение бороться с немецко-фашистскими захватчиками. Короче говоря, объявил, что весь личный состав корабля мобилизуется во вновь созданный партизанский отряд «Кассиопея». Они с этого созвездия к нам прилетели. То есть с какой-то там отдельно взятой звезды, или как ее, но — оттуда. Затем Кребс разработал целую войсковую операцию, вышел из окружения, разгромил эсэсовцев и освободил заложников. Больше немцы к ним не совались. Кребс тогда большие трофеи взял. Я когда услышал об этой операции, в гости к ним напросился. Корабль видел. Большой такой, ельник замаскированный. В отряде двести бойцов. После боя много раненых было. Сколько убитых, не знаю. Я им медикаментов подкинул, взамен десять «шмайсеров» получил и два ящика патронов.

— Послушай, майор. Предположим, я тебе верю. Но почему ты в центр не сообщил?!

— Чтобы там меня за сумасшедшего приняли? Нет уж. Сами сообщайте, а нам еще с ними воевать вместе. Если не верите, возьмите проводником Фрола, он у Кребса полгода воевал, да и наведайтесь к ребятам. Заодно спирту передадите. Я им давно обещал.

Меня заело. Естественно, я не поверил ни одному слову майора. Видно, они все здесь контуженые. Или это постоянная жизнь в лесу так дает о себе знать...

На следующий день мы с Фролом отправились в путь. За время нашего путешествия я узнал, что инопланетяне взяли под свой полный контроль несколько деревень. Открыли школу, магазины. Местных жителей не обижают. За продукты рассчитываются всякими интересными штучками типа вечных зажигалок. Девки к ним, к инопланетянам, так и липнут, так как те ребята завидные. Все под два метра ростом, бороды рыжие, глаза

голубые. Командир сначала запрещал своим бойцам общаться с девушками, а потом махнул рукой. Все равно, мол, природу не обманешь. Так под разговоры незаметно и доехали до места.

— Стой, кто идет! — несколько бойцов окружило нас на полянке.

— Свои, — Фрол слез с коня. — Спирту вам привез. И представителя из центра.

— На хрена нам представитель. У нас тут своя республика, — зашумели бойцы. Они и на самом деле были все как на подбор: высокие, рыжебородые и голубоглазые.

— Это вы у себя в Кассиопеях можете возмущаться, — обиделся Фрол. — А у нас, если начальство приехало, надо встретить, как полагается. А ну, ведите к командиру.

— Командир в штабе. Проводит совещание с колхозниками о начале весенне-полевых работ. Придется подождать.

Через полчаса нас провели к командиру.

— Майор Сухарев. Представитель штаба партизанского движения из Москвы, — представился я.

— Капитан Кребс. Командир отдельного партизанского отряда «Кассиопея». Вы, вероятно, знаете, кто мы и откуда.

— Да, майор Филипчук мне доложил. Хотелось бы получить весомые доказательства вашего внеземного происхождения.

— Ну что ж, пройдемте.

Следующие полчаса я запомнил на всю оставшуюся жизнь. Что мне показали? Ну... если скажу, что повели на экскурсию по инопланетному кораблю — поверишь? То-то. Подробностей, извини, пересказывать не буду. А на выходе капитан Кребс подарил мне зажигалку: точно такую же, как у Фрола.

— Теперь, когда вы во всем убедились, хотелось бы узнать цель визита.

— У меня приказ: активизировать боевые действия партизан в районе. Вашему отряду предлагается сменить место дислокации, объединиться с партизанами Филипчука и напасть на железнодорожную станцию «Припять».

— Майор, это не наша война. Мы можем только обороняться, когда на нас нападают. Наша задача — выжить и дожидаться спасательной экспедиции, которая, по моим расчетам, прилетит через сорок три ваших, земных года.

Я долго пытался убедить Кребса, рассказывал ему о зверствах фашистов, о товарище Сталине, который обязательно отблагодарит после войны... Даже пообещал представить капитана к ордену «Красная звезда» за разгром полка СС. Кребс был непреклонен.

— Нет. Нет. Нет. Это не наша война...»

Василий Тимофеевич внезапно замолчал. Налил себе полстакана коньяку, выпил залпом.

— Что же дальше-то было?! — не удержался я.

— Через месяц вернулся я в центр и доложил о выполнении задания. Все партизанские отряды моего района выдвинулись на новые места дислокации и вступили в бой. Все, кроме отряда «Кассиопея»...

— Ну и?

— Ну, ну... Палки гну! Ты же знаешь, как в войну относились к не выполнившим приказ. После наступления Второго Украинского Фронта два полка НКВД окружили лес, в котором базировался отряд Кребса. Нашим сообщили, что там засели власовцы, а к ним, сам понимаешь, какое было тогда отношение. Сначала лес проутюжил полк фронтовых бомбардировщиков. Потом... Словом, пленных не брали. Время было такое.

— Василий Тимофеевич, — не удержался я, — а вы не придумали всю эту историю?

— На, смотри. — Мой попугчик достал из кармана зажигалку. — Та самая, что Кребс подарил. До сих пор работает, без всякой заправки.

— А как же насчет спасательной экспедиции? Вы же сказали, что они должны были прилететь через сорок три года, то есть... Да это же совсем недавно получается, в 1986-м году! Но что-то я не слышал о подобном событии.

— Ты знаешь, для меня это тоже загадка. Но одна мысль мучает меня до сих пор. Отряд «Кассиопея» располагался недалеко от того места, где потом построили Чернобыльскую АЭС. Вот я и думаю, что спасательная экспедиция прилетала. И, может быть... Ладно. Мне самому так хочется забыть эту историю... словно ее и не было никогда...

Василий Тимофеевич допил коньяк и лег спать.

Я взял со столика его зажигалку и открыл крышечку. Зажигалка загудела ровным, синим пламенем. Я повертел ее в руках и увидел гравировку:

«Майору Сухареву, за понимание. Командир отдельного партизанского отряда «Кассиопея» капитан Кребс».

ОЛЕГ МАТРОСОВ

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Зазвенел будильник. Васятка, не открывая глаз, шлепнул по кнопке звонка, и ненавистный перезвон смолк. Очень хотелось спать, еще бы, до двух часов ночи рубиться в «Космических стрелцов». Мальчик перевернулся на правый бок и натянул на голову одеяло. Но уснуть ему не удалось. Чья-то рука ласково, но настойчиво потрепала его по ноге, высунувшейся из-под одеяла. Васятка откинул одеяло и открыл глаза. Так он и думал, это Митя подъехал на ходунке к кровати и будил брата.

— Куня, ап-ап! Куня, ап-ап, — глаза брата были наполнены тревогой, он переживал, что Васятка опоздает в школу. «Ап-ап» на Митином языке обозначало, что надо вставать, а «Куней» он называл Васятку.

— Встаю, встаю, отвяжись только... — бросил школьник брата.

Митя обиделся и укатил на ходунке на кухню. Ходунок был самодельный, его сделал отец незадолго до смерти. Наверное, поэтому Митя и любил ездить на нем. Через несколько секунд громко заработал телевизор и на всю квартиру зазвучал голос ведущей «Утренних новостей на «Первом»» Арины Шараповой. Шарапова очень нравилась Мите, он всегда смотрел утренние новости с ней. А громкость он сделал большую специально, чтобы встал Васятка. Хорошо Митке, ему в школу идти не нужно. Мальчик чертыхнулся, соскочил с кровати и побрел, шлепая босыми ногами, на кухню.

Митя откинулся на спинку ходунка и с очень серьезным видом смотрел новости. «Ага, как будто понимает о чем речь», — недовольно подумал школьник и, убавив громкость, переключил телевизор на спортивный канал. В это время обычно повторяли лучшие матчи Евро-Азиатского футбольного кубка. Вот и сейчас показывали повтор вчерашней игры «Московских медведей» против испанского «Реала». Митя, расстроенный тем, что выключили его любимую Шарапову, обиделся и засопел. Васятка глубоко вздохнул и переключил телевизор обратно на «Первый» канал. Митя сразу обрадовался, загукал и, подкатив на ходунке к брату, стал ласкаться.

— Куня, рюша. Куня, рюша.

«Рюша» на Митином языке означало «хорошо» и «хороший».

Васятка улыбнулся и погладил нежно брата по голове. Тот зажмурился от удовольствия.

— Митя будет кушать?

— Митя, ням-ням.

Васятка разогрел свой завтрак и быстро его проглотил. После этого он занялся братом. Митя очень любил манную кашу, а Васятка ее просто ненавидел. Да и кормить его брата было очень неудобно: жидкая каша капала из Митинового рта и на застиранный слюнявчик, и на стол, и на руки. Как Васятка ни старался поймать ее ложкой и отправить обратно в рот брату, к концу завтрака Митя был весь перемазан кашей. «Боже, дай мне силы и терпения!», — взмолился школьник. Зазвонил телефон. Васятка одной рукой вытирая лицо брату, другой схватил трубку. Звонила мама.

— Васятка, доброе утро. Ну, как вы, сыночек?

— Привет, мам! Нормально. Уже позавтракали, — бодренько ответил Васятка. Он старался никогда не расстраивать мать.

— Сыночек, не забудь дать лекарство Мите. Я осталась на подработку, буду только вечером.

— Хорошо, мам. Не волнуйся, все будет хорошо.

Школьник повесил трубку и стал прибираться: быстренько помыл посуду, протер стол и убрал остатки булки в хлебницу. Митя уже укатил в ванную комнату и ждал брата. Васятка закончил наводить порядок на кухне и пришел в ванную подмыть Митю и сменить ему подгузник. А время уже поджимало: через десять минут нужно было выходить в школу.

***

Старый дом, в котором жили Курбатовы, давно не ремонтировали и даже не красили. Над Васяткиным подъездом еще с прошлого Нового года красовалась надпись: «С наступающим 1997 годом!», а жилуправе и дела никакого не было до самостоятельного настенного творчества. Вот и вчера на торцевой стене дома кто-то намалевал красной краской: «И мальчишки кровавые в глазах...». Наверняка это сделали взрослые, кому из подростков придет в голову писать на стене строки из «неудачной», как говорили учителя, поэмы старинного поэта. Сосед Васятки по лестничной площадке, дядя Тимофей, прослуживший сорок лет в Сыском приказе, и, гордо причислявший себя к партии государственников, увидев надпись, расстроился из-за этого. Он погрозил неизвестно кому костлявой высохшей рукой и объяснил зевакам, что это все происки оппозиции, которая таким образом готовится к четырехсотлетию царствующей династии. Васятка, правда, ничего не понял, но поэт ему нравился, они уже «проходили» его в школе, жалко только, что он погиб в Туркестане при штурме крепости Геок-Тепе.

***

Приближаясь к школе, Васятка сбавил ход. Обычно возле последнего перед школой дома околачивались воробьевские — мальчишки, живущие на Воробьевке, самой хулиганской слободе. Так получилось, что почти все они были на год старше — четвероклассниками, крепкими и задиристыми

ребятами. Иногда Васятке удавалось избежать встречи с ними. Это случилось, когда в их руки уже попадала другая жертва. Но сегодня Васятке не повезло.

— Нянька идет! Нянька, нянька! — закричал еще издалека один из воробьевских, Васяткин одноклассник, между прочим.

Васятка расстроился: теперь мимо этой компании точно не проскочить — и обреченно пошел навстречу неприятностям.

— Фу! Ну и вонь!

— Нянька, ты, после того как подгузники братцу менял, руки бы мыл, а то дышать нет никакой возможности, такая вонь от тебя!

Оскорбления сыпались со всех сторон, но Васятка, стиснув зубы, молча продвигался сквозь враждебную толпу. Не получая удовлетворения от словесных издевательств, воробьевские стали толкать и щипать его. Васятка, стараясь удержаться на ногах, протискивался между обидчиками. Перед ним выросла здоровая фигура Демы, самого рослого и сильного мальчишки в начальной школе. Про него болтали, будто он в одиночку побил двух семиклассников из средней школы, и это было очень похоже на правду. Васятка буквально уткнулся носом в его грудь.

— Нянька, ты че толкаешься?! Оборзел совсем?!

Тяжелая оплеуха слева свалила Васятку с ног. Он попытался сразу вскочить, но не успел. Второй удар опрокинул его на спину. Воробьевские радостно загоготали и, посчитав утренний минимум по развлечениям выполненным, помчались в школу.

Васятка, утирая кровь, закапавшую из разбитого носа, поплелся вслед за ними.

***

Уроки пролетели незаметно. Все предметы сегодня были интересными. После занятий всех учеников собрали в актовом зале. Сперва выступила заведующая школой и подвела итоги за третью четверть. После нее к микрофону подошла Марфа Петровна, учительница родного языка и помощник заведующей по учебной части. Она объявила результаты годового сочинения и сказала, что все ребята — молодцы, справились с заданием, не получив ни одной оценки ниже шести баллов. После этого она раздала ученикам их работы. Всем, кроме Васятки.

— Лучшим сочинением среди начальных школ города было признано сочинение Курбатова Василия. Тема конечно не оригинальна: «Герой нашего времени», но Василий прекрасно с ней справился, за что и получает свои заслуженные двенадцать баллов. — Марфа Петровна с гордостью посмотрела на детей. — Это единственные двенадцать баллов, полученные в нашей школе, и мне приятно, что эту высокую оценку получил мой ученик и ваш товарищ.

— Василий, позволь, пожалуйста, мне зачитать твоё сочинение.

Сверстники все как один посмотрели на Васятку. Он, пунцовый как рак, поднялся и нерешительно кивнул. Марфа Петровна поблагодарила ученика и принялась читать.

— Я считаю героем нашего времени своего старшего брата.

Многие из одноклассников ехидно захихикали, кое-кто даже pokrutil пальцем у виска, что, мол, взять с малахольного. Васятка, стоявший по обыкновению ссутулившись и потупив голову, расправил плечи и с вызовом посмотрел на насмешников.

Марфа Петровна, не замечая этого, продолжала читать.

— Мой брат Дмитрий родился в нашем городе. Он тоже учился в нашей школе и учился хорошо...

Марфа Петровна читала красиво и очень душевно, про нее даже взрослые говорили, что она могла бы вести телевизионные передачи не хуже Валентины Леонтьевой.

Васятка написал про брата все. Что Митя закончил школу с похвальной грамотой от самого Царя, а после школы два года работал помощником метеоролога на острове Грумант. Как три года служил рядовым стрелцом в Стрелном полку при Государевом Дворе. А потом, закончив пушкарскую офицерскую школу, воевал в Восточной Индии. Как остался с группой пушкарей прикрывать отход своей батарее. И как подорвал себя гранатой, чтобы не попасть в руки повстанцев живым, и двое суток лежал в яме среди трупов, прежде чем его нашли однополчане и доставили в медсанбат. Как полтора года за его спасение боролись врачи в лучших госпиталях, и теперь с каким трудом ему дается каждый день жизни...

Девочки плакали, плакала Марфа Петровна, плакали и остальные учителя, даже у некоторых мальчишек на глаза наворачивались слезы. Большинство же ребят старались не смотреть на Васятку, они отводили глаза в сторону, им было стыдно за себя, за свое дурацкое поведение.

— Я очень хочу быть таким же смелым и сильным, как мой старший брат, — закончила читать сочинение Марфа Петровна.

Несколько секунд в зале стояла тишина, потом кто-то робко хлопнул в ладоши и через несколько секунд уже весь зал аплодировал Марфе Петровне, Васятке и его брату.

***

Возле школы Васятку снова поджидали воробьевские ребята. Но на этот раз с другой целью. Дема двинулся к Васятке первым, за ним потянулись остальные.

— Это... Василь... ты нас прости... — начал Дема.

— Мы не знали, честное слово! — послышалось из задних рядов.

— Ты это... короче, Василь, на нас не обижайся... Ежели кто обидит... или помощь какая понадобится... обращайся. Любой пацан с Воробьевки

будет рад тебе помочь. — Дема обернулся к товарищам. — Верно я говорю, пацаны?!

— Точно!

— Верно, Дема!

— Дай пять, Василь!

Васятка стал пожимать тянущиеся к нему руки, те самые руки, что пихали и щипали его сегодня утром.

***

К дому Васятка подходил в приподнятом настроении и даже обшарпанные стены старой девятиэтажки казались ему разукрашенными веселым орнаментом. Мальчик в несколько прыжков взлетел по лестнице. Звякнув ключами, он открыл дверь. С той стороны его уже поджидал Митя в своем смешном ходунке.

— Куня, Куня рюша! — по-детски радовался он приходу брата. Из перекошенного шрамом рта по подбородку стекали слюни.

Васятка швырнул в угол ранец и обнял Митю. Глядя брата по колючему ершику седых волос, он плакал.

— Митя хороший, Митя хороший...

По изуродованным ранами щекам старшего брата потекли слезы.

2008—2009 год

АЛЕКС РЕЗНИКОВ

МИНИ-АЛЬТЕРНАТИВЫ

ВЕЛИКИЙ АНШЛЮС 1938 ГОДА

— Австрия погибла, — с болью и печалью в голосе сказал человек, стоявший у окна гостиничного номера. — Австрия погибла и уже больше никогда не возродится.

— Пессимизм — это враждебная нам идеология, герр Дормус, — хладнокровно заметил его собеседник, скрывавшийся в глубине номера. — Вы же не хотите пострадать как враждебный элемент...

— Я не понимаю вас, герр Бергер, — генерал Дормус отвернулся от окна. — Как вы можете сохранять спокойствие в столь трагический момент? В то время как труды множества поколений идут прахом, и вперед нет ничего, кроме вечной тьмы...

В ответ послышался подозрительный хруст.

— Неудивительно, что Австрия сдалась без боя, — заметил полковник Бергер. — Какое отвратительное пирожное. Только чудом мне удалось сохранить свои зубы!

— Прекратите, Бергер! — генерал был близок к истерике. — Какие зубы! Австрия погибла! Чужеземный тиран кованым сапогом...

— Вот-вот, именно поэтому чужеземный тиран... и так далее, — оборвал его Бергер. — На своих митингах вы тоже несли подобную чушь? Стоит ли удивляться, что австрийцы не пошли за вами!

— Да, — Дормус снова вернулся к окну. — Они не пошли за нами. Теперь с флагами и цветами австрийцы встречают своего нового господина. Они предпочли быть рабами этого ничтожества, этого выскочки...

— Какая трагедия, — полковник Бергер поудобнее устроился в кресле. — Еще пять-шесть подобных фраз, и вы наконец-то выбьете из меня слезу.

— Кто виноват? Что делать? — продолжал восклицать генерал Дормус.

— Вы уверены в своем австрийском происхождении? — с подозрением в голосе поинтересовался Бергер. — Мне приходилось слышать подобные слова совсем в другой стране, далеко-далеко отсюда...

— Все кончено, полковник, — генерал сунул правую руку в нагрудный карман мундира и извлек на свет крошечный дамский пистолет. — Австрия погибла, жизнь потеряла всякий смысл. Прощайте. Передайте привет моим товарищам и...

На несколько минут в комнате воцарилось молчание. Только с улицы

доносились крики восторженных жителей Вены. В австрийскую столицу продолжали вливаться новые части победоносной армии.

— Вы даже не попытаетесь меня остановить? — удивленно спросил генерал Дормус.

— Зачем? — пожал плечами Бергер. — Стреляйтесь. Все равно от вас мало толку.

— Вы циничный негодяй, полковник, — вспыхнул генерал. — Я всегда это подозревал, но теперь окончательно в этом убедился. Не дождетесь. Я не застрелюсь. Лучше я застрелю вас!

Прошло еще несколько минут, в течение которых Дормус целился в своего собеседника, а Бергер продолжал сидеть в кресле с выражением вселенской скуки на лице.

— Это пистолет, — на всякий случай пояснил генерал. — Из него убивают.

— Попробуйте.

— Вы подменили патроны? — попробовал угадать Дормус.

— Я подменил патроны, выгнал ударник и согнул боевую пружину, — уточнил Бергер. — И в запасном пистолете тоже. А если вы достанете еще какой-нибудь пистолет, мне незнакомый, я не промахнусь, — из руки полковника внезапно вырос длинноствольный «маузер» 45-го калибра. Подарок маршала Янь Сишаня.

...Потом они еще долго говорили о судьбах Австрии, всего цивилизованного мира и прочих высоких материях...

А в это время по улицам австрийских городов продолжали шагать солдаты непобедимого Швейцарского Рейха.

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК В ДЕРЕВНЕ

— Прошу вас, синьор Бергер, присаживайтесь, — великий диктатор изобразил приветственный жест.

— Спасибо, мистер Муссолини, — ответил американский журналист, устраниваясь в роскошном кресле.

— Как вам нравится наша страна? — поинтересовался дуче, приземлившись в противоположном кресле.

— Первые впечатления часто бывают обманчивы, — осторожно заметил Бергер.

— Но согласитесь, что все не так страшно, как пишет западная либеральная пресса? Мы, фашисты, не кушаем детей и не сжигаем противников на кострах...

«Где-то я это уже слышал», — подумал американский журналист.

— Нет, разумеется, нет, — рассмеялся Бергер, — но ваша идеология по-прежнему вызывает вполне законные опасения...

— Не надо бояться фашизма, — диктатор был сама доброжелательность.

— Фашизм — это всего лишь слово. Не надо бояться слов. Понимаете,

как всякая цельная политическая концепция, фашизм есть одновременно действие и мысль: действие, которому присуща доктрина, и доктрина, которая, возникнув на основе данной системы исторических сил, включается в последнюю и затем действует в качестве внутренней силы. Поэтому эта концепция имеет форму, соответствующую обстоятельствам места и времени, но вместе с тем обладает идейным содержанием, возвышающим ее до значения истины в истории высшей мысли. Нельзя действовать духовно на внешний мир в области велений человеческой воли без понимания переходящей и частичной реальности, подлежащей воздействию, и реальности вечной и универсальной, в коей первая имеет свое бытие и жизнь...

— Прошу вас, мистер Муссолини, — взмолился американец, — поверьте, я внимательно читал вашу книгу. Мы еще поговорим об этом. К сожалению, я должен потакать вкусам своих читателей, а вопросы они задают самые неожиданные.

— Например? — дуче взял с журнального столика стакан воды и задумчиво посмотрел сквозь него на Бергера.

— Теперь, когда вы завершили построение фашистского государства, каковы ваши дальнейшие планы?

— Строительство мировой фашистской империи, — спокойно ответил Великий Бенито.

— Вы шутите, — журналист на лету подхватил падающую челюсть.

— Нисколько, — хладнокровно продолжил диктатор. — Вспомните, с чего 2700 лет назад начиналась великая Римская империя. С одной небольшой деревушки, обнесенной частоколом. Как видите, наши стартовые позиции выглядят куда лучше.

— И в рамках этого строительства вы послали солдат в Испанию и Эфиопию? — улыбнулся Бергер.

— Я никого никуда не посылал, — мягко возразил Муссолини. — Все эти солдаты — добровольцы, которые отправились на священную войну с коммунизмом в первом случае и диким африканским варварством во втором.

— Злые языки утверждают, что вы сделали это по просьбе «старшего брата»... — осторожно заметил журналист.

— Это не «злые языки», — голос дуче заметно похолодел. — Это ваши неразумные коллеги. У нас нет «старших братьев». Мы независимое государство.

— А кем вы видите себя в грядущей империи? — сменил тему журналист.

— Новым Ромулом?

— У нас уже был свой Ромул, основатель города, — возразил Муссолини.

— Кем я вижу себя... Возможно, Суллой... Об этом еще рано говорить.

Бергер не успел задать следующий вопрос: на пороге кабинета появился гвардейский капитан.

— Простите, дуче, — почтительно начал он, — народ собрался на площади и ждет вас...

— Нельзя заставлять народ ждать, — Муссолини немедленно покинул кресло. — Политические доктрины проходят, народы остаются. Подождите меня, синьор Бергер, я скоро вернусь.

«Какое счастье, — думал Бенито, идя к выходу, — что мои родители в свое время покинули маленькую деревушку в Эмилия-Романья и переехали сюда. Кто знает, где бы я был сегодня...»

Стоя на балконе президентского дворца, он чувствовал, как его переполняет восторг. Вот он, на вершине мира. Прав был Цезарь, тысячу раз прав. Лучше быть первым человеком в деревне, чем вторым в Риме. А ведь это далеко не деревня...

Площадь перед дворцом диктатора была усыпана черными рубашками верных фашистов, парадными мундирами гвардейцев, простыми и скромными костюмами крестьян и рабочих. Это был его народ. ВЕСЬ его народ.

И из тысяч глоток вырвался единый и дружный приветственный вопль:

— ДА ЗДРАВСТВУЕТ БЕНИТО МУССОЛИНИ, ВЕЛИКИЙ ДУЧЕ РЕСПУБЛИКИ САН-МАРИНО!!!

ДМИТРИЙ НИКИТИН

ПУСТЬ ВСЕ КРУГОМ ГОРИТ ОГНЕМ

Он понял секрет пламенного дыхания дракона. Просто внутри нет места для огня, пожирающего сердце.

Вместе со всеми переоделся в комбинезон и сел ждать вылета в углу пустого ангара. Другие о чем-то тихо разговаривали в стороне.

— Ладно, ребята, пора двигаться, — раздался спокойный голос командира.

Доехали до места в кузове грузовика, распластавшись на парашютах. Не спеша залезли в кабины.

Несколько минут прошло в ожидании сигнальной ракеты. Командир один за другим запустил двигатели — сначала два внутренних, потом — два внешних. Огромный самолет задрожал. Над ними светлело вечернее небо.

— Закрылки тридцать!

— Закрылки тридцать! — повторил за командиром, опуская закрылки.

— Открыть радиаторы!

— Радиаторы открыты!

— Блокировать газ!

— Сектора заблокированы!

— Готовность к взлету?

В шлемофоне послышалась переключка «все — о'кэй!» штурмана и четырех стрелков. Он просто кивнул, у него тоже все было в порядке. Командир поднял руку с оттопыренным большим пальцем. Тот же жест повторили в кабинах соседних машин. Взлетали тройками. Перегруженные «Ланкастеры» с натужным ревом отрывали от земли короткие раздвоенные хвосты. Наверху неспешно формировался строй из тысячи бомбардировщиков возмездия.

Перед глазами опять стоял город, испепеленный летающими хищниками. Он расспрашивал о жене и малышке, а ему говорили о пламенной волне, поднявшейся до неба, о зареве, что видели из соседних графств... На закопченной стене, оставшейся от собора, кто-то вывел мелом: «Господь, прости!» Он не мог простить — ни себе, ни им. Пламя, начавшее пожирать тогда его сердце, не утихало ни на минуту. Он, Дракон из Ковентри, летит вернуть огонь назад, в гнездо драконов.

Над Каналом их покинули последние отблески солнца. На широких плоскостях тускло мерцает лунный свет, призрачные ореолы винтов рубят стеклянный от холода черный воздух. Внизу лежит скрытая клубящимся туманом страна чудовищ.

Воздушная армада, широко раскинув крылья, заходит на цель. Лидеры «Москито» уже обозначили ее маячками. Он, как друзьям, подмигнул этой россыпи красных дьявольских глазок. «Ланкастер» вздрогнул, постепенно освобождаясь от груза. Внизу, под облачным одеялом, кипит славная огненная каша, бурлящая тысячами и тысячами взрывов ковровой бомбардировки. Он доволен, снова все сделано как надо.

Вспышка! Удар, будто налетели на стену... Вот невезение — попасть под слепой огонь с земли... Командир мягко валится на разбитые приборы, надо успеть перехватить управление. Передней кабины нет, исчезла со штурманом и стрелком. Остальных не слышно. Не их ли парашюты остались позади? Армада ушла, ушла без него... Он один, потерянный в темноте. Свистит ветер в выбитых стеклах. «Ланкастер», захлебываясь, ревет последним мотором. Кто знает, где он. Дождаться рассвета, чтобы найти, найти последнюю цель.

Море... Разве серые волны погасят огонь его сердца? Нет, пока рано... Там, впереди, берег. Он летит так низко, что видит бегущих к зениткам солдат в глубоких шлемах. Острые черепичные крыши, как шкура дракона. К стеклам прилипли детские лица. Наверное, школа.

Грохочут зенитки, всаживая в «Ланкастер» огненные спицы. Страшная боль скручивает тело. Но он еще жив, распятый внутри машины, его сердце еще бьется рядом с рокотом могучего «Мерлина». Из школы разбегаются дети. Фашистские ублюдки! Вам больше не маршировать в своем гитлерюгенде! Не взять в руки автоматы, не сесть за штурвалы бомбардировщиков!

Поднятый винтом ветер разворачивает полотнище на флагштоке. Голубое с желтым крестом!

Железный дракон протестующе взвыл, кренясь набок, уходя к скалам.

Не немцы, шведы. Нейтралы. Все напрасно, напра...

Он смотрит на огонь, что весело трещит в маленьком камельке. Ему тепло, уютно и спокойно. Когда в очаге гаснут последние искры, он выходит на порог. В светлых весенних сумерках дома выглядят особенно красиво и таинственно. Делает шаг и легко летит чуть выше влажных крыш, заглядывает в квартиры, где разговаривают, сидят за ужином, смотрят телевизор. Подлетает к одному из окон и ловит восхищенный взгляд распахнутых детских глаз.

— Привет, Карлсон!

— Привет, Малыш, — как обычно говорит он. — Я был бы не прочь слегка поразвлечься...

Через минуту они уже весело распевают, отбивая пальцами такт:

Пусть все кругом

Горит огнем,

А мы с тобой споем:

Ути, боссе, буссе, бассе,

Биссе, и отдохнем.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ

КУДА УХОДЯТ ПИЛОТЫ

*Я этот небесный квадрат не покину —
Мне цифры сейчас не важны:
Сегодня мой друг защищает мне спину,
А значит — и шансы равны.*

Владимир Высоцкий

— К

огда я погибну, — сказал как-то Вадимка, — я попаду в рай для пилотов. Там будет синее небо, и там будет пахнуть авиационным бензином.

Вадим не был фаталистом. Просто немец не смог нахрапом пройти по нашей родной земле кованым сапогом, и война приняла затяжной характер. И мы все понимали, что шансов дойти до Берлина именно у нас практически нет. Но надежда на то и надежда, чтобы надеяться. И у войны тоже бывает рутина, и хотя редкий день проходил без вылетов, но настоящие бои случались редко, где-то раз-два в неделю. Но зато метко. Когда редела сирена, когда враг на подлете и когда мы взлетали, знали: скорее всего, кто-то из нас не сможет посадить свой самолет. Никогда. Вдумайтесь в это слово: никогда! Никогда — это значит, дети будут расти без отца. Никогда — это значит, что жены не дождутся своих мужей. Никогда — это значит, кто-то — например, Вадим — не узнает, каким сладким, горячим и влажным бывает девичий поцелуй.

Мы возвращались победителями, один враг был сбит, а второй дал такого стрекача, что только его и видели. Я любил быть в паре с Вадимом — вихрастый, улыбающийся, юморной на земле, в воздухе он был собранным и не по-юношески серьезным. И я, да что там я, все считал, что если Вадим — ведомый, значит, можно забыть про тыл; значит, Вадим не подведет.

Мы уже подлетали к аэродрому, и я заметил, обернувшись, что «ястребок» Вадима подозрительно клевал носом и то и дело кашлял. Я связался с Вадимом, и тот сообщил, что машина еле слушается, и что он слегка ранен. Я заложил вираж перед аэродромом и пошел на второй круг, пропустив Вадима, чтоб тот смог посадить самолет первым. Вадимка с трудом сел, заглушил машину и умер.

Шел декабрь 1943 года, миновал уже почти месяц после смерти друга, а я все равно каждый день приходил на его могилу. Было ветрено, и я курил в кулак. Земля, израненная и нагая, молила о снеге, но снега еще не было. Я стоял перед могилой и плакал без слез. Я навсегда выплакал все слезы в самом начале войны, и поэтому так и не смог оплакать своего друга по-человечески. Я стоял и думал.

А завтра пошел снег, и случился бой.

Враг был как на ладони, снизу было белым бело, и виднелась только одинокая черная точка. Это и был противник. Я шел сверху чуть носом, чтобы видеть врага, и искал удобный момент для сближения. И этот момент настал; я перешел в пики, набирая скорость. Противник заметил меня и попытался заложить правый вираж, но я разгадал маневр и, идя накоротке, нажал гашетку. Моя пушка вспорола немцу левое крыло, вспыхнул двигатель и черный самолет, словно задумавшись, клоннул и перешел в неторопливый штопор. Запахло гарью, я повернул и посмотрел вниз, словно прощаясь с врагом. Я уже не слышал взрыва, но ярко и отчетливо почувствовал, что закончилась еще одна чья-то жизнь. Что ж — либо он, либо я.

И тут я совершил непростительную ошибку. Я шел на высоте около тысячи метров над морем и любовался первым снегом, позабыв о том, что я тоже могу быть для кого-то хорошей мишенью. Мессершмит, словно коршун, спикировал, плыясь огненной слюной, и прилип ко мне. Я ушел влево по большой дуге, но он не отставал. Я вниз, он — вниз, я вправо, и он — вправо. Я просто спиной чувствовал, что он уже давит гашетку, остаются какие-то миллиметры, и пули, словно горох, начнут стучать по фюзеляжу, не оставляя для меня никаких шансов.

И тут заговорила рация.

— Леха, вправо! Держись, он у меня на прицеле, — сказал Вадим, и я даже не успел удивиться.

— Я пытаюсь, но он прилип как банный лист, — ответил я.

— Ничего, держись, я мигом, — сказал Вадим, и я понял, что он начал огонь. — Врежь, зараза, не уйдешь!

Я обернулся. Мессершмит натужно закрипел и потом, словно оборвалась невидимая струна, отклонился и ушел в такое пики, из которого уже не возвращаются. Я огляделся вокруг, но Вадима не было.

— Леха! Там пахнет бензином! — и рация смолкла.

Я приземлился, заглушил самолет, и механик, обняв меня, сказал:

— Ну, ты и везунчик! Что случилось? Почему он вдруг упал?!

Я посмотрел на синее небо и не ответил.

В. ОКУЛОВ

ПОЗАВЧЕРА БУДЕТ ВОЙНА

СССР, Германия и другие. Межвоенные «пророчества» как возможная альтернатива случившемуся

О войнах будущего писали издавна, но Первая мировая — масштабная и кровопролитная — изменила взгляд, «сняла пелену с глаз «невинного» человечества, воспитанного на военной лирике Теннисона и Киплинга».

С конца двадцатых все яснее становилось, что Версальский мир, сколько бы его ни подновляли и ни «улучшали», только передышка между войнами. «Война 1914—1918 годов не была закончена, как о том объявили в Версале. Насильственно сведенная к миру, она неудержимо продолжалась в пограничных спорах и межнациональных распрях» — это из романа Петра Павленко «На Востоке». А вот что сказал товарищ Сталин в отчетном докладе на XVII съезде ВКП (б) в 1934 году: «Дело явным образом идет к новой войне».

Внимание европейских писателей сосредоточилось на страшной разрушительной силе новых вооружений. Почти никто не сомневался в том, что любое, самое смертоносное оружие будет пущено в ход без оглядки на общечеловеческие нравственные нормы и стандарты международного права. Книги, описывавшие массированные бомбардировки и бедствия, которые выпадают во время войны на долю мирных жителей, уже не удивляли. После Вердена, после газовых атак уже нельзя было твердить вслед за Клаузевицем, что война есть продолжение политики другими средствами. В Европе появилось поколение авторов, побывавших в окопах и изображавших последствия применения новых вооружений не для того, чтобы призвать нацию лучше подготовиться к новой войне, а чтобы внушить читателям ужас и отвращение к войне как таковой; показать, насколько она самоубийственна, недопустима. Вера в поступательное развитие человечества дала брешь, стало ясно, что научно-технический прогресс приносит не только «сладкие» плоды, что его довольно легко обратить против человека.

Выходили и другие книги. Как писал критик О. Цехновицер в статье «Империалистический военно-утопический роман», посвященной в основном произведениям начала века (журнал «Звезда», 1937, № 8), в тридцатые годы «выделяется военно-фашистская литература Германии и Японии». Небезызвестный генерал Людендорф выпускает книжку «Мировая война грозит», роман Карла Бартца «Война 1960» (1931) разнесен в пух и прах

в советской рецензии «Фашистский романист мечтает» (1932), в Японии получает известность книга Накадзуме Ракеси «Великая океанская война», снабженная предисловиями двух адмиралов и двух генералов! К «фашистской» литературе Цехновицер относит не только книгу генерала Джонсона «Немецкое чудо», но и роман француза Эрве Песлуана «Таинственная угроза» (1931), отмеченный тогда Премией Жюль Верна!

Если за перо брались европейские военные журналисты, то их прогнозы — в основном касавшиеся применения нового оружия — оказывались более сдержанными и изредка — более точными. Британский военно-морской обозреватель Гектор Ч. Байуотер (1884—1940) в книге «Великая Тихоокеанская война: История американско-японской кампании 1931—1933 годов» (1925) показал — вопреки мнению американских военных и политиков (включая Франклина Д. Рузвельта), — что война между Японией и США возможна, описав внезапное нападение японцев на американский флот, захват Гуама и Филиппин. Это сочинение привлекло к себе внимание японцев, и вскоре после его опубликования к Байуотеру явился с визитом японский военно-морской атташе, пожелавший обсудить с автором возможную стратегию войны в Тихом океане. Об этом можно прочесть в довольно популярной на Западе книге И. Ф. Кларка «Пророчества о грядущих сражениях». Книга Байуотера сразу же вызвала интерес и советских журналистов, отрывки из нее были опубликованы в «Комсомольской правде» зимой 1927 года.

Международный резонанс получила книга капитана запаса Фукунага Кносукэ «Записки о будущей японо-американской войне» (1934), снабженной предисловием командующего объединенным японским флотом. В том же году в русском переводе она вышла в Воентгизе и отрецензирована («Правда и ложь капитана запаса»). О переводе книг генерала Сато «Как мы будем воевать» и генерала Араки «Война на Дальнем Востоке», изображавших нападение Японии на СССР, и речи быть не могло!

В СССР середины тридцатых годов XX века «пропагандистом» зарубежной фантастики специфического — «военно-технического» — направления (рисующей картины возможной будущей войны) неожиданно становятся общелитературные журналы, прежде всего «Знамя», созданный как орган Центрального Совета Литературного Объединения Красной Армии и Флота.

Переводным первенцем подобного «жанра» стал роман «Воздушная война 1936 года. Разрушение Парижа» некоего «майора Гельдерса», без имени переводчика опубликованный в журнале «ЛОКАФ» (будущем «Знамени») в номерах 8—9, 11, 12 за 1932 год. В русском переводе (в книжном издании того же года переводчик был указан: А. Зеленина) была опущена вся «романтическая» часть, зато к изданию 1934 года были приложены «Полемические варианты» Петра Павленко (главы, как бы не вошедшие в книгу и рисующие иное развитие событий...). Гельдерс, естественно,

не учитывал в своем сценарии народные волнения, а, по мнению советских теоретиков, империалистическая война должна автоматически перерасти в социальную революцию! Вот Павленко и приступил к развитию этой мысли, начиная с книжки пятой журнала «Знамя» за 1933 год: «Воздушная война 1936 года: Полемический вариант».

В редакционном предисловии к сочинению Гельдерса отмечалось, что роман представляет исключительный интерес прежде всего со стороны затронутых военных проблем, «автор говорит о такой новой теме, какой является воздушная война». (Тогда многие увлеклись так называемой «доктриной Дуэ» о «всемогуществе» бомбардировочной авиации.) Политические же мотивы романа совершенно ясны — «фашистская идеология его автора обнажена».

«Стояло жаркое лето 1936 года»... Убит британский верховный комиссар в Египте, французские войска высаживаются на египетскую территорию, находящуюся под покровительством Великобритании... «События следовали одно за другим, как удары молота... Так вот как возникает война!» Английские засекреченные гиганты-бомбардировщики серии «Г» 9 июля бомбят Париж, сбрасывая 700 тонн разрывных бомб, более 3000 зажигательных снарядов, 10 тонн горчичного газа. Спены разрушения французской столицы в романе «немецкого фашиста» напоминают аналогичные — но с помощью огромного флота «цеппелинов» — из романа «германского националиста» начала XX века Рудольфа Мартина «Мировая война» (1907).

Французы бомбят Лондон — «ночь принадлежала бомбовозам...»

«Москва призывала со своих мощных радиостанций французский пролетариат к войне против буржуазии».

«На второй день войны английский воздушный флот совершил новые бомбовые атаки на Париж, Брюссель, Антверпен, Шарлеруа, Лилль...» Группа французских крейсеров открывает огонь по английским судам... 162 самолета серии «Г», имея на борту 324 стокилограммовых и 648 пятидесятикилограммовых бомб, атакует французские крейсера!

«Под страшной угрозой бомбовых атак французскому правительству оставалось лишь одно — любой ценой заключить мир...» Франция принимает все условия...

В Советском Союзе долгое время считалось, что под псевдонимом «майор Гельдерс» скрывался видный офицер рейхсвера, но кто именно — неизвестно... На самом деле под псевдонимом «скрылся» совсем не офицер, а директор «Люфтваффе» Роберт Кнауус (1892—1955): это уж попозже оберст Кнауус будет командовать бомбардировочной авиашколой, а дослужившись до генерала — «Люфтваффе-академией». Его единственная книга имела успех не только по всей Европе (переведена на английский и французский языки), но даже в СССР: сам Всеволод Вишневский написал разгромную рецензию в «Литгазету» под названием «Майор Гельдерс и доверчивые советские издательства! Еще бы: ведь лишь годом ранее бывший «особист» В. В. Вишневский (1900—1951) опубликовал пьесу

«Последний решительный», рисующую будущую войну совсем по-другому! Как «прославление героического подвига советского народа, защищающего социалистическое отечество»...

В книге И. Ф. Кларка роман Кнаусса причислен чуть ли не к «сиропным сказкам о войне», изображавшим грядущие баталии если не в розовых, то уж точно не в черных тонах. Разрушены дома, но жертв среди населения немного, и граждане думают не столько о выживании, сколько о победе. Популярность подобных сочинений, как и сам факт их публикации, свидетельствовали, что в Европе начали свыкаться со страшными реалиями войны нового типа.

Отрывок из «фантастического романа» Гельдерса под заголовком «Париж в огне» был перепечатан в «Технике-молодежи» (№ 1 за 1937 год) под рубрикой «Фантазия и действительность», когда до «действительности» оставалось пара-тройка лет... Затем «Знамя» и «ТМ» поменялись ролями: сначала в молодежном журнале были опубликованы главы из фантастического романа капитана резерва Военного Флота США Джона П. Кидда (№ 6 за 1936 год и № 3 за 1937 год), а через месяц в «Знамени» напечатали полностью (№ № 3, 4) его роман «Завещание Уэнтворта» (в переводе В. И. Рязанова), рисующий войну между Японией и Америкой в 194... году...

Война начинается борьбой за господство в воздухе... Затем американский десант «покидает Перль-Харбор» (именно так!), ему поставлена задача овладеть корейско-японскими портами Расин и Сейсин... Эскадры «великих держав» встречаются в открытом море, искусно применив задымление, «японские корабли, продолжая воздушное наблюдение, один за другим топили суда неприятеля!» «Второй Цусимой» закончился «первый акт великой тихоокеанской трагедии». Но хитрее оказались все же американцы, японцы топили не боевые корабли, а макеты! «Мы дрались с огородными чучелами!» — с досадой восклицает японский адмирал... Главные же силы американского ВМФ высаживают десант на Филиппинах и Формозе и захватывают их, сдаются Гуам и Сайпан... «Раскат гомерического хохота потряс Европу, когда история «морского сражения на тридцатой параллели» стала достоянием прессы». Кстати, в сочинении Кидда мне встретилась просто замечательная сентенция: «Теперь историю пишут преимущественно для того, чтобы исправлять ее!»

После публикации сочинений немецкого «майора» и американского «капитана» неудивительно появление в «ТМ» (№ 1 за 1938 год) отрывка из фантастической повести «французского майора Рикара» «Последняя война фашизма» (в переводе Е. Болтина) под заглавием «УР» (то есть УкрепРайон). В предисловии отмечалось, что автор рассматривает план и ход гигантской битвы, перерастающей в новую всемирную войну. Начинается все с операции германцев (с картами!), связанной с попыткой прорыва французских пограничных укреплений. Автор резко расходится

с большинством военных писателей, изображая будущую войну как сражение огромных наземных армий, насыщенных всеми видами техники.

Для вторжения во Францию германцы избирают направление через Люксембург и юг Бельгии... Детально описывается современный УР: «опираясь на флангах на непроходимые участки местности, УР составляет сплошное препятствие, которое не может быть обойденным...» На участке шириной около 18 км и той же глубины располагаются 12 орудийных капониров, 6 малых фортов, 9 батарей дальнего боя, 3 стационарных зенитных батарей, около 600 пулеметных блиндажей... Как же преодолеть такое препятствие? «Предательство — вот секрет частичного прорыва... Проникнув в канализационную трубу, немцы заложили мины огромной разрушительной силы в точно определенных местах». Не помогли и французские авиадесанты в тыл германцев, на правый берег реки Маас...

Тем не менее, «мощные пограничные укрепления французов сыграли свою роль, германские фашисты разбили о них свой медный лоб».

Интересен тот факт, что не было никакого «Рикара», о начале всемирной войны, заканчивающейся полным разгромом фашизма, написал советский майор Е. Болтин, дослужившийся позже и до генерал-майора!.. Правда, генеральское звание для Е. А. Болтина (1900—1981) оказалось не самым важным, он более известен как военный историк (доктор исторических наук, кандидат военных наук) и профессор Дипломатической академии МИД СССР. Фантастики (даже военной) больше не писал...

Дань очень популярным в середине тридцатых годов «военным сценариям» отдал и известный английский писатель-фантаст С. Фаулер Райт (1874—1965). После посещения Германии в качестве корреспондента он опубликовал в газете «Сандэй Диспэтч» в конце 1935 года фантастический роман «Война 1938 года». Перевод (но с немецкого издания) романа появился в книжке восьмой журнала «Знамя» за 1937 год (переводчик А. Ариан). В редакционном предисловии (тогда обязательном) отмечалось: «Весьма показательно, что будущая европейская война начинается вторжением германского фашизма на территорию Чехословакии» — и подчеркивалось, что Райт «сильно преувеличил военную мощь фашистской Германии».

Как бы ни заявлял президент Чехословакии, что «германские требования неприемлемы в той форме, в которой они сообщены, но...» Германия располагает тайным воздушным флотом во много тысяч машин, не считая официальных Воздушных сил! Так что утренние выпуски лондонских газет от 6 февраля 1938 года выходят с «кричащими» заголовками: «Гибель Праги... Гигантское воздушное сражение на германской границе... Окончательное поражение Чехословакии...» Германское правительство публикует манифест: «Чехословацкая республика перестала существовать. Богемия, Моравия и Словакия вновь вошли в состав германского государства...»

Публикация романа «С. Фоулер-Райта» (именно так!) вызвала в СССР несколько рецензий: «Действительность пуще всякой фантастики» И. Ковальского (1936), «От «утопии» к бомбардировке» Б. Розенцвейга (1937). Орывки из продолжения — романа «Четырехдневная война» (1936) — под названием «Англо-Германская война» были напечатаны в «Новом мире» (№ 3 за 1938 год) уже после начала как «фантастических» (романных) боевых действий, так и после совершенно реального «аншлюса» Австрии Германией!

Редакция в предисловии все «объяснила»: «Подобно многим буржуазным писателям, Райт представляет войну как грандиозное столкновение ВВС обеих сторон. Исходя из пресловутой концепции внезапного нападения, он определяет длительность войны в четыре дня. Наряду с этой нелепой идеей молниеносной войны, Райт отобразил в известной мере и антифашистские настроения широких трудовых масс Англии».

«Была суббота, 5 февраля 1938 года. Часы показывали 4 часа 57 минут дня. Минувшей ночью Германия ошеломила весь мир разрушением Праги и декларацией о том, что отныне о Чехословакии следует говорить лишь в прошедшем времени». Тут и Англия получает от германского посла ультиматум! Германский воздушный флот «в составе 1200 истребителей и 3000 ночных бомбардировщиков новейшего типа... с наступлением февральских сумерек пересек в едином строю Голландию и, летя уже над морем, разделился на две части... Проследовал к конечной цели, чтобы приступить к бомбардировке промышленных районов центра страны»...

«В боях над Темзой участвовало около 200—300 английских самолетов, подкреплённых многочисленными зенитными батареями, полусотней новых, еще не испытанных самолетов, управляемых по радио, и орудиями кораблей, стоявших на рейде в устье Темзы...» «Город горел. Усеянные десятками зажигательных бомб, его верфи и склады горели так, что никакие силы не могли бы затушить пожары».

Европа содрогается в объятиях катастрофической войны. Американский президент объявляет войну Германии... «Германская транспортная эскадра фактически уничтожена в бою над Южным Линкольнширом...» Война становится всеобщей! Немецкая авиация начинает применять бомбы, начиненные «замораживающей смертью» — газом, от действия которого гибнут сразу десятки тысяч человек...

Советские авторы «оборонных рассказов» предпочитали более локальные сюжеты. Еще бы, тот же Цехновицер писал: «Перед советскими писателями стоит задача создания высокохудожественных и подлинно познавательных произведений о грядущей войне. В противоположность буржуазным авторам произведения советских писателей должны быть отмечены реальностью прогноза грядущего... Советский писатель при подходе к политическим и техническим особенностям грядущей войны

должен базироваться на точных и строгих законах марксизма-ленинизма, на учении товарища Сталина».

Будущий военкор Великой В. С. Отечественной Курочкин (1910—1980) в нескольких рассказах «романа в новеллах» «Мои товарищи» («Знамя», 1937, № 1) пишет о боях будущей войны. У самой границы двухмоторный истребитель летчика Тимофея Раушева сбивает бомбардировщики фашистского врага в новелле «На высоте 14»; «атака врага окончательно отбита нашей бомбардировочной и штурмовой авиацией» в рассказе «Атака»... Прозрачный высотный самолет-планер — такая вот «научная фантастика». Подобные «рассказы о будущей войне» составили четверть книги Курочкина «Мои товарищи», вышедшей в том же году в издательстве «Советский писатель».

В нескольких номерах популярного журнала «Огонек» за 1937 год публиковали «Эпизоды будущей войны» (рубрика такая). Уже по названиям рассказов можно понять, о чем они: «На марше» Л. В. Рубинштейна, «Между горным кряжем и рекой» венгра Б. Иллеша (жившего тогда в СССР), «Случай в госпитале» Б. М. Левина, «Ольга Попова выполняет задание» Г. С. Фиша, «Без вести пропавший» Л. И. Лагина, «Восстание» Е. Д. Зозули.

В февральском номере журнала «Знание — сила» за 1938 год появилось сочинение А. Шейдемана и В. Наумова «Воздушная операция будущей войны» — как бы отрывок из романа «Воздушная война 194* года». Летчик Федор Валон обнаруживает замаскированный аэродром противника. Эскадрилья, состоящая из 28 «двухмоторных цельнометаллических» бомбардировщиков, вылетает на бомбежку... В квадрате 5586 с высоты 2500 метров она сбрасывает бомбы: «от нажима кнопки приводились в действие электросбрасыватели, стокилограммовые бомбы тихо падали вниз...»

В августе 1938 года в «Правде» напечатали «фантазию о будущей войне» известного летчика Г. Ф. Байдукова (1907—1994) «Разгром фашистской эскадры», пропагандирующую идею дизельного бомбардировщика. Через год в «Комсомольской правде» — «Эпизоды будущей войны» другого известного летчика того времени П. П. Десницкого (1911—1993), естественно — об очередном разгроме «коварного агрессора!» «Эпизоды» именуются так: «Бой над океаном», «Поединок за облаками», «Разгром»...

В нескольких фантастических произведениях советских авторов конца тридцатых годов (не только о будущей войне!) встречается мотив защиты Родины. В романе С. М. Беляева (1883—1953) «Истребитель 2-Z» (1939) Красная Армия в первые же дни войны словно бы шутя уничтожает врагов; в повести Н. В. Автократова (1894—1982) «Тайна профессора Макшеева» (1940) таинственными лучами взрывают боеприпасы противника по всему фронту...

П. А. Павленко (1899—1951) в романе «На Востоке» (1937) более масштабен; правда, две трети его книги совсем не о войне. Замысел романа

зародился при работе над «Полемическими вариантами». Перенеся события в Азию, писатель несколько выправил свою переоценку революционных возможностей трудящихся капстран. Военным событиям посвящена «Часть четвертая. Март 193...»: «Япония готовилась воевать всюду... Всюду воевать готовился и красный Китай...»!

«В ночь с 7-го на 8-е марта генерал Минами двинул японо-манчжурские вооруженные силы к границе СССР. Главный удар намечен был в бассейне озера Ханки...» В 2:30 японцы произвели первый налет на Владивосток силами 50 ночных бомбардировщиков и истребителей, одновременно атаковали с моря. Воздушную армию вел генерал Сано, штабом ему служил двухмоторный «Мидубиси» ТБ-91, вооруженный пятью пулеметами и орудием. Молниеносный удар по Ивановской авиабазе не получился, «наши» перехитрили генерала, переведя авиасоединения на тайные аэродромы! Тяжелые четырехмоторные бомбардировщики начинают ответную операцию. Как писали критики через 30 лет, Павленко обрушивает на агрессора столько самолетов, сколько помещается в его воображении!

В сражении на земле удар 2-й армии принимают на себя пограничники. По радио «в это время заговорил Сталин. Это был голос Родины, простой и ясный, отечески неторопливый сталинский голос...» Ну, дальше все понятно: «героизм как бы вводился в строжайшее расписание» — и наши побеждают! «Народ Японии вступает в войну... Народ Китая вступает в войну», а точнее — в революцию! Все вместе строим новый город Сен-Катаяма!

Судьбу войны писатель решил уже в пограничном сражении, «великая пехота большевиков» лишь развивает успех защитников пограничного механизированного оборонного пояса. Роман Павленко пропагандировал концепцию молниеносного перенесения войны на территорию агрессора, о трезвой оценке противостоящих сил вопрос не ставился.

В первом номере «Знамени» за 1939 год опубликовали «повесть о будущей войне» Ник. Шпанова «Первый удар» — естественно, с предисловием редакции. «Тов. Ник. Шпанов рассказывает об одном эпизоде будущей войны, о воздушном рейде ВВС РККА. Война еще не показана во всем своем объеме, только одна частная боевая операция... Повесть — одна из первых попыток советской военной фантастики».

В середине августа неназванного года «атмосфера в Европе еще более накалена, чем в августе прошлого года... С утра 15-го приостановлены все полеты иностранных самолетов над территорией Третьей империи... По железным дорогам двигались воинские составы...» Восемнадцатого августа в семнадцать часов крупные соединения фашистов перелетели советскую границу. Противник был встречен частями наших вооруженных сил... «Война против фашизма будет священной войной» — советская авиация выдает адекватный ответ! Первая колонна в составе 240 СБД, вторая колонна в составе 60 СБД, третья колонна в составе 360 СБД — общим

курсом на Варшаву, а затем к Берлину! «Лишенные оперативного руководства и поддержки бронесил ударные группы Шверера» (фашиста проклятого) отошли. В тылу противника — большое восстание! «Под давлением народных масс во Франции образовалось правительство Народного Фронта!» Прошли «первые 12 часов большой войны»... «12 часов войны» — так первоначально (в 1936-м) и называлась эта расхваленная советской пропагандой повесть, выдержавшая перед войной пять книжных изданий. Н. Н. Книга Шпанова (1896—1961) была призвана пропагандировать советскую военно-авиационную доктрину: наши воздушные силы быстро вытесняют вражеские самолеты из советского неба и через несколько часов наносят поражение супостату! Не предусматривали уставы РККА и РКВФ иного, неблагоприятного для них поворота событий на театре военных действий...

Великая война с фашизмом в нашей «реальности-1» оказалась не такой, как представляли фантасты. Она стала войной моторов, дуэлью инженеров и ученых, причем «большая» техника потребовала еще большей крови... Вторая мировая, закончившаяся бомбардировками Хиросимы и Нагасаки, оказалась намного страшнее любых прогнозов: уэллсовский атомный кошмар обрел реальные черты...

«Взрыв тысяча девятьсот сорок пятого года ускорил процесс естественного разложения старого мира...» Эта строка из романа «Через тысячу лет» (1927) В. Д. Никольского (1886—1941) не только случайное предсказание даты!

ДМИТРИЙ ПРОСКУРЯКОВ

АЛЬТЕРНАТИВА ИЛИ ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ?

Бронхитский П. Альтернативы нет: роман. — Спб: «Другая Россия», 2010

Представляю вам критический отзыв на одну из самых неоднозначных книг года. Жанр романа трудно определить: за броским модным сюжетом шпионско-политического боевика скрывается вполне серьезная начинка альтернативно-исторической антиутопии.

Итак, на дворе — 1934 год. Повсюду портреты императора всея Руси Иосифа I, великого вождя и руководителя ДНИПР, Демократической Народной Иосифлянской партии России, II съезда которой проходит в Москве. На съезде решается проблема возможной войны с враждебной коммунистической Германией, а также проблема увеличения темпов капиталистической индустриализации и коллективизации. В народе наблюдается массовый трудовой энтузиазм и увлечение парашютным спортом.

Главный герой романа, охватывающего промежуток без малого в 20 лет, Алексей Алексеевич Срыбернгардт, 23-летний выпускник МГИМО, потомственный дворянин и дипломат, по совместительству капитан ГРУ (Главного разведывательного управления). Он готовится к своему первому ответственному заданию за «бутром» — прощупать на месте обстановку в американских «верхах» по поводу истинного их отношения к возможной войне и перспектив союзничества.

Пока все немного странновато. Но этот парадоксальный, вывернутый наизнанку мир четко обусловлен альтернативным развитием исторических событий. Отдельные намеки, штрихи и упоминания когда-то произошедшего и происходящего сильно разбросаны и распылены в тексте, поэтому я постараюсь их суммировать, свести воедино. Отвлечемся на время от главного героя и его приключений.

Итак, Октября не случилось, как не случилось, следовательно, ни Гражданской войны, ни диктатуры пролетариата, ни расстрела царя, ни военного коммунизма, ни нэпа, ни образования СССР. Почему? Ответ на данный вопрос у автора один: пролог романа представляет собой историю о крушении какого-то поезда. В этой аварии погиб В. И. Ленин, чья личность в истории нашей страны в 1917-м играла определяющую роль.

3 апреля 1917 года один из поездов не прибыл на Финляндский вокзал Петрограда. Случайность или преднамеренное покушение — неизвестно, но факт тот, что никаких тебе апрельских тезисов, никаких пламенных речей с броневишка и решительного руководства колеблющимися партияцами. Ни Троцкий, ни Зиновьев с Каменевым, ни Сталин не обладали столь же фанатичной убежденностью в своих идеях, таким же умением направлять события, таким влиянием и авторитетом в сочувствующих массах, как Ленин. Среди большевиков начался разлад. «Ну, нет такой партии, нет!» Реальной оппозиции председателю Временного правительства А. Ф. Керенскому в России не оказалось. Временное правительство устояло, провозгласило 1 сентября 1917 года республику, предотвратило стихийные попытки захвата власти большевиками, и в начале 1918 года заключило мир с Германией — плохонький, конечно, невыгодный, унижительный, стыдный, но все же мир, а это главное. Народ до смерти устал от войн, революции, разрухи и неурядиц.

Важное место занимают события в бывшей кайзеровской Германии. Автор утверждает, что германская революция в ноябре 1918 года произошла бы все равно — если б даже не было Октября 1917-го, сильно на нее повлиявшего. Главным образом она была обусловлена поражением в Первой мировой и тяжелым положением масс. Только в этот раз революция развивалась по более мирному, буржуазно-демократическому сценарию, ибо марксисты-коммунисты еще не имели здесь достаточного влияния. Фашизм, между прочим, тоже не появился, ведь он был порождением реваншизма и антибольшевизма. Теперь же фашисты не смогли найти в Германии свою нишу: война, ко всеобщему удовлетворению, завершилась, одна за другой пошли реформы в области политики и экономики, а большевистской угрозы в мире не было. Впрочем, все впереди: немецкие экстремисты еще найдут свое место под солнцем в этом дивном новом мире.

Что же Россия? Учредительное собрание приняло решение о введении республиканской формы правления, прошли выборы в Государственную Думу, и было сформировано правительство с самым популярным политиком страны, А. Ф. Керенским, в качестве премьер-министра. Сталин умудрился занять кресло министра по делам национальностей (вопрос о тайных связях Кобы с царской охранкой и о влиянии этого факта на продвижение его во власть слегка затрагивается автором и решается положительным образом).

И начались рядовые парламентские будни: принятие законов, обсуждение поправок. Николай II с семьей, никому не нужный, спокойно дожидал свой срок в невыездной тобольской ссылке, в ус не дул и продолжал, как ни в чем не бывало, вести свой бестолковый дневник. Распиралась экономическая свобода на селе и в городе, разрастались кооперативы и торговые товарищества. Потихоньку строились крупные промышленные предприятия.

Сталин тем временем не дремал. К 1927 году он всерьез заговорил об опасности немецкой коммунистической интервенции в Россию, и, несмотря на уверения Чичерина, министра иностранных дел, о бессмысленности подобных заявлений, Сталин добился значительного увеличения армии, контрразведки и внутренних органов безопасности. Постепенно произошло сближение Сталина, специалиста по национальностям, с крайне правым Пуришкевичем, черносотенцем и монархистом до мозга костей — пока что на почве утверждения русского народа как главенствующего в Российской республике. Товарищи Кобы по партии, члены правительства и Госдумы не вполне осознавали смысл подобного дуумвирата — они поймут его позже. Вскоре Сталин совмещал уже несколько должностей, в том числе министра по сельскому хозяйству и министра внутренних дел, и оказывал все большее влияние на премьер-министра Керенского.

1929 год стал годом Великого Перелома в российской политике и экономике. 21 января неожиданно умер Керенский. Неизвестно, приложили ли Коба свою волосатую лапу, но, во-первых, Пуришкевич высказался в своих запрещенных мемуарах на этот счет достаточно недвусмысленно, а во-вторых, последующие действия Иосифа Виссарионовича наводят на подозрение, что для него единственного произошедшее не стало неожиданностью. По закону следовало избрать нового премьер-министра из числа действующих чиновников на очередном заседании Думы, но Сталин, трезво оценив свои шансы, форсировал развитие событий...

Хуже всех дела в этот год обстояли в Германии. Гигантская инфляция (на несколько порядков выше, чем где-либо), неурожай, голод, как инфлюэнца, поразили страну. На волне общественного недовольства к власти совершенно легально, путем выборов, пришла Коммунистическая партия Германии, истинные наследники Маркса и Энгельса. Лидеры КПП, Карл Либкнехт, Клара Цеткин и Роза Люксембург, имели «тайное пропагандистское оружие» — отставного ефрейтора Шикльгрубера, который за неимением ничего лучшего прибил к коммунистам и сделался главным партийным оратором и агитатором. Его экстремистские взгляды, за исключением разве что неинтернационалистического антисемитизма, были очень близки социалистам. Мало-помалу Гитлер-Шикльгрубер оттеснит постаревших и не столь пламенных революционеров на второй план, и в 1933 году станет вождем (нем. *fuehrer*) КПП.

А пока Сталин объявил, что необходимо срочно мобилизовать армию, а выборы премьер-министра проводить просто некогда. Пользуясь чрезвычайным положением и постом министра внутренних дел, Сталин ввел в столицу танки и под шумок умудрился арестовать Троцкого и Милюкова. Компромата на своих конкурентов у Сталина было хоть отбавляй, оставалось только пришить им шпионаж в пользу Германии и попытку государственного переворота. В народ активно внедрялась мысль, что именно благодаря решительным действиям мудрого Сталина немецкие коммунисты

не напали. О выборах как-то само собой забылось. Скоро Сталин возложил на себя обязанности премьера, по пути разоблачив черновско-бухаринскую и родзянко-зиновьевскую антиправительственные оппортунистические группировки. И никто пикнуть не успел, как наступил 1934 год. Сталин провозгласил себя императором Иосифом I из династии Рюриковичей.

Ни больше, ни меньше. Всего 17 лет прошло после Февральской революции и низложения монарха.

Как же так? А довольно просто. Года за два до этого бывшему черносотенцу Пуришкевичу был предоставлен пост министра культуры, просвещения и печати, и тот принялся, дорвавшись, из всех сил проповедовать свои царистские, антисемитские, русофильские и ксенофобские идеалы. Причем с особо сладкой ностальгией им описывалось не правление Николаша II (которое еще многие помнили и которое отнюдь не было золотым веком), а стародавние времена Иоанна Грозного: какой был при нем порядок и как процветало государство Российское. К этому моменту положение масс в стране несколько ухудшилось, так как поощрявшееся правительством частное предпринимательство разорило особо бедные слои и обогатило другие. И, что интересно, тем и другим хотелось сильной власти: одним — чтобы царь-батюшка защитил от учиняемого разорения, другим — чтобы защитили от незаконного разграбления. К тому же по многим ощутимо ударил кризис 1929 года.

Коба провел свою генеалогию от самого Иоанна Грозного: легенда о царевиче Димитрии, невинно убиенном в 1591 году в Угличе, пригодилась не только самозванцам Смутного времени. Вроде как царевича подменили на безвестного ребенка, а его самого увезли в Грузию, подальше от Бориски Годунова. И вот, через три с лишним века, потомок невестребованного царевича прерванной династии может заслуженно занять трон.

Итак, в 1934 году страна получила монарха совершенно нового типа — сына сапожника, бывшего семинариста и террориста, социал-демократа и большевика, бывшего Кобу Джугашвили, а теперь, глядите-ка, Иосифа I Рюриковича. Мир рукоплескал и восторгался: большевистская опасность в России миновала окончательно и бесповоротно. Российский народ, кстати, принял столь разительную перемену в статусе страны и ее правителя совершенно спокойно: любой правитель в России по сути — монарх.

За 7 лет, оставшиеся до войны, Иосиф I окончательно прибрал к рукам всю власть, упразднил Думу, а бывших соратников по партии и по правительству благополучно сгноил на Соловках и на Беломорканале, как, впрочем, и представителей династии Романовых, «незаконно узурпировавшей власть, воспользовавшись Смутой 1613 года. Кулаки, подкулачники, враги народа, шпионы... Все вошло в привычную для нас колею.

Здесь проблема альтернативы и предопределения встает в очередной раз со всей остротой: неужели даже в случае отсутствия в истории Октябрьской революции 1917 года, Сталин все равно пробился бы к власти,

в каком бы то ни было качестве? Вопрос спорный, и отвечать на него столь же однозначно, как рецензируемый автор, нельзя. Хотя, согласитесь, а ведь что-то в этом есть...

Как раз в исторические минуты II съезда ДНИПР мы и встречаемся с главным героем романа «Альтернативы нет» Алексеем Алексеевичем Срыбернгардом, начинающим дипломатом, по совместительству капитаном ГРУ. Он с юношеским восторгом принимает изменения в политике страны. Будучи сам монархистом и потомственным дворянином, он считает, что традиционные, вековые устои не должны нарушаться. Срыбернгард с энтузиазмом вступает в ДНИПР (Демократическую Народную Иосифлянскую партию России), названную так в честь великого вождя, премьер-министра и императора, клянется ему в верности.

Отягощенный заданием выяснить четкое отношение американского правительства к произошедшим в России переменам, дипломат и капитан ГРУ А. А. Срыбернгард отбывает в США и ведет там успешные переговоры, потихоньку выведывая промышленные и военные тайны. Из-за «бугра» продолжает наблюдать за событиями на родине и смутно чувствует какую-то неправильность, надуманность происходящего. Заговоры какие-то, диверсанты... Срыбернгард постепенно понимает, что Иосиф I — далеко не тот монарх, о котором мечталось, но родина есть родина: правители меняются, а страна остается.

А затем наступает 1941 год, и коммунистический Рейх вероломно нападает на монархическую Россию. Мир наизнанку. В Германии, на родине Маркса и Энгельса, под влиянием кризиса 1929 года усилилась и окрепла компартия, и в ней возобладали и слились воедино ленинская идея мировой революции и гитлеровские бредни о расширении жизненного пространства для немецкого народа. И все это национал-социалистическое варево было круто замешано на бытовом антисемитизме, получившем статус государственной политики. Этакий чудовищный мичуринский гибрид. Свастика, серп и молот.

Причин для второй русско-немецкой войны было несколько. Во-первых, немецкие коммуны не могли простить предательство русскими большевиками идей Маркса. Главный лозунг, таким образом, стал: «Бей буржуев и жидов», что, в общем-то, было для немцев одним и тем же. Во-вторых, престарелый «имперский староста» Пуришкевич, министр культуры и пропаганды, со своей стороны, в долгу не остался и объявил, что вот немцы-то и есть самые настоящие, только хитро замаскировавшиеся евреи, жидамоны. А мы знаем, что и Гитлер, и Геббельс имели по одной из линий точно скрывавшиеся еврейские корни. Немецкая пропаганда взбеленилась от ярости и объявила в ответ, что на самом-то деле все поголовно славяне и есть евреи, и что пока последний славянин-еврей не будет уничтожен, ни один истинный ариец-коммунист не может спать спокойно. Смысл грядущей войны затерялся, таким образом, в совершеннейшем тумане

пропагандистской ахинеи — и там, и тут собирались воевать с мифическими евреями.

Несмотря на неожиданное и быстрое нападение (блиц-криг), немецкая армия не смогла добиться существенных успехов, и в феврале 1942 года все было кончено: русские царские войска стояли в Берлине, американские, английские и французские — на подступах, а Адольф Гитлер благополучно отравился. Германия (вместе со своим союзником, Польшей) была превращена в Западно-Российскую область. Огромные территории, широкие реки, лучшее в империи пиво — «Русское Баварское»... «Видь на Эльбу — чей стон раздастся над великою прусской рекой?..»

Казалось бы, все хорошо, родная страна процветает. Но герой нашего романа, А. А. Срыбернгардт, замечает, что отношение к России в мире меняется — ведущие государства боятся явного ее усиления и территориальной экспансии. Около двух лет уходит у Срыбернгардта на выяснение некоторых подозрительных обстоятельств, и, наконец, он узнает, что в США полным ходом идет создание нового секретного супероружия — атомной бомбы.

В 1945 году происходит межгосударственный конфликт: Иосиф I Рюрикович заявляет, что Российская империя, включающая в себя Западно-Российскую область, бывшую Германию, имеет полное право на все положенные территории. А именно — на французские провинции Эльзас и Лотарингию. Америка вмешивается; на встрече в верхах Сталин ставится в известность о новом страшном оружии массового уничтожения. Но, благодаря своевременным донесениям А. А. Срыбернгардта, Коба I уже в курсе: он блефует, заявляя, что может ответить тем же (русская бомба только в стадии разработки). Президент США Трумэн поддается на блеф и отступает. В России самый актуальный вопрос тех дней: «Как нам обустроить Германию, а с нею — Эльзас и Лотарингию?» Но в воздухе сгущается запах серы — грядет очередная мировая война.

На фоне зловещей политической ситуации разворачивается захватывающий шпионский боевик: А. А. Срыбернгардту поручено как можно быстрее раздобыть чертежи и инструкции к созданию атомной бомбы, чем тот по мере сил и занимается. Одновременно американская контрразведка выходит на русского резидента (официально — посла) и предлагает ему (за немалое вознаграждение) сотрудничество. Поначалу Срыбернгардт отказывается, но опытные ЦРУ-шники открывают ему глаза на некоторые очевидные вещи. Император всея Руси Иосиф I Рюрикович, дядюшка Джо, стал стар, угрюм, упрям, мнителен, подозрителен, жесток. Провел очередную чистку в руководящих партийных органах. То и дело в Западно-Российской области раскрывают очередной заговор коммунистического подполья, и людей расстреливают тысячами. Закапывают прямо в оврагах. Лагеря переполнены. Достаточно любого доноса на человека, что он коммунист или еврей, и человек бесследно исчезает в недрах служб

безопасности. А теперь у Кобы Джугашвили появилось еще и ядерное оружие. На что оно его подтолкнет? Он уже угрожает в скорое время присоединить к своей империи Чехословакию, Венгрию, Болгарию, Румынию и Китай. Но это — общемировая война, а ее нельзя допустить.

Алексей Срыбернгардт — патриот своей родины и предателем быть не собирается, но понимает, что ситуация действительно выходит из-под контроля. Понимает, что кто-то должен предотвратить катастрофу. И он идет на соглашение с ЦРУ. Его якобы «раскрывают», устраивают громкий публичный процесс по поимке шпиона. Российское правительство выменивает его на пойманного ранее американского разведчика, и вот майор ГРУ А. А. Срыбернгардт снова на родине, которая действительно немало изменилась за 15 лет. И, кажется, не в лучшую сторону. На правах опытного прославленного работника невидимого фронта Срыбернгардт крутится в высших эшелонах власти и понимает, что информация, которой его снабдило ЦРУ, полностью соответствует действительности. И он решается приступить к выполнению своей части договора.

Постепенно Срыбернгардт все ближе и ближе подбираться к дряхлому, но еще могущественному императору, выступает на съездах ДНИПР и на митингах, требует расстрела очередных врагов народа, беседует в кулуарах и в будуарах с особо приближенными лицами, сужает и сужает круги, и, наконец, попадает в личную охрану Сталина. И вот, в 1953 году Срыбернгардт осуществляет задуманное: император умирает, так и не дождавшись врачебной помощи. Призрак атомной войны отступает на второй план.

Зато начинается внутрипартийная борьба за власть. И тут на помощь приходит Америка («Заграница нам поможет!»). Она предоставляет огромный кредит на проведение всеобщих демократических выборов и введение новой, президентской, формы правления (это называется «план Маршалла»). Последние годы жизни Сталина запомнились народу не с лучшей стороны, да и члены Имперского Политбюро, сталинские приближенные, не видят иного выхода сохранить легитимность своей власти. Для проведения выборов принимается новая конституция, теперь уже по американскому образцу. Кандидатами в президенты становятся партийные соратники бывшего вожда-монарха: Жуков, Маленков, Хрущев, Молотов.

А. А. Срыбернгардт, как старый убежденный монархист и иосифлянин с 1934 года, со II съезда партии, не приемлет нововведений и в корне с ними не согласен: такого оборота событий после устранения Сталина он, в отличие от его заморских «друзей», не ожидал. Он настаивает на уникальном пути России среди стран мирового сообщества и независимости от Америки. Он сдает американского резидента российским властям, чем окончательно разрывает свой тайный союз с ЦРУ. Он вступает в сговор с министром госбезопасности Берией, и они готовят государственный переворот по возврату к монархии. Они намереваются выступить

в день после выборов, объявив их незаконными и сфальсифицированными. Но руки у Америки длинные: в назначенный день, когда по всему видно, что победит народный любимец полководец Жуков, когда Берия со Срыбернгардтом едут в бронированной машине в сопровождении вооруженных сотрудников МГБ, вдруг происходит взрыв. А. А. Срыбернгардт и Л. П. Берия гибнут, и государственный переворот срывается. Их клеймят как отсталых сторонников реставрации монархии, французских шпионов, и предадут анафеме.

В последнюю секунду жизни перед глазами Алексея Срыбернгардта проносится, как водится, вся его жизнь, полная нужных знакомств, ответственных заданий и опасных погонь. И пока он еще не сторел, Срыбернгардт понимает, что все-таки не успел главного — предотвратить беду и повернуть локомотив истории в другую сторону, прочь от гибельного пути обезличивания родины и превращения ее в марионетку, подражающую чужому шаблону.

Какова мораль романа «Альтернативы нет»? Каковы выводы? Есть ли они? И насколько они своевременны? Автор предлагает додумать это самостоятельно. Мы сегодня и сами прекрасно видим, как наша реальность местами все больше скатывается к западному образу жизни и «американской мечте». Есть ли у России, в самом деле, свой путь? И основной, как мне кажется, вопрос звучит так: что же правит историей — расходящиеся альтернативные пути или жесткое предопределение, от которого, как ни пытайся, не уйти? Что же все-таки? Альтернатива или предопределение?

ЯН МИХАЙЛОВСКИЙ

ВОЙНУШКА

В окопах времени. — М.: «Яуза», 2010

*II винил в том аффтаров бессовестных,
всю историю превравших,
в эпохах запутавшихся и реалиев местных,
дескать, не знающих...*

Вообще, писать рецензию на сборник рассказов — занятие малоперспективное, навряд ли вычисления средней температуры по палате. Невозможно сделать одинаково ровный, сильный сборник, уместив под обложкой столь различных авторов, подобрав такой состав, который шел бы ровным фоном, без всплесков. Кто-то будет выделяться, кто-то будет отставать. Нормальное положение дел, своеобразный срез писательской тусовки, который позволяет оценить новичков и получить удовольствие от работы мастеров.

Совсем другой вопрос — тематика сборника. Она, как правило, определяется составителем или издателем. Для сборников очень важна модность темы, злободневность. Иначе покупать не будут. Суровая проза жизни. А уж под тематику можно уравнивать много вещей. И сделанные, выпестованные, возвращенные эпизоды, специально для этой темы созданные, и рассказы, написанные автором давным-давно, а тут вдруг оказавшиеся к месту. А еще может и стеб затесаться. Сборники хорошие, грамотные, часто напоминают романы в рассказах — настолько удачно и правильно выстраиваются произведения. Сборники солидные, навряд ли тех же «Фантастик — 20XX» — они как каталоги или гляцевые рекламные журналы: отражают тенденции, освещают интересные вопросы, ну, и рекламу делают, чего уж там лукавить. Сборник, который достался мне, как лоскутное одеяло. Здесь «ура-патриотические» вещи совершенно мирно соседствуют с пародиями на сам жанр, в котором он составлен (напоминаю — это «альтернативная история» с попаданцами, изменением хода истории и прочее, прочее, прочее). Чем руководствовался составитель — понять сложно. Но результат вышел забавным. На одной странице автор с натугой повествует о временном сдвиге, который возвеличил Русь-матушку, и об автоматах с квас-колой, на второй уже совсем другой товарищ заодно рассказывает о переписке Сталина с Рузвельтом и об отлове толп попаданцев на границах самых «хлебных» эпох.

Сравнение с одеялом не зряшное. Греть-то оно греет, только уж очень пестрое все. Раздолбайский какой-то сборник, уж простите за простой язык. Вполне вероятно, что это ощущение обусловлено авторским коллективом (в большинстве своем представителями сетературы и Самиздата, который они, кстати, оказывается, страсть как не любят). Да-да. Этот мотив мог бы стать подзаголовком. Что-то вроде «Мысли о том, как сделать Интернет чище». Тут в рассказах всплывают и подковерные разборки литературной тусовки (кто поймет, тот поймет, остальным незачем), и обличаются оппоненты в сетевых спорах, не верующие в «Великую, прекрасную Россию», в которой мы все, несомненно, будем жить в самом ближайшем будущем. Так же точно, со вкусом, прописаны образы Интернет-троллей: их пороки, недостатки и комплексы высвечены со всей безжалостностью. Двойственное впечатление складывается после прочтения. То ли хотели авторы заложить какие-то Идеи в свои творения, то ли желали отношения между собой выяснить и обидчикам отомстить по-простому, незатейливо.

Расплаваться мыслию по древу тут совершенно не о чем. Стандартный сборник рассказов популярного нынче жанра. Без претензий. Для мужчин. Про танки-стрелялки, бабахалки-убивалки. Не про людей. Не про дела. Не про судьбы.

Оловянные солдатики бегают по нарисованным пейзажам и истекают пластиковой кровью. Хлопают пиротехнические петарды. Где-то над ухом рассказывают анекдот, а кто-то «смишно» комментирует все происходящее. Игрушечная войнушка, ради развлечения. Из авторов стоит отметить, пожалуй, только Полнтова и Романова. Единственные, кто обошелся без ненужного пафоса и железячничества, зато расстарался на неплохие сюжеты и интересные характеры.

Своих потребителей такое чтиво, безусловно, найдет. Находят же читательниц поделки «Армады». Там пишут в основном для экзальтированных дамочек, грезящих о своих великих судьбах. *Здесь* пишут для мужчин. Есть такой подвид в нашем племени — диванные Рэмбо. Вот это — их литература, однозначно.

Итог: плашка «Середняк». Но повторюсь: это средний балл за весь сборник. Есть отличные вещи, но их можно пересчитать по пальцам одной руки. Куда как больше серого стандартного картона...

ЛЕВ ГУРСКИЙ

ВАМ ПОСЫЛОЧКА С МАРСА

Как нам вести себя с инопланетянами? Да так же, как они с нами: если хотят дружбы, мы их заласкаем до потери пульса, если хотят войны, уроем с помощью их же летающих тарелочек. А что если инопланетяне сами еще не решили, как к нам относиться? А что если выбор придется делать нам, а не им? Как только на экранах появляется нечто инопланетное (пусть иногда и прикрытое — для маскировки — земным обликом), зритель напрягается. Хочется простых и понятных решений, да. Не хочется выглядеть дикарем или идиотом, да. Помогают ли режиссеры определиться нам с выбором? Когда как, друзья, когда как...

Вторжение розового человечка

Начнем с азов. Сюжет многих фантастических лент про инопланетян, включая классический фильм Стивена Спилберга «Е.Т.», выстроен просто: на Землю прибывают хорошие (вариант: плохие) пришельцы, которые ничего плохого против землян не замышляют (вариант: хотят завое-

вать землян), а в финале убираются восвояси (вариант: уничтожены тем или иным способом). Испанские аниматоры Хорхе Бланко, Хавьер Абад и Маркос Мартинез в своем фильме «Планета 51» (Planet 51, Испания — Великобритания — США, 91 минута, «Парадиз-ВС», 2009) переворачивают классический язык с ног на голову. На планету, населенную зелеными человечками (по виду точь-в-точь пришельцы из комиксов), сваливается земной модуль, оттуда бодрой походкой выходит астронавт, чтобы водрузить звездно-полосатый флаг и сказать дежурную фразу про маленький шаг человека и большой шаг человечества. Водрузив флаг, герой по имени Чак Бейкер внезапно замечает, что

планета населена, а ее жители выглядят (если, конечно, не считать зеленого цвета кожи) и, главное, ведут себя, как американцы 50-х годов XX века. То есть они — потребители тамошнего фант-масс-культы и потому верят в зловредных гостей из космоса. Поэтому на Чака Бейкера начинается охота тамошних военных, а помогают нашему герою, как и в упомянутом уже фильме Стивена Спилберга, дети во главе с юным астрономом-неудачником. Почему дети, понятно: там, где взрослые пребывают во власти химер, дети соображают, что пришелец ничуть не опасен и напуган еще больше, чем аборигены... Как и следовало ожидать от фильма-перевертыша, авторы пародируют множество популярных лент — от «Чужих» и «Звездных войн» до «Дня Независимости» и «ВАЛЛ-И». Да и сам земной astronaut временами смахивает на молодого и бодрого Арнольда Шварценеггера времен первого «Терминатора». В фильме много забавных шуток (одна только здешняя собачонка-монстр чего стоит!), но главная мысль вполне серьезна: среди звезд нас ждет Неведомое и, возможно, это самое Неведомое будет призвано сыграть роль нашего зеркала. Мысль эта, кстати, задолго до испано-англо-американской анимации была сформулирована в романе Станислава Лема «Солярис». Зря, что ли, в «Планете 51» юный астроном носит имя Лем?

Все путем!

Более 43 лет назад, 8 сентября 1966 на телеэкраны США вышел сериал «Звездный путь», и эта дата стала точкой отсчета для самого долгоиграющего теле- и кинопроекта в мировой фантастике. Поскольку судьба Star Trek растянулась на 6 сериалов и 10 полнометражных фильмов... и они уже настолько заездили легенду, что снимать фильм номер 11 позвали не кого-нибудь, а идеолога сериала «Остаться в живых», потрясающего профи Джея Джея Абрамса, который получил бюджет в 150 миллионов вкупе с пожеланиями привлечь в кинотеатры не только фанатов старого «Звездного пути», но и тех, кто уже отродясь об этой легенде не слышали. И Абрамс добился своего: снял фильм-приквел «Звездный путь» (Star Trek, США — Германия, 126 минут, «Universal Pictures Rus», 2009), рассказав о молодых годах членов экипажа крейсера Enterprise. Неофитам подана история, рассказанная с нуля,

а фанатам — и подарок, и бонус (в одной из возрастных ролей задействован актер Леонард Нимой из «старого» сериала), и небольшой сюрприз. Поскольку в ходе сюжета некоторые персонажи перемещаются во времени и из будущего влияют на настоящее, то, вполне вероятно, дальнейшая жизнь молодых героев будет уже не вполне такой, как в классическом сериале... Однако по порядку. Джеймс Кирк (Крис Пайн) родился в не самое удачное для его родителей время. Мать героя (Дженнифер Моррисон) рожала его именно в те минуты, когда отец будущего главного героя фильма, приняв командование космическим кораблем во время нападения коварных ромуланцев во главе с Неро (Эрик Бана), погиб на посту. С тех пор мальчик успел вырасти, стать веселым безбашенным хулиганом, и эта легкость в мыслях необыкновенная побудила его принять предложение капитана Кристофера Пайка (Брюс Гринвуд) и стать курсантом Академии звездного флота, а позднее попасть на Enterprise. И не просто попасть, но оказаться в нужное время и в нужном месте. И потому этот крейсер уже не попадает в ту же ловушку, в какую когда-то угодил корабль отца Кирка... Дальнейшая история несется вперед с невероятной скоростью. Большую часть бюджета режиссер потратил на спецэффекты, и потратил с толком. Космические корабли выглядят, как настоящие, поединки необычайно техничны, интерьеры достоверны настолько, что в этих интерьерах даже явный недоброжелатель Кирка, получеловек-полуулканианец Спок (Захари Куинто — сериал «Герои») обречен стать его лучшим другом и верным соратником, а коварные планы Нерона по уничтожению Земли проваливаются (но сам он цел, так что продолжение следует...). Режиссер достигает победы и кассового успеха благодаря умелым действиям молодых членов экипажа — Кирка, Спока, красотки Ухуры (Зои Салданы), доктора МакКоя (Карл Урбан), веселого спеца по нуль-транспортировкам Скотти (Саймон Пегг), а также молодого русского пилота Чехова (Антон Ельчин), который, хотя и откликается на имя «Павел Андреевич», вовсе не шпион, в отличие от своего тезки из советского культового же сериала «Адъютант его превосходительства».

Получите и распишитесь

Действие фильма Ричарда Келли «Посылка» (The Box, США, 2009, 115 минут) происходит в 1976 году, место действия — Лэнгли, штат Вирджиния, США: место, где находится не только штаб-квартира ЦРУ, но и офис НАСА, где, собственно, и работает один из главных героев картины, Артур Льюис (Джеймс Марсден). А жена его, Норма (Кэмерон Диаз), — школьная учительница. Живет эта пара, прямо скажем, богато, и когда вдруг выясняется, что на учебу сына нужно больше денег, семейного бюджета не хватает. Тем более что именно в это время Артуру отказывают в приеме в отряд астронавтов. И если учесть, что Норме требуется операция (у нее ампутированы пальцы на ноге, нормально ходить

она не может), делается ясно: деньги семье нужны позарез. Вот тут и появляется на пороге квартиры Льюисов посылка с запиской, а пришедший вечером изуродованный и элегантно одетый мистер Стюард (Фрэнк Лангелла) все объясняет хозяевам дома. Внутри посылки — ящичек с кнопкой. Если супруги нажимают кнопку, где-то в мире умирает совершенно не знакомый им человек, а они получают миллион наличными. Но решение надо принять за сутки, потом коробку заберут и предложат кому-то другому... Любители фантастики сразу же вспомнят сюжетную основу фильма — рассказ Ричарда Мэтесона «Кнопка» (в другом переводе — «Нажмите кнопку»), а знатокам русской литературы придет в голову набросок Пушкинской речи Достоевского, который вспоминал роман Бальзака, который, в свою очередь, ссылался на Руссо: «Помнишь то место, где он (то есть Руссо. — Л. Г.) спрашивает, как бы его читатель поступил, если бы мог, не выезжая из Парижа, одним усилием воли убить в Китае какого-нибудь старого мандарина и благодаря этому сделаться богатым?» В изящном рассказе Мэтесона все заканчивается парадоксально: жадная и глупая миссис Льюис в отсутствие мужа нажимает-таки кнопку — и в тот же день гибнет мистер Льюис, застраховавший свою жизнь (вот и деньги!). И финальная реплика незнакомца звучит почти издевательски: «Неужели вы думали, что по-настоящему знали своего мужа?» Рассказ был благополучно экранизирован в «Сумеречной зоне», и тем бы все и кончилось, кабы не Ричард Келли. Постановщик пиззофренического — и для некоторых киноманов культового — фильма «Донни Дарко» взялся за «Кнопку» (в оригинале «Посылка» называется просто «Ящичком») и добавил к прозрачной фабуле Мэтесона кучу бессмысленных сюжетных линий: исследование Марса, посланцы иных миров, теорию заговора, зомбирование людей, какие-то порталы в виде кубов воды... Пытаясь уловить хоть какую-то логику в этом нагромождении никуда не ведущих эпизодов, зритель в итоге хватается за фабульную соломинку: мол, некая сверхцивилизация решила проверить человечество «на вшивость». Мол, если большинство участников эксперимента нажмут кнопку ради денег — Земле хана, а если проявят милосердие — Земля выживет. В фантастической литературе земляне не раз и не два подвергались подобным этическим испытаниям (вспомним

хотя бы блистательную «Круглую тайну» Вадима Шефнера), и для чистоты эксперимента никакого безумного визионерства не требовалось вовсе. Ричард Келли успешно освоил тридцатимиллионный бюджет, которого мировые сборы не перекрыли. И автора нисколько не жалко: за издевательство над жанром фантастического кино должна, наконец, последовать расплата...

ОЛЕГ «MASTINO» КОЗЛОВСКИЙ

ТРЕТИЙ ВСЕУКРАИНСКИЙ СЪЕЗД ФАНТЛАБА В ОДЕССЕ

С 17 по 19 июля 2010 года в Одессе проходило мероприятие, ставшее уже постоянным и сумевшее обрести традиции, — ежегодный Всеукраинский Съезд Фанталаба. Съезд этого года стал наиболее массовым, и длительным по времени. Впервые делегаты начали съезжаться еще в пятницу утром.

Как всегда, основной целью съезда стало живое общение между людьми, которые любят фантастику, читают фантастику, понимают фантастику и желают ее обсуждать.

В программе съезда организаторы предусмотрели как официальную часть, состоящую из обсуждений различных вопросов, имеющих прямое отношение к литературе и сайту Фанталаба, так и неофициальную, включающую в себя и экскурсию по городу, и конкурсы, и (как же без него!) банкет в одном из ресторанов города.

Первый день не предполагал никаких официальных мероприятий и был посвящен прогулкам по городу, неформальному общению, посещению многочисленных одесских кафе. Прогулка, начавшись днем, закончилась поздно ночью. Фанталабовцы прошлись по наиболее красивым и интересным местам города, посетили множество достопримечательностей, и просто интересных мест, коими изобилует центр Одессы.

Обсуждались самые разные темы, начиная от творчества любимых (и не очень) авторов и заканчивая политикой и экономикой.

Второй день съезда начался со встречи основной массы гостей, прибывших на главные мероприятия. После обычной рутины, связанной с прибытием, встречей, поселением в гостиницу, пришел черед

Второй день. Завтрак после встречи гостей

основной, официальной части, включавшей в себя доклады, обсуждения, диспуты.

Официальная часть началась с краткого вступительного слова, произнесенного организаторами.

Первый доклад на тему «Фантастика и музыка. Влияние творчества Толкина на музыку» был подготовлен отличным знатоком музыки, известным на сайте под ником **SamAdness**.

Доклад сопровождался прослушиванием музыки, просмотром клипов и, к удовольствию всех присутствующих, занял намного больше времени, чем было отведено на него в предварительном расписании.

Затем, после короткого перерыва, прошло очень важное обсуждение, о котором хочется рассказать чуть подробнее.

Когда задумывались Всеукраинские съезды, было принято решение основными городами, принимающими их, считать Одессу и Киев. Так и было — два съезда приняла Одесса, один — Киев. Но желание расширить географию встреч было всегда, и дело — только за организаторами из других городов Украины. На этот раз такие организаторы появи-

лись. О своем желании принять следующий, четвертый съезд, заявили представители Донецка. Аргументы донецких фантабловцев в пользу своего города были очень убедительны, и после того, как были выслушаны их предложения по организации четвертого съезда, было проведено голосование, и единогласно **следующим городом, в котором пройдет Всеукраинский съезд, был выбран Донецк!**

Первый доклад

Поздравляем наших донецких друзей!

Затем, слово взял очень известный знаток фантастики **Андрей Игоревич Ермолаев**. Тема его первого доклада ? «О пересечении мира фантастики и ролевых игр».

Для многих, это было первое знакомство с ролевыми играми, с правилами таких игр. Оказалось, что мир ролевых игр далеко не несколько подростков с самодельными фанерными мечами, это достаточно массовое движение со своими законами и традициями.

Тема второго доклада Андрея Ермолаева ? «История проведения конвентов в СССР и СНГ». Доклад сопровождался даже импровизированным показом коновских мод. Были представлены футболки с различных конвентов. Собравшиеся выслушали доклад с большим интересом. Было

задано множество вопросов, из которых явствовало, что эта тема очень интересует съехавшихся на съезд фантабловцев.

Продолжил рассказ Андрея Ермолаева побывавший на множестве конвентов фантабловец, известный под ником **KERDAN**. Его часть рассказа была посвящена, скорее, не истории конов, а личным впечатлениям от их посещения и вызвала огромный интерес своей живостью и эмоциональностью.

Время летело незаметно. В результате, к сожалению, удалось прослушать не все запланированные доклады. Их перенесли на следующий день.

Банкет, устроенный в одном из одесских ресторанов, очень быстро из обычного ужина превратился в настоящий фейерверк веселья. Были, как полагается, произнесены тосты за дружбу, книги, Фантабл.

Вскоре, совершенно спонтанно, начались веселые игры и конкурсы. Например, игра в «Крокодил», вызвавшая шквал веселья, смеха и эмоций. Но и во время банкета не прекращались обсуждения литературы, творчества различных авторов, их произведений.

Закончился банкет ближе к полуночи. Уставшие, но довольные фантабловцы разъехались по домам и в гостиницу.

День третий начался с купания в море, прогулок по побережью. Официальная программа продолжилась в прибрежном кафе. Дискуссия по поводу принципов размещения библиографий на сайте выдалась горячей. Что, в общем-то, и неудивительно — вопрос был поднят очень серьезный. И хотелось бы немного подробнее описать эту проблему.

В настоящее время политика размещения библиографий на сайте «Лаборатория фантастики» такова: для того, чтобы получить право на размещение библиографии, у автора должно быть опубликованное произведение в жанре фантастики, фэнтези, мистики. И это условие вызывает много споров, порой, очень горячих. Как правило, все споры касаются того, как можно проклассифицировать то или иное произведение. Где грань, отделяющая фантастику от нефантастики? Является ли произведение фантастическим, используется ли там фантастический элемент? Имеет ли право существовать на сайте эзотерика?

Были выслушаны самые различные точки зрения — от желания дать зеленую улицу всем авторам, вне зависимости от жанра, и брать во внимание только литературную составляющую, качество текста, до противоположной — полностью перекрыть доступ на сайт библиографиям авторов, не являющихся фантастами на 100 %.

Не менее горячо прошло обсуждение того, кто на сайте будет цензором, определяющим как жанр произведения, так и его качество. Будет ли это группа доверенных лиц, вся администрация или более широкий круг — вплоть до всех пользователей сайта.

Также были озвучены различные мнения о «самоцензуре», не допускающей на сайт авторов, чье «творчество» способно вызвать только отторжение

После окончания официальной части все собрались во дворе гостиницы для общего фото

и отвращение. Этот вопрос вызвал самые горячие дискуссии. Мнения разделились от «разрешить всем и все, пользователи сами решат» до «не допускать на сайт авторов, чье творчество нельзя назвать литературой».

Таким образом, третий, заключительный день оказался самым эмоциональным и дискуссионным.

Ну, а закончилось заседание конкурсом, в котором участникам пришлось показать не только отменное знание фантастики, но и умение быстро и нестандартно мыслить.

По условиям конкурса, были созданы четыре команды. Ведущий конкурса задавал вопрос, команды обсуждали его в течение минуты и передавали ведущему листочки с ответами. По итогам такого гибрида «Что, Где, Когда» и «Брейн — ринга» был выявлен победитель — команда, правильно ответившая на пять вопросов из восьми. Имена победителей: **shakhtar, Аленушка, wayfarer, ZiZu.**

Время летело незаметно, и вскоре мы с огорчением обнаружили, что пора двигаться в сторону вокзала. Третий Всеукраинский подошел к концу.

Ну, и теперь можно подвести краткие итоги. Третий Всеукраинский съезд оказался наиболее массовым. В нем приняло участие двадцать четыре человека из Мелитополя, Москвы, Киева, Одессы, Симферополя, Львова, Кривого Рога, Донецка, Джанкоя, Нежина, Санкт-Петербурга.

Помимо дружеского общения в теплой и воистину душевной обстановке состоялись обсуждения различных проблем, имеющих отношение к литературе и сайту. Были заслушаны доклады, подготовленные пользователями сайта, прошли обсуждения и диспуты.

Надеемся, что каждый последующий съезд будет более массовым, нежели предыдущий, более интересным и насыщенным мероприятиями.

OPUS MIXTUM

РАЗНЫЕ ХОРОШИЕ НОВОСТИ

АБС-Премия-2010

21 июня состоялась церемония награждения лауреатов АБС-Премии этого года. Счастливчиками стали Михаил Успенский с романом «Райская машина» и Николай Романецкий с серией очерков «Тринадцать мнений о нашем пути».

Наши поздравления победителям!

Locus Awards

На проходившем в Сиэтле ежегодном Премияльном уик-энде объявлены лауреаты премии Locus Awards. В этом году отличились:

- ✓ Чери Прист с фантастическим романом «Костелом»
- ✓ Чайна Мьевиль с фэнтезийным романом «Город и Город»
- ✓ Паоло Бачигалупи с дебютной книгой «Девушка ветра»
- ✓ Скотт Уэстерфилд с книгой для подростков «Левифан»
- ✓ Кейдж Бейкер с повестью «Женщины Нила Гвинна»
- ✓ Питер С. Бигл с короткой повестью «С помощью лунного света»
- ✓ Нил Гейман с рассказом «Возбуждение нелюбопытства»
- ✓ Джин Вулф со сборником рассказов «Лучшее Джина Вулфа»
- ✓ Гарднер Доза и Джонатан Страхан как редакторы антологии «Новая спейс-опера 2»
- ✓ Урсула Ле Гуин с книгой эссе «Щека к щеке».

Лучшим художником стал Майкл Уилан, лучшим редактором — Эллен Дэтлоу, лучшим журналом признан «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», а лучшим издательством — «Tor».

Campbell и Sturgeon Awards

Обладателем премии Campbell этого года стал Паоло Бачигалупи с дебютной книгой «Девушка ветра». Эта премия, как известно, вручается автору, которого хотят поощрить к написанию еще лучших работ. Учитывая, что Бачигалупи получил уже в этом году Небьюлу и премию «Локуса», а теперь целит в Хьюго, романы у него и так неплохо получаются. Лучше бы вручить эту премию... ладно, не будем показывать пальцами.

А мемориальную премию Sturgeon за лучший фантастический рассказ получил Джеймс Морроу за «Ковыляя в направлении Хиросимы».

Обоих победителей бурно поздравляем.

Compton Crook Award

Еще одну хорошую премию вручили в Балтиморе, а к ней табличку и чек на 1000 долларов. Лучшей дебютной книгой в сфере фантастики, фэнтези и ужасов стала «Девушка ветра» Паоло Бачигалупи. Такие дела.

А теперь немного о том, откуда берутся такие таланты. В Аргентине проходит **национальный конкурс среди школьников по написанию фантастических произведений**. Несколько лет назад такой конкурс провели в провинции Сан-Луис, а теперь учащимся в возрасте от 10 до 18 лет каждой школы страны предложено до декабря представить свои произведения, лучшие из которых будут опубликованы, а имена их авторов станут известны всей стране. Вы можете себе такое представить? А аргентинцы могут. Замечательная страна!

Терри Пратчетт решил не отставать от Аргентины и объявил собственный конкурс для начинающих авторов на **«Премии Терри Пратчетта Везде, но не Здесь, Всегда, но не Сейчас»**. Правда, авторам должно быть больше 18 лет и они должны проживать в Великобритании, Ирландии или Соединенном Королевстве и не иметь ранее опубликованных работ. Премия довольно существенна: контракт с «Transworld» и аванс в размере 20 тысяч фунтов стерлингов.

Дела театральные

Орловский Эстрадный студенческий театр «Веселая маска» из Орла получил Гран-при на VIII Международном фестивале молодежных любительских театров «Славянский перекресток». Фестиваль проходил в Новозыбкове 4—6 июня этого года. Спектакль-притча был поставлен по пьесе Генри Лайона Олди «Вторые руки». Кроме Гран-при спектакль удостоился премии за лучшую режиссуру.

Новинки издательств

В «АСТ» вышла долгожданная книга Карины Шаньян «Долгий путь на Бимини», рукопись которой несколько лет шла к читателям. Также вышли «Охотник на вампиров. Бездна» Ольги Грибовой и «Маршрутка» Александра Кабакова.

Издательство «Снежный Ком М» (Москва) выпустило в серии «Настоящая фантастика» роман Максима Хорсуна «Рождение Юпитера», а в серии «Нереальная проза» — роман Андрея Хуснутдинова «Гутенот».

Как всегда, живенько в «Армаде». Тут увидели свет романы Анджея Янинского «Ник. Юзер», Антона Медведева «Иллюзион», Артема Каменистого «Дороги смертников», Дмитрия Распопова «Мастер клинков».

Клинок выковывается», Сергея Бадея «Лукоморье. Скитания боевого мага», Дмитрия Кружевского «Магфиг», Артема Тихомирова «Седьмая пятница», Александры Руды «Ола и Отто», Алексея Пехова «Пересмешник», Юлии Архаровой «Ночная гостья», Дениса Мухина «Дыхание Времени», Олеси Шалюковой «Академия теней», Натальи Бульбы «Прогулка в бездну» и Олега Борисова «Глэд».

Главный редактор: Ираклий Вахтангшвили

Редакционная коллегия:

Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Сергей Пальцун (г. Киев, Украина)
Сергей Лапач (г. Киев, Украина)
Михаил Назаренко (г. Киев, Украина)
Борис Сидюк (г. Киев, Украина)
Мария Комиссаренко (г. Киев, Украина)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Аркадий Штыпель (г. Москва, Россия)
Эллен Детлоу (г. Нью-Йорк, США)

© «Реальность фантастики»
№ 7 (83), 2010.

Интернет: www.rf.com.ua
E-mail: rf@rf.com.ua

Для писем: Украина, 03005, г. Киев-5, а/я 5

Подписной индекс
в каталоге «Укрпочта» — 08219

Издатель: © Издательский дом СофтПресс

Издатели: Эллина Шнурко-Табакова,
Михаил Литвинюк

Редакционный директор:
Владимир Табаков

Производство:
Дмитрий Берестян, Олег Чернявский

Корректор: Елена Харитоненко

Директор по маркетингу и рекламе:
Евгений Шнурко

Маркетинг, распространение:
Ирина Савиченко, Екатерина Островская

Руководитель отдела рекламы:
Нина Вертебная

Региональные представительства:

Днепропетровск: Игорь Малахов,
тел.: (056) 233-52-68, 724-72-42,
e-mail: malakhov@hi-tech.ua

Донецк: Begemot Systems, Олег Калашник,
тел.: (062) 312-55-49, факс: (062) 304-41-58,
e-mail: kalashnik@hi-tech.ua

Львов: Андрей Мандич,
тел.: (067) 499-51-53,
e-mail: mandych@mail.lviv.ua

Харьков: Вячеслав Белов,
e-mail: viacheslavb@ua.fm

Тираж — 5 тыс. экземпляров
Цена договорная

Регистрационное свидетельство:
КВ # 7600 от 22.07.2003.

Адрес редакции и издателя:
г. Киев, ул. Героев Севастополя, 10
телефон: 585-82-82 (многоканальный)
факс: (044) 585-82-85

Полное или частичное воспроизведение или
размножение каким бы то ни было способом
материалов, опубликованных в настоящем издании,
допускается только с письменного разрешения
ИД СофтПресс.

Все упомянутые в данном издании товарные знаки
и марки принадлежат их законным владельцам.

Редакция не использует в материалах стандартные
обозначения зарегистрированных прав.

За содержание рекламных материалов ответственность
несет рекламодатель.